

Международный фонд социально-экономических
и политологических исследований

ПРОРЫВ К СВОБОДЕ

О ПЕРЕСТРОЙКЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Москва
2005

Составитель В.Б. Кувалдин,
доктор исторических наук, профессор

Ответственный редактор А.Б. Вебер,
доктор исторических наук

П78 **Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ).** — М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. — 436 с.
ISBN 5-9614-0166-9

Книга посвящена 20-летию с начала горбачевской Перестройки — одной из крупнейших вех отечественной и мировой истории XX века. Среди авторов — непосредственные участники и свидетели драматических событий того времени, известные российские и зарубежные ученые, общественные деятели, дипломаты, публицисты. С двадцатилетней дистанции критически анализируются малоисследованные стороны перестроечных процессов 1989–1991 гг., замыслы и действия реформаторов, их достижения и просчеты, перипетии политической борьбы, которая привела к трагедии распада СССР. Раскрывается актуальность наследия перестройки с точки зрения современных общественно-политических процессов в России и в мире. Исходя из личного опыта, авторы дают свои, далеко не во всем совпадающие ответы на связанные с ретроспективной оценкой перестройки трудные вопросы, поныне вызывающие острейшие споры.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 321; 947
ББК 66.3(2Рос)12; 63.3(2Рос)

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю..... 5

ЧАСТЬ I. Семь лет, которые изменили страну и мир

У перестройки был свой шанс. *Вадим Медведев* 8

Можно ли было реформировать советскую систему? *Стивен Коэн* 24

Перестройка и пять трансформаций. *Арчи Браун* 46

Место перестройки в истории России. *Александр Галкин* 66

Три развилки горбачевской перестройки. *Виктор Кувалдин* 88

Перестройка и международная социал-демократия.
Александр Вебер 111

Перестройка в зеркале современных интерпретаций. *Борис Славин* 132

Перестройка, как она виделась из Вашингтона (1985–1991 гг.)
Джек Ф. Мэтлок 154

ЧАСТЬ II. О времени и о себе

Легко ли поймать черную кошку в темной комнате,
даже если она там есть? *Александр Некипелов* 176

Исторический перелом: раздумья очевидца. *Олег Богомолов*..... 188

Кровь — это не обязательно. *Николай Шмелев* 199

...Эти лучшие три года. *Анатолий Адамишин* 213

Горбачев и перестройка: парадоксы ретроспективного взгляда.
Родрик Брейтвейт 228

Продолжение должно последовать. *Вадим Загладин* 239

Новое мышление: вчера и на будущее. *Анатолий Черняев* 253

Что за словом? *Павел Палажченко*..... 260

Доспорить с историей. <i>Андрей Грачев</i>	279
Новое начало, казалось бы, неподъемного дела (субъективные заметки о перестройке). <i>Георгий Остроумов</i>	287
Перестройка, как она видится сегодня. <i>Вадим Межуев</i>	309
Перестройка глазами московского гуманитария. <i>Дмитрий Фурман</i>	317
Не возводите хулу на перестройку! <i>Александр Ципко</i>	334
Двадцать лет спустя... <i>Лилия Шевцова</i>	344

ЧАСТЬ III. В зеркале общественного мнения

Перестройка и «фактор Горбачева» в общественном мнении Запада и СССР, 1985–1991 гг. <i>Ольга Здравомыслова</i>	354
Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя. <i>Михаил Горшков, Владимир Петухов</i>	374

Приложение

Перестройка: двадцать лет спустя. <i>Доклад Горбачев-Фонда</i>	414
--	-----

К читателю

Прошло двадцать лет с начала того драматического этапа в истории нашей страны, который получил название «перестройка».

По прошествии двух десятилетий люди по-прежнему задаются вопросами: нужна ли была перестройка, была ли она обусловлена объективными требованиями общественного развития, неизбежны ли были те роковые события, которые ее оборвали и привели к распаду Советского Союза? И что она дала обществу и миру, какое наследие оставила?

Все эти вопросы приобретают новую актуальность в свете особенностей той общественно-политической ситуации, которую переживает Россия в настоящее время. Они встают перед поколениями молодых людей, вышедших в самостоятельную жизнь уже в постперестроечный период. И заставляют вновь и вновь обращаться к осмыслению и оценке событий 1985-1991 гг., когда в охватившем страну освободительном порыве закладывались основы демократизации нашего общества и перехода к рыночной экономике.

Возглавляемый мною исследовательский фонд обратился к ряду российских и зарубежных ученых и деятелей — активных участников или свидетелей событий того времени — с просьбой проанализировать или прокомментировать их с позиций сегодняшнего дня. Многие откликнулись на эту просьбу и так возникла эта книга. В ней представлены работы более двух десятков авторов — экономистов, политологов, социологов, историков из Российской академии наук, дипломатов, занимавших ответственные посты в годы перестройки, бывших ответственных работников ЦК КПСС, сотрудников Горбачев-Фонда.

Среди авторов — академик и вице-президент РАН Александр Некипелов, директор Института Европы РАН академик Николай Шмелев, член-корреспондент РАН Вадим Медведев, известные зарубежные исследователи-слависты Стивен Коэн (США) и Арчи Браун (Великобритания), бывший заместитель Министра иностранных дел СССР Анатолий Адамишин, бывший посол США в Москве Джек Мэтлок, бывший посол Великобритании в Москве Родрик Брейтвейт, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, а затем Президента СССР Анатолий Черняев, видные российские ученые и публицисты Вадим Межуев, Лилия Шевцова, Дмитрий Фурман и другие.

Читатели обратят, несомненно, внимание не только на жанровое разнообразие вошедших в книгу работ, но и на значительный разброс высказанных там мнений и конкретных оценок. В этом я вижу большое достоинство книги: она не навязывает читателю какой-то однозначно заданной точки зрения, но заставляет думать, размышлять, сопоставлять оценки и факты.

В книге публикуется подготовленный сотрудниками Фонда Аналитический доклад «Перестройка: двадцать лет спустя». Внимание читателей привлекут, несомненно, включенные в книгу социологические обзоры, где представлены результаты опросов общественного мнения об отношении к перестройке на Западе и в Советском Союзе, проводившихся в 1985–1991 гг. (статья О.М.Здравомысловой), а также результаты детального исследования о восприятии перестройки в современной России, выполненного Институтом комплексных социальных исследований РАН под руководством М.К.Горшкова и В.В.Петухова.

Надеюсь, что такая книга поможет лучше понять замыслы и действия инициаторов перестройки и будет содействовать дальнейшему изучению этого крупнейшего события отечественной и мировой истории в XX веке.

М.Горбачев

СТАТЬИ

Вадим Медведев. Можно ли было реформировать Советскую систему? 22

Стивен Коэн. Перестройка и пять трансформаций 42

Арчи Браун. Место перестройки в истории России 61

Александр Галкин. Три развилки горбачевской перестройки 81

Виктор Кувалдин. Перестройка и международная социал-демократия 102

Александр Вебер. Перестройка в зеркале современных интерпретаций 121

Борис Славин. Перестройка, как она виделась из Вашингтона (1985–1991 гг.) 141

Джек Ф. Мэтлок. Легко ли поймать черную кошку в темной комнате, даже если она там есть? 162

У перестройки был свой шанс

Вадим Медведев

Сегодня вряд ли кто осмелится отрицать, что перестройка явилась одним из важнейших событий новейшей истории нашей страны и всего мира. Но разброс в ее оценках очень велик — от положительных и даже восторженных до критических и крайне негативных. Первые преобладают в мировом общественном мнении. Вторые больше относятся к российским авторам и российскому массовому сознанию.

Такой парадокс объяснить нетрудно. В мире с перестройкой справедливо связывают новое политическое мышление, окончание холодной войны, реальное сокращение вооружений и избавление человечества от угрозы мировой термоядерной катастрофы, а также объединение Германии, прекращение афганской авантюры и ряда других локальных конфликтов и, конечно же, перевод развития страны в русло современных демократических процессов. Все это, естественно, приветствовалось и приветствуется в мировом сообществе.

Внутри же страны оценки перестройки сложились под определяющим воздействием глубокого экономического и политического кризиса, который последовал за перестройкой в 90-е годы. Распад Советского Союза и падение авторитета страны на международной арене, политические потрясения России, две чеченские войны, катастрофическое снижение уровня жизни народа, резкая имущественная дифференциация российского общества, разгул преступности и коррупции в значительной, а может, и

Медведев Вадим Андреевич — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, советник Горбачев-Фонда, руководитель проекта; в 1985 г. — заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС, в 1986–1990 гг. — секретарь ЦК КПСС, с 1988 г. — член Политбюро ЦК КПСС, в 1990–1991 гг. — член Президентского совета, старший советник Президента СССР.

основной части общества воспринимаются как прямые результаты перестройки. Еще древние римляне считали, что «после» не означает «вследствие», но перипетии общественного мнения подчиняются своим законам, и подчас требуется немало времени, чтобы в нем отложилась действительная связь событий.

Резкие расхождения в оценках перестройки отразились и в обширном потоке литературы, вышедшей за последние 10 лет. Мои взгляды и суждения по всем этим сложным вопросам нашли отражение в четырех книгах¹, в большом числе брошюр, статей, докладов, изданных в эти годы. В данной статье мне не хотелось бы повторять сказанное, но представляется важным поделиться суждениями о некоторых стереотипах, сложившихся в трактовке ряда важных проблем перестройки, не претендующими ни на полноту, ни на бесспорность.

О причинах поражения перестройки.

Перестройка, начавшись весной 1985 года, прошла несколько этапов. Первый этап (или скорее даже подступ к перестройке) охватил время с весны 1985 года до конца 1986 года. Второй этап (реальное начало перестроечных процессов) — с начала 1987 до середины 1988 года. Третий, кульминационный этап — с середины 1988 года (XIX партийная конференция) — до середины 1990 года (XXVIII съезд КПСС). И, наконец, последний, четвертый период — кризис и поражение перестройки — с середины 1990 до конца 1991 года. Конец перестройки ознаменовался распадом Советского Союза и отставкой Горбачева, переходом к обвальным экономическим реформам. (Более детальная характеристика этапов перестройки дана в приложении.)

О причинах поражения перестройки существуют различные суждения.

Согласно одной, довольно экзотической версии перестройка как процесс демократического реформирования была заранее обречена, ввиду нереформируемости советского общества в принципе, закостенелости старой системы, которую надо было просто разрушить. Россия, якобы прошла историческую точку апогея, вершины в своем развитии и дальше неизбежно должна скатываться вниз. Нация физически и духовно была слишком изуродована и измучена потрясениями, выпавшими на ее долю в XX столетии. Отсюда перестройка как величайшая историческая трагедия. Это была отчаянная, но бесперспективная попытка вытащить страну из исторического тупика. А Горбачев разделил драматическую судьбу всех великих реформаторов и революционеров.

Можно понять эмоции тех, кто так считает и выражает сочувствие Горбачеву, но согласиться с такой позицией невозможно. Она отдает фатализмом, а Горбачев предстает в ней человеком, который втянул страну в безнадежное дело, по существу в авантюру, не имевшую шансов на успех.

Большинство исследователей и просто людей здравомыслящих, переживающих за свою страну, полагают, что перестройка оказалась необходимой для того, чтобы освободиться от тоталитарного наследия прошлого и открыть для страны путь в будущее, но она сильно запоздала и обрекла себя на большие трудности, а перестроечное руководство не сумело оценить и преодолеть их. При этом одни считают, что Горбачев слишком круто повел дело, слишком рьяно начал и проводил преобразования, не считаясь с наследием советского прошлого, свернул с социалистического пути. А другие, напротив, полагают, что он действовал излишне осторожно, не проявлял должной решительности в отказе от прошлого, в разрушении социалистических институтов и возвращении страны в лоно капитализма и либеральной системы ценностей.

Конечно, в ходе перестройки политическим руководством страны было допущено немало просчетов и ошибок. О них речь пойдет ниже. Но были очень серьезные объективные причины. Хотелось бы обратить внимание на одну из них, которая, мне кажется, не получила пока адекватной оценки. Это — зависимость от мировой экономической ситуации и, в частности, от мировых цен на нефть, в которую страна попала в 70-е годы. В результате быстрого наращивания добычи нефти в Западной Сибири и повышения на целый порядок мировых цен на нее выручка от продажи на внешних рынках нефти и нефтепродуктов (не считая газа, других природных ресурсов и продуктов их первичной обработки) достигла 20 млрд. долларов в год. Напомнить об этом весьма полезно и для понимания нынешней ситуации в России, в чем-то сходной с 70-ми годами прошлого столетия.

Но в начале 80-х годов в мировых ценах на нефть произошла «революция наоборот»: они упали в три — три с половиной раза. Это коренным образом изменило ситуацию с валютными поступлениями от внешней торговли. В некоторой степени она была смягчена тем, что в торговле с соцстранами применялись цены, усредненные за последние пять лет. Но во второй половине 80-х годов и этот фактор исчерпал себя, и мы начали залезать в долги к этим странам по товарообороту. В 1989 году впервые торговый баланс страны оказался пассивным. Возникли громадные трудности с импортом, в том числе зерна и других товаров, а это самым пагубным образом отразилось на внутреннем рынке.

Нельзя не признать, что коренная перемена в финансовом положении страны, сидевшей на нефтяной игле в течение полутора десятилетий, не

сразу была осознана. Трудности воспринимались как нечто временное, привходящее. Официальная статистика, оперировавшая непомерно заниженным курсом доллара, не давала реального представления о значении этого фактора в экономике страны. На самом деле продажа на мировом рынке нефти, газа, других природных ресурсов в начале 80-х годов обеспечивала не менее 10-15% национального дохода и четверти бюджетных доходов². Попытки компенсировать снижение цен увеличением экспорта нефти не удалось. Более того, добыча нефти именно в эти годы начала снижаться.

Все это в сочетании с необоснованным ростом денежных доходов населения и денежной массой в обращении создало крайне неблагоприятный фон для экономических и политических реформ. Рост производства продолжался в стране и в 1989 году, но ситуация на потребительском рынке стала быстро ухудшаться.

Разумеется, и в этих условиях надо было искать выход из положения. Остановить политические реформы и даже притормозить их было уже невозможно. Что касается экономических преобразований, надо было, в первую очередь, выделить те из них, которые способны дать немедленный экономический эффект — развитие мелкого и среднего предпринимательства в сфере услуг, торговли, строительства, сельского хозяйства. Следовало бы также отложить меры социального порядка, требующие огромных вложений, например, реформу пенсионного обеспечения, на которую требовалось увеличить ассигнования на 40 млрд. рублей в год, удержать и усилить контроль за повышением денежных доходов населения, за наличным оборотом денег.

В этих вопросах должны были занять более четкую позицию те, кто в руководстве страны отвечал за экономику. Острая их постановка со стороны отдельных членов Политбюро болезненно воспринималась руководителями правительства и не была учтена.

В этой связи не могу не поделиться одним своим наблюдением: при всей демократичности, доверительной, товарищеской обстановке в Политбюро, свободе мнений и обсуждений все же не хватало ответственности членов руководства за свои участки работы, жесткой требовательности к ним. Хочу напомнить, что за все годы, вплоть до путча, никто из состава высшего политического руководства не был привлечен к какой-либо ответственности и освобожден от работы за политические, по сути своей антиперестроечные, действия. Этого заслуживал Лигачев — за историю с письмом Н. Андреевой, Язов — за применение войск в Тбилиси, Крючков — за штурм телецентра в Вильнюсе, Павлов — за требование чрезвычайных полномочий правительству в Верховном Совете, не согласованное с президентом,

и, конечно же, Ельцин. Все ожидали, что после его атаки на Политбюро в октябре 1987 года он будет отлучен от политики и отправлен послом в какую-нибудь африканскую страну, но он получил министерское кресло, оставался членом ЦК, пока сам демонстративно не вышел из партии³. Я лично объясняю это не слабостью и нерешительностью Горбачева (обвинения в его адрес в этих грехах опровергаются главным — мужественным решением пойти на кардинальные перемены в стране и огромной энергией в их осуществлении), а скорее его идеализмом, генетической приверженностью генсека демократическим методам, верой в то, что разногласия в новом руководстве не выходят за пределы его единства в принципе и могут быть преодолены в товарищеской дискуссии.

Почему не китайская модель?

В дискуссиях о перестройке часто возникает вопрос, почему советское руководство, начавшее реформирование общества, не пошло по китайскому пути, не воспользовалось китайской моделью реформ — переводом экономики на рыночные основы при сохранении прежней политической системы и даже идеологии. Такая постановка вопроса возникла на почве своеобразного китайского экономического чуда. По-видимому, сказались также глубоко укорененное в сознании российского общества представление о решающей роли экономического базиса по отношению к надстройке.

Что можно сказать по этому поводу? Прежде всего, подход советского руководства к реформированию общества не следует противопоставлять китайской модели. Не догматические представления о роли экономики, а анализ реальной предкризисной ситуации в стране привел нас к выводу, что в первую очередь должна быть реформирована именно она. Я и мои коллеги — ученые-экономисты, сотрудничавшие с Горбачевым, задолго до его прихода к власти считали, что страна не сможет с прежними механизмами и методами хозяйствования выйти на траекторию современного социально-экономического развития. Об этом было ясно сказано и Горбачевым в его предперестроечном докладе на научно-практической конференции в ЦК КПСС в декабре 1984 года.

А после того, как он стал генсеком, эта линия последовательно проводилась на практике. Достаточно напомнить о Всесоюзном совещании по ускорению научно-технического прогресса летом 1985 года, о разработке кардинальных мер по модернизации отечественного машиностроения и перераспределению финансовых ресурсов для этой цели, о проведении крупномасштабного экономического эксперимента в трех отраслях, о развитии индивидуально-трудовой деятельности, кооперации, о реальных

шагах в направлении полного хозрасчета, самофинансирования и самокупаемости предприятий и объединений и, наконец, о разработке и принятии летом 1987 года решения по кардинальной реформе экономики, предусматривающей, по сути дела, коммерциализацию хозяйства на основе полного хозрасчета, аренды и кооперации. Мы исходили из того, что все эти меры могут дать реальный эффект через два-три года, а пока не следует пренебрегать и традиционными административными рычагами, укреплением плано-финансовой и трудовой дисциплины, введением двух- и трехсменной работы предприятий, жестким контролем за качеством продукции. В этом же контексте рассматривалось и ужесточение борьбы с пьянством и алкоголизмом.

К сожалению, первоначальный замысел осуществить не удалось. Почему? Главная причина связана с настроениями партийно-хозяйственного аппарата, нарастающим сопротивлением с его стороны прогрессивным переменам в методах хозяйствования и управления, внедрению его новых форм, предусмотренных реформой 1987 года. Директора предприятий, естественно, приветствовали расширение своих прерогатив, тем более, что была введена система их выборности, но многие из них не были готовы к самостоятельному ведению дел, категорически выступили против свертывания государственного финансирования и планового материально-технического снабжения. Руководители министерств, Госплана и правительства, борясь за сохранение своих прав и полномочий, оказывали глухое, но упорное сопротивление отходу от жесткого директивного планирования, реформе ценообразования, введению оптовой торговли средствами производства вместо их централизованного распределения. Против кардинальной экономической реформы, означавшей разгосударствление, а значит и департизацию экономики, был и партийный аппарат на всех уровнях, формировавшийся в основном из хозяйственно-управленческой элиты.

В итоге экономическая реформа уперлась в необходимость перестройки политической системы и, прежде всего, самой партии, глубокой демократизации общества, гласности и свободы слова. В этом коренное отличие нашего опыта реформирования от китайского. Там оказалось возможным провести экономические преобразования при сохранении политической системы и даже идеологии хотя бы на словах. Видимо, сказались традиционные особенности китайского общества — боготворительное отношение к власти, самоограничение, послушность, терпимость и трудолюбие людей. Нельзя не учитывать и того, что страна незадолго до того вышла из потрясений культурной революции.

У нас же экономическая реформа могла состояться лишь как одна из составляющих всестороннего процесса реформирования общества. Дру-

гое дело, что руководство страны, втянувшись в перестройку политической системы, оказалось не в состоянии, начиная с 1988 года, заниматься экономическими реформами так же предметно, как политическими вопросами. Они были по существу переданы правительству, где были сильны консервативные настроения. Конечно, эти настроения постепенно перемалывались, но сопротивление оставалось очень сильным. Новый заход правительства Рыжкова-Абалкина на экономические реформы в 1989-90 гг. предусматривал продвижение вперед к рыночной экономике, но кое в чем даже отступал от позиции 1987 года. Упорное сопротивление в различных звеньях экономического управления оказывалось предложениям о республиканском хозрасчете, реформе цен и ценообразования, оптовой торговле средствами производства и т.д. Экономика все более превращалась в заложницу политики, продвижение по пути экономических реформ все более блокировалось политическими баталиями, нападками на перестройку со стороны как консервативной, так и радикал-либеральной оппозиции.

О роли партии в перестройке.

Этот кардинальный вопрос заключает в себе немало парадоксов. Перестройка началась, когда Генеральным секретарем ЦК партии был избран Горбачев. Она и закончилась, когда в ее руководящем звене стали раздаваться требования об отставке Горбачева и фактически был поддержан антигорбачевский путч. Что касается первого, то иначе и быть не могло. Советское общество было так организовано, что кардинальные реформы в нем могли начаться только по инициативе партии. Возможные, в конце концов, спонтанные процессы вылились бы в массовые столкновения с непредсказуемыми результатами. Но, начав реформирование, сама партия не могла оставаться такой, какой была до этого, а должна была стать не только источником, но и примером реформирования. Это прекрасно понимали организаторы перестройки. Демократизация партии была основной идеей январского пленума ЦК 1987 года, который, собственно, и положил начало реальным перестроечным процессам в политической системе страны, открыл дорогу для XIX партконференции, а затем — и для XXVIII съезда КПСС. Был начат процесс деэлитизации партии, освобождения ее от роли ядра государства, функций прямого государственного управления всеми делами в стране и превращения в реальную политическую партию, овладения новым содержанием и новыми методами политической работы. Нет нужды напоминать, насколько сложным и болезненным был этот процесс, какие противоречия и взрывы недовольства он породил в партийном ап-

парате. Это совершенно очевидно проявилось и на пленумах ЦК 1989-1990 годов, на XXVIII съезде партии и особенно после него.

В связи с избранием Горбачева Президентом СССР возник вопрос о его уходе из партии. Консерваторы в партии хотели освободиться от Горбачева и его сторонников, превратить партию в оплот антиперестроечных сил и развернуть борьбу против перестройки под флагом защиты социализма. Радикальные демократы также выступали за то, чтобы президент перестал быть лидером партии, они хотели бы перетащить Горбачева на свою сторону, оторвать его от партии под предлогом углубления перестройки, мотивируя это превращением партии в антиперестроечную силу.

Был ли прав Горбачев, не уйдя из партии, а сохраняя как президент страны руководящую роль в ней? Можно ли согласиться с тем, что партия была в принципе нереформируемой организацией, способной быть лишь оплотом консервативных сил в обществе?

И тогда считал, и сейчас считаю, что президенту не следовало отходить от руководства партией, порывать с ней. В этом случае она была бы отдана в руки антиперестроечных сил. «Демократы» не могли в то время стать сколько-нибудь надежной опорой президентской власти. У них не было ни сколько-нибудь ясных политических ориентиров, ни общественных структур, в их стане царили неразбериха и разброд. Тон задавали амбициозные настроения и демагогия неудавшихся в прошлом политиков, за исключением, может быть, А.Д.Сахарова.

Что касается КПСС, то она сохраняла еще важные рычаги влияния на развитие страны, особенно на местах. Да, в ней происходила сложная борьба между консервативными и реформаторскими настроениями. Но зерна обновления были брошены и дали серьезные всходы в настроениях партийных масс и широкого круга активистов. Свидетельством этому может служить почти единодушное принятие на XXVIII съезде Программного заявления «К гуманному, демократическому социализму» — документу, который по своим духу и букве серьезно отличался от всего предыдущего и, по сути дела, был выдержан в социал-демократическом ключе. Показателем настроений в партии может служить избрание абсолютным большинством делегатов съезда Генеральным секретарем ЦК КПСС Горбачева, и, напротив, полный провал Лигачева, олицетворявшего консервативные силы в КПСС и в ее руководстве, на выборах заместителя генерального секретаря.

Почему же через год после XXVIII съезда, высказавшегося в целом за продолжение перестроечной линии, партия не смогла занять правильные позиции — не допустить путча и выступить против него, если в ней преобладали реформаторские настроения?

Мне кажется, что все дело в том, что партия не нашла своего места в новой общественной системе после того, как государственные функции были переданы из ее рук тем, кому они должны принадлежать — представительным и исполнительным органам государственной власти. По инерции еще партийные органы цеплялись за старые функции. Но центр тяжести перемещался из партии в Президентский совет, президентский аппарат, Верховный Совет и его органы. Мощный партийный аппарат в центре и на местах не находил своей ниши в общественно-политической деятельности, не смог освободиться от командных приемов в отношении государственных органов и общественных организаций, средств массовой информации.

Возвращаясь мысленно к тем временам, не могу не сказать, что заметной ошибкой было фактическое прекращение с осени 1988 года деятельности Секретариата ЦК, который мог бы сыграть положительную роль в проведении перестроечной политики и кадровой работы в партии. Связь с местными парторганами оказалась в руках Отдела оргпарторганы, известного своей приверженностью к консервативным позициям.

Особенно ущербной стала роль Центрального Комитета, его Политбюро, партийных органов на местах после XXVIII съезда партии. В соответствии с новой ролью и функциями партии в Политбюро не вошел ни один государственный руководитель, кроме президента. От традиционного Политбюро осталось по существу одно название. Но амбиции у его членов остались прежние. Заседания Политбюро далеко не всегда вел Горбачев. Часто это поручалось заместителю Генерального секретаря, не обладавшему в партии и в стране серьезным авторитетом. Это не могло не питать у членов Политбюро ревность и оппозиционные настроения по отношению к президентской команде.

Нельзя не признать, что и до XXVIII съезда и особенно после него работа по консолидации реформаторских сил в партии, вокруг ее новых задач велась недостаточно активно. Генсек, став президентом, не мог уделить партии прежнего внимания, и мы недостаточно ему помогали. Не велось наступательной, целеустремленной в этом смысле идеологической и организаторской работы. К руководству партии на ее XXVIII съезде были выдвинуты некоторые здравомыслящие, демократически настроенные люди (в их числе Е.С.Строев, А.С.Дзасохов, В.А.Купцов, А.Н.Гиренко), но были и серьезные кадровые ошибки (Г.И.Янаев, О.С.Шенин, В.А.Ивашко, В.М.Фалин). Кадровая работа на местах также не имела демократической направленности. В результате всего этого реформаторские позиции в партии не укреплялись, а скорее, наоборот, ослаблялись.

Весной 1991 года развернулась работа над новой Программой партии и подготовкой осенью того же года нового съезда КПСС, на котором должно

было произойти размежевание ее на реформаторскую и традиционалистскую партии. Но этого не произошло из-за путча, фактически поддержанного руководством партии, краха путчистов и роспуска КПСС.

В итоге Россия оказалась единственной из постсоциалистических стран Европы без массовой партии социал-демократического типа, выросшей на основе бывших правящих коммунистических партий. В ряде стран такие партии либо оставались у политической власти, либо приходили к ней в последующие годы.

О судьбе Союза

В сознании довольно широких слоев населения, в публицистических выступлениях, а зачастую и в научных работах утвердилось представление о том, что распад Союза есть прямой результат перестройки, а Горбачев — чуть ли не главный его виновник.

На самом же деле распад союза — результат не перестройки, а ее поражения. Сама же перестройка была направлена на сохранение Союза путем его реформирования. С течением времени становится все более очевидно, что сохранение Союза в его прежнем виде в условиях демократизации и реформирования страны было невозможно.

Да, Союз советских республик опирался на исторически сложившиеся связи между народами бывшей Российской империи. В его основе лежали экономические факторы, формировавшийся единый народнохозяйственный комплекс. Ядром Союза была Россия, к которой тяготели не только славянские республики, но и Казахстан, Закавказье, Средняя Азия и в определенной мере Прибалтика. Входящие в Союз республики, некоторые из них впервые в истории, обрели территориальные административные границы, получили многие атрибуты государственности. Но при всем этом федеративные основы Союза лишь декларировались, на самом же деле это было строго централизованное, по сути дела унитарное государство. Его единство покоилось на жестких конструкциях политической системы, прежде всего партии, а также силовых структурах. Суверенитет союзных республик, провозглашенный в Конституции, фактически не имел реального наполнения, несмотря на все внешние атрибуты.

Нельзя не признать, что понимание необходимости перестройки в межнациональных отношениях Союза пришло не сразу. Национальный вопрос в Советском Союзе считался, в основном, решенным, а узы дружбы народов нерушимыми, но в действительности многие проблемы были приглушены, загнаны вглубь. По мере демократизации и расширения гласности они начали выходить наружу то там, то здесь (крымские татары, собы-

тия в Алма-Ате). А затем спираль выступлений начала раскручиваться все сильнее — Карабах, Абхазия и связанные с ней события в Тбилиси, Прибалтика, Средняя Азия, Молдавия и, наконец, что уже совсем оказалось неожиданным, сама Россия.

Пленум ЦК по международным отношениям был проведен с явным запозданием и не смог существенно повлиять на развитие ситуации. Мы недооценили возможности спекуляции консервативных и радикальных сил на проблеме России. В результате российские проблемы были «оседланы» в партии консервативными силами, которые создали в лице Центрального Комитета Компартии России оппозиционный центр сопротивления перестройке. А по государственной линии в России одержал верх Ельцин и его сторонники. Быстро нарастал радикализм национальных движений в Прибалтике и других республиках. От скромного лозунга республиканского хозрасчета они перешли к требованию пересмотра Союзного договора, идеи тоже достаточно конструктивной, а затем развернулась борьба за полный национально-государственный суверенитет и выход из СССР. Весьма характерно, что сепаратисты в национальных республиках рьяно выступали за суверенитет России, а ельцинские суверенизаторы России оказывали им всяческую поддержку. Сложилось нечто вроде единого фронта между ними.

Работа над новым Союзным договором, казалось, вводила в конституционное русло сложные и болезненные процессы в международных отношениях. Но она чем дальше, тем больше затруднялась, а затем и саботировалась ельцинским руководством России, инициировавшим «парад суверенитетов» для борьбы против союзного центра и разрушения Союза. Против реформирования Союза был направлен и августовский путч, поражение которого было использовано Ельциным для подрыва Центра, лишения его реальных полномочий. В последний момент сильнейший удар по усилиям, направленным на сохранение реформированного Союза, нанес украинский референдум о независимости республики.

Таким образом, против Союза объединились все антиперестроечные силы, и они добились своего, несмотря на то, что Горбачев и его сторонники до конца боролись за его реформирование и сохранение.

Возникает вопрос — был ли какой-либо шанс сохранить Союз? Ведь в XX веке распались и прекратили свое существования практически все многонациональные империи и государства. Думается, что такой шанс, хотя бы один из десяти, был. Ведь народы Советского Союза, в отличие от других сошедших с исторической арены империй, и, прежде всего, его славянский костяк многие века и десятилетия жили совместно в едином геополитическом (евразийском) экономическом и социально-культурном

пространстве. Этот шанс был заключен в демократической национально-государственной перестройке Союза на принципах подлинного равноправия наций, их самоопределения в рамках реальной федерации. Поражение перестройки перечеркнуло этот шанс.

Возврата к прежнему Союзу, пусть даже в ином, неполном составе, быть не может ни в ближайшем будущем, ни в отдаленной перспективе. Речь может и должна идти о развитии разностороннего сотрудничества между постсоветскими государствами, опирающегося на унаследованные от прошлого плодотворные связи, традиции и общие интересы.

О наследии перестройки и ельцинизме

Довольно широко распространено мнение, что после распада Союза в рамках России были, по сути дела, продолжены преобразования, начатые во время горбачевской перестройки, им лишь придан более радикальный характер. Более того, некоторые не в меру ретивые сторонники Ельцина стали изображать дело так, что будто бы лишь с разрушения Союза и устранения Горбачева и начались демократические преобразования. Например, гласность и свобода слова связываются с Законом о печати, принятом при Ельцине. Хотя хорошо известно, что первый демократический закон о СМИ был принят в 1990 году, а цензура практически была упразднена за два года до этого. Свободные выборы народных депутатов прошли впервые в 1989 году. Шлагбаум для многопартийности открыт изменением статьи 6 Конституции в 1990 году и т.д.

Конечно, придя к власти в России, Ельцин не мог не считаться с демократическими заделами перестройки. Но ничего существенно нового в демократические процессы его администрация не внесла. Более того, есть все основания говорить об авторитарном откате от демократических принципов, который произошел в связи с принятием новой Конституции страны, наделившей президента чуть ли не диктаторскими полномочиями. А этому предшествовал роспуск Верховного Совета и расстрел Российского парламента!

Никак не вяжутся с утверждениями об углублении демократии общеизвестные и никем не опровергнутые факты о тесных связях Ельцина и его окружения с крупнейшими олигархами, их решающем влиянии на государственные решения.

Самым «сильным аргументом» в пользу углубления демократии в ельцинской России подается — единовременное введение свободного ценообразования и массовая приватизация государственной собственности. Но эту шоковую терапию даже нет оснований называть реформами. Это, по

существо, разрушение существовавшей экономики и открытие простора для экономического хаоса в надежде на «невидимую руку рынка». Этот процесс неизбежно приобрел антидемократический и антисоциальный характер, пошел на пользу спекулянтам и теневым дельцам, коррумпированным чиновникам разного ранга и нанес огромный ущерб населению — падение вдвое реальной заработной платы, обесценение сбережений, рост безработицы и т. д. И главное, он не только не привел к оживлению экономики, а, напротив, вверг ее в беспрецедентно глубокий и продолжительный кризис, закончившийся дефолтом августа 1998 года.

Политика администрации Ельцина потерпела полное банкротство, но не потому, что она следовала перестройке, а скорее наоборот — потому, что ничего общего не имела с ней ни по целям, ни по методам их достижения.

Высшим смыслом ее было скорейшее разрушение социализма, с которым отождествлялось советское прошлое, и возврат к капитализму, где всем управляет «невидимая рука рынка». И все это — революционным путем — через тотальную приватизацию собственности, полный уход государства из экономики и минимизацию его социальных функций.

Каков же результат? Мы действительно ушли от советской системы, но вместе с пороками и слабостями, характерными для государственного авторитарного социализма, утратили и его социальные, научно-технические и культурные достижения. А пришли к системе допотопного, дикого капитализма с разгулом алчности, коррупции, преступности, с невиданными имущественными и социальными контрастами, весьма далекой от современного общества с социально ориентированной и регулируемой рыночной экономикой.

Перестройка же предполагала постепенную трансформацию советского общества, избавление его от тоталитарного прошлого и выведение на траекторию современного развития с опорой на собственные достижения и традиции и использованием опыта развитых стран для обеспечения достойных условий жизни и деятельности человека. До определенного времени аргументация в пользу реформирования общества, его перестройки была облечена по сложившейся традиции в форму противопоставления социализма капитализму. В обществе, да и у политических руководителей сохранялась вера в принципы социалистической справедливости⁴. Но могу со всей ответственностью сказать, что она исходила не из абстрактных догм, а из понимания реальных проблем, которые должно было решить наше общество: демократизации и гласности всех сфер общественной жизни, обеспечения прав и свобод человека, создания сильных стимулов трудовой и деловой активности людей, международной безопасности.

Нынешняя российская администрация заметно скорректировала политику предшествующей. Она стала в большей степени отвечать интересам страны, учитывать уроки прошлого, в том числе перестройки, постперестроечного периода и завоевала поддержку в обществе. Однако и сегодня возникает немало вопросов, касающихся социально-экономической политики и развития демократических процессов, но это — тема для другого разговора.

¹ Медведев В.В. в команде Горбачева: взгляд изнутри, М.: Изд-во «Былина», 1994; Медведев В.А. Распад, как он назревал в мировой системе социализма, М.: Изд-во «Международные отношения», 1994; Медведев В.А. Прозрение, миф или предательство? К вопросу об идеологии перестройки. М.: изд-во «Воскресенье», 1998; Медведев В.А. Постперестроечная Россия. Проблемы и перспективы, часть I и часть II. М.: Институт экономики РАН, 1999; Медведев В.А. Перед вызовами постиндустриализма: взгляд на прошлое, настоящее и будущее экономики России. М.: Изд-во Альпина Паблишер, 2003.

² В нынешней России она дает, по различным оценкам, от половины до трех четвертей бюджетных доходов.

³ Пожалуй, единственным примером проявления жесткой ответственности может служить снятие маршала Соколова с поста министра обороны в связи с приземлением Руста на Красной площади.

⁴ Нелишне напомнить в этой связи, что под флагом социализма и его обновления выступили авторы нашумевшей книги «Иного не дано. Перестройка: гласность, демократизация, социализм» (Изд-во «Прогресс», 1988 г.), в числе которых были ведущие деятели демократической оппозиции.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

Периоды	Узловые и знаковые события	Политика	Экономика	Идеология	Международные отношения
I. Предперестройка (март 1985-1986 гг.)	Мартовский и апрельский пленумы ЦК КПСС 1985 года. Выступления Горбачева в Ленинграде, май 1985 г. Совещание по вопросам ускорения научно-технического прогресса, июнь 1985 г. XXVII съезд КПСС, февраль-март 1986 г.	Смена руководства страны, провозглашение и разработка нового политического курса на очищение и обновление социалистического общества. Всенародная поддержка нового руководства, переходящая в эйфорию.	Линия на ускорение научно-технического прогресса и социально-экономического развития, структурные перемены. Широкомасштабные эксперименты, подготовка общей экономической реформы. Борьба за укрепление дисциплины и порядка, повышение качества продукции. Антиалкогольная кампания.	Прямой диалог политического руководства с народом. Борьба с показухой, формализмом, славословием, развязывание инициативы СМИ. Ликвидация зон, свободных от критики.	На общем фоне спокойствия и внешнего благополучия появление первых признаков обострения международных проблем (события в Алма-Ате, активизация движения крымских татар).
II. Начало перестройки (1987 – середина 1988 гг.)	Январский Пленум ЦК КПСС 1987 г. (о демократизации и работе с кадрами). Июньский Пленум ЦК КПСС 1987 г. (о радикальной экономической реформе). Доклад Горбачева о 70-лети Октябрьской революции. Демарш Ельцина на октябрьском Пленуме ЦК. Обсуждение в Политбюро статьи Андреевой. Выход книги «Иного не дано» (июнь 1988г.).	Разработка и начало реформы политической системы, демократизации внутрипартийных отношений. Обострение дискуссий вокруг основных проблем перестройки. Зарождение оппозиционных настроений радикал-либерального и консервативно-догматического толка.	Принятие и начало осуществления радикально-экономической реформы. Борьба мнений вокруг ее основных направлений и методов. Появление валютно-финансовых и бюджетных трудностей, дефицита на потребительском рынке.	Становление гласности и плюрализма мнений, сопровождаемое перехлестами в СМИ. Критический пересмотр различных этапов советской истории. Издание ранее запрещенных книг (Бухарин, Троцкий, Платонов, Рыбаков и др.), выпуск на экраны запрещенных фильмов («Покаяние», «Проверки на дорогах», «Комиссар» и др.).	Вспышка конфликта между Арменией и Азербайджаном вокруг Нагорного Карабаха, резня в Сумгаите (февраль 1988 г.). Активизация сепаратистских настроений в Прибалтике. Требование республиканского хозрасчета.

Периоды	Узловые и знаковые события	Политика	Экономика	Идеология	Международные отношения
III. Переломный период (середина 1988 – середина 1990 гг.)	XIX партконференция (июнь 1988 г.). Реорганизация партаппарата (октябрь 1988 г.). Изменение Конституции и избирательного закона (ноябрь 1988 г.). Выборы народных депутатов СССР (март 1989 г.). Первый съезд народных депутатов (май-июнь 1989 г.). Выборы республиканских органов власти (весна 1990 г.).	Реорганизация политической системы: разделение государственных и партийных функций, передача всей полноты власти Советам. Политическое размежевание в обществе. Формирование оппозиции: консервативной (в партии) и радикальной (в обществе). Переход к президентской форме правления.	Снижение темпов экономического роста, расстройство потребительского рынка, внешней торговли, финансов. Несмотря на отдельные шаги (закон о кооперации), экономическая реформа 1987 года в целом заблокирована политической борьбой. Новые заходы правительства на реформу не получают поддержки в обществе. Появление забастовочных движений.	Попытки выстроить идеологию гуманного, демократического социализма. Ослабление партийного контроля над СМИ, фактическая отмена цензуры. «Опьянение» гласностью и свободой слова. Перехлесты в деятельности СМИ. Борьба вокруг закона о СМИ. Политизация творческой интеллигенции и ее идеологическое размежевание.	Обострение обстановки в Прибалтике. Возникновение народных фронтов. Принятие законов, ограничивающих действие союзного законодательства. Манифестации в связи с 40-летием пакта Риббентроп-Молотов. Столкновения на национальной почве в Средней Азии. События в Тбилиси (апрель 1989 г.), в Баку (январь 1990 г.).
IV. Кризис и поражение перестройки (середина 1990-1991 гг.)	XXVIII съезд КПСС (июнь 1990 г.). Учредительный съезд КПРФ (июнь 1990 г.). Принятие деклараций о суверенитете РСФСР и других союзных республик. Ново-огоревский процесс (весна-лето 1991 г.). Вильнюс – февраль 1991 г. Августовский путч 1991 г. Беловежский стовор и развал Союза ССР (декабрь 1991 г.).	Съезд принял политические решения в основном в перестроечном духе, но фактически партия оказалась в руках консервативных сил. В лице ЦК КПРФ возник параллельный центр антипрезидентских сил. В обществе нарастает влияние радикально-либеральных настроений. Компромиссная попытка спасти перестройку и Союз (ново-огоревский процесс). Глубокий политический кризис привел к путчу в августе и к развалу Союза – в декабре.	Экономика становится заложницей политики, обрекая на неудачу альтернативные программы. Развал финансов и хозяйственных связей. Уровень жизни людей начинает быстро падать.	Глубокий кризис общественного сознания, идейный разброд. Прежние духовные ценности дискредитированы, а новые аморфны, размыты, неприемлемы для большинства общества.	Борьба за сохранение реформированного Союза ССР, за принятие нового Союзного договора сорвана консервативными и радикально-либеральными силами. Курс российского руководства (Ельцин) на развал Союза.

[Это] вопрос вопросов. Леон Оников

Можно ли было реформировать Советскую систему?¹

Стивен Коэн

Из всех российских «проклятых» вопросов XX века один продолжает терзать нацию и в XXI веке: Почему погиб Советский Союз, или, как иногда называют его националисты, «Великая Россия»? С декабря 1991 г. российские ученые, политики и общественность не перестают спорить по этому вопросу, в то время как у большинства западных комментаторов уже готов ответ: Советская система была нерепформируема и, следовательно, обречена из-за присущих ей неисправимых дефектов.

Но, учитывая те исторические перемены в сторону демократии и рынка, которые произошли за шесть лет правления Михаила Горбачева в 1985-1991 гг. и которые выходили далеко за рамки простой либерализации, допускаемой самыми «оптимистичными» прогнозами некоторых советологов, была ли она действительно нерепформируемой? Разумеется, в то время такой единодушной уверенности в этом не было. Западные правительства, включая США, практически до самого конца думали и надеялись, что руководство Горбачева может привести к реформированию Советского Союза. (Я должен подчеркнуть, что дело здесь не в реформаторской роли Горбачева, а в способности системы к фундаментальному изменению.) В то время как сегодня ученые «пессимисты», вслед за большинством сове-

Стивен Коэн — профессор российских исследований в Нью-Йоркском университете и почетный профессор политических наук в Принстонском университете.

тологов, твердят, что советскую систему невозможно было реформировать и, следовательно, Горбачев потерпел поражение, многие исследователи в период перестройки считали само собой разумеющимся, что «системные изменения возможны в советском контексте». Один американский экономист, которому суждено было вскоре стать главным экспертом Белого дома по советским проблемам, выразился даже более выпендренно: «Можно ли реформировать советский социализм? Конечно, можно, и он уже реформируется».

Почему же тогда так много специалистов, принадлежащих к разным поколениям и исповедующих разные научные убеждения, твердят, начиная с 1991 г., что «СССР невозможно было реформировать», что он был «фундаментально, структурно неререформируемым», а выражение «советская реформа» вообще есть «противоречие в понятии, вроде горячего снега», и, следовательно, Горбачев просто «не сумел реформировать неререформируемое»? И еще более непонятно, почему они так настойчиво утверждают, словно не желая возвращаться к этой теме, что на этот глобальный исторический вопрос «уже дан ответ»? Понять их мотивацию непросто еще и потому, что сама формулировка: «врожденная неререформируемость советского коммунизма», — является одной из худших в литературе. В некоторых случаях объяснение являет собой простую тавтологию, как у того французского советолога, который не представлял, что «советская система может реформировать себя во что-то принципиально иное, не перестав при этом быть советской системой».

На самом деле, не существует ни теоретических, ни концептуальных оснований утверждать, что советская система была неререформируемой и, значит, как стало принято говорить, «обреченной» с самого начала горбачевских реформ. Если вопрос сформулировать должным образом, без традиционного идеологического подхода, и тщательно изучить в свете тех изменений, которые действительно произошли, особенно в период 1985-90 гг., то есть, до того как кризисы дестабилизировали страну, то окажется, что она была замечательно реформируемой. Но для того чтобы задать вопрос правильно, нам нужно точно представлять себе, что такое реформа и что такое советская система.

В универсальном понимании, реформа есть не просто изменение, но изменение, которое ведет к улучшению жизни людей, обычно за счет расширения рамок их политической или экономической свободы, или и того, и другого вместе. Это не революция или тотальная трансформация существующего порядка, а постепенные, пошаговые улучшения в широком историческом, институциональном и культурном измерении системы. Ут-

верждения, что «настоящая реформа» должна быть быстрой и полной, которые так часто можно встретить в работах советологов, вычеркивают из разряда «настоящих», к примеру, исторически значимое, но постепенное, в течение десятилетий, расширение избирательных, гражданских и социальных прав в Великобритании и США, а также американский «новый курс» 1930-х гг. Следует, к тому же, помнить, что реформа не всегда и не обязательно означает демократизацию и маркетизацию, хотя в настоящее время это все чаще оказывается именно так.

В таком понимании исторически неверно утверждать, что советская система была неререформируемой, что у нее были только «неудачные попытки реформ». Новая экономическая политика в 1920-е годы существенно расширила экономическую и, в меньшей степени, политическую свободу большинства граждан СССР, а политика Хрущева привела к ряду положительных и долговременных изменений в 1950-60-е годы. Многие западные специалисты явно полагают, что это был предел возможностей советских реформ, указывая на то, что даже проповедуемый Горбачевым демократический социализм был уже не совместим с оправдывающими систему антидемократическими историческими иконами — Октябрьской революцией и Лениным.

Но этому утверждению также не хватает сравнительной перспективы. Французы и американцы со временем изменили образы своих национальных революций, с тем чтобы они соответствовали современным ценностям. Почему же российская демократическая нация не могла бы со временем простить Ленина и других основателей советской системы, которые все-таки были приверженцами демократии, хотя и подавляли ее? Простить как продукт своей эпохи, сложившейся под влиянием беспрецедентного до 1914 г. насилия Первой мировой войны — ведь простили же американцы своим отцам-основателям их рабов. (Соединенными Штатами почти 50 лет руководили президенты-рабовладельцы, а не имевшие рабов сторонники рабства — и того больше; труд рабов использовался даже при строительстве Капитолия и Белого дома). На самом деле, подобное переосмысление роли Ленина и Октября к концу 1980-х гг. уже шло в стране полным ходом — как часть более широкого процесса «покаяния».

Для точного определения понятия «советская система» сначала, как и в случае с реформой, нужно отринуть все произвольные и неточные. Наиболее распространенным из них является отождествление советской системы с «коммунизмом», как, например, в известной аксиоме: «коммунизм невозможно было реформировать». Фигурирующий здесь коммунизм есть недоступное восприятию, ничего не значащее, выхолощенное аналитическое понятие. Ни один из советских лидеров никогда не заявлял, что та-

кой коммунизм когда-нибудь существовал в его стране или где-либо еще, а только социализм — впрочем, последний советский лидер сомневался даже в этом. «Коммунистический» было попросту название, данное официальной идеологии, правящей партии и заявленной цели; значение этого термина зависело от конкретного руководства и менялось столь часто и столь существенно, что могло означать практически что угодно. Так, Горбачев в 1990 г. решил, что оно означает «быть последовательно демократическим и ставить общие ценности превыше всего». Западные обозреватели могут не понимать разницы между абстрактным «коммунизмом» и полнотой жизни реальной советской системы, или «советизма», но советским (а впоследствии российским) гражданам было ясно, и в этом они были солидарны с Горбачевым, что «коммунизм это не Советский Союз».

Чтобы дать точное определение и оценку советской системе, ее, как любую другую, нужно рассматривать не как абстракцию или идеологический артефакт, а с точки зрения ее работающих компонентов, в особенности базовых институтов и практик. Таковыми в западной советологической литературе принято считать шесть: официальная и непреложная идеология; особо авторитарная правящая Коммунистическая партия; партийная диктатура во всем, что имеет отношение к политике, с опорой на силу политической полиции; общенациональная пирамида псевдодемократических Советов; монополистический контроль государства над экономикой и всей значимой собственностью; многонациональная федерация (или Союз) республик, являвшаяся в действительности унитарным государством, управляемым из Москвы.

Спрашивать, была ли реформируема советская система, значит спрашивать, можно ли было реформировать эти ее базовые компоненты или какие-то из них. Если не считать, как некоторые, что система была неделимым «монолитом» или что Коммунистическая партия была ее главным и основным элементом, глупо было бы полагать, что трансформация или замена некоторых компонентов привели бы к тому, что система перестала быть советской. Подобный логический подход не применяется в отношении реформ в других системах, и советская история также не дает для него оснований. Первооснова системы, Советы образца 1917 г., были избранными народом, многопартийными органами и лишь позже превратились во что-то еще. В экономике до 1930-х гг. не было монополистического контроля и существовал рынок. А когда сталинский массовый террор, бывший в течение 25 лет основополагающим признаком системы, закончился в 1950-е гг., никто не сомневался, что система по-прежнему осталась советской.

Советские концепции необходимых и приемлемых реформ внутри системы, возникшие к 1990 г., были весьма разнообразны, однако многие

сторонники Горбачева и Ельцина пришли к убеждению, что они могут и должны включать в себя многопартийную демократию, рыночную экономику со смешанной формой собственности, государственной и частной, и подлинную федерацию республик. Эти современные убеждения и политическая история страны показывают, что для того чтобы реформированная система осталась советской или считалась таковой, в ней должны были сохраниться, в той или иной форме, четыре основных элемента: национальная (хотя необязательно четко оформленная и всеми разделяемая) социалистическая идея, которая продолжала бы чтить память о событиях и людях 1917 г. и том изначальном ленинском движении, которое до 1918 г. называло себя социал-демократическим; система Советов как воплощение институциональной преемственности и конституционный источник политического суверенитета; государственная форма собственности в сочетании с частной в рыночной экономике и пакет социальных прав и гарантий — достаточно большой, чтобы экономика могла именоваться социалистической и при этом напоминала государство благосостояния (welfare state) в западном духе; союз России, по крайней мере, с несколькими советскими республиками, которых изначальное было четыре, и лишь со временем их число выросло до пятнадцати.

Какие же из главных компонентов старой советской системы были действительно реформированы при Горбачеве?

Что касается официальной идеологии, то здесь едва ли могут быть сомнения. К началу 1990-х гг. десятилетиями царившие жесткие догмы сталинизма, а затем ленинизма в основном уступили место социал-демократическим и другим прозападным «универсальным» убеждениям, которые мало чем отличались от либерально-демократических. То, что раньше считалось ересью, стало официальной советской идеологией, одобренной недавно избранным Съездом народных депутатов и даже очередным, пусть и не вполне [идеологически] обращенным, съездом компартии. А главное, государственная идеология больше не являлась обязательной даже в таких некогда священных областях, как образование и официальная коммунистическая печать. «Плюрализм» убеждений, в том числе религиозных, был отныне официальным лозунгом момента и все более явной реальностью.

Следующей и еще более значительной реформой стала ликвидация монополии Коммунистической партии в политической жизни, особенно в таких областях, как общественные дискуссии, подбор руководящих кадров и разработка политики. Масштаб этих демократических изменений был настолько велик уже к 1990 г., когда в результате политики Горбачева было фактически покончено с цензурой, утвердились свободные выборы,

свобода политических организаций и создан настоящий парламент, что некоторые западные ученые назвали их «революцией» внутри системы. Сложившаяся при Ленине диктатура партии и решающая роль, которую играли ее официальные представители на всех уровнях советской системы, в течение 70 лет (за исключением, по понятным причинам, периода сталинского террора) были краеугольным камнем советской политики. В «командно-административной системе», доставшейся в наследство Горбачеву, общенациональный партийный аппарат был главнокомандующим и всемогущим администратором. Всего за пять лет картина коренным образом изменилась: система перестала быть ленинистской или, как сказали бы некоторые, коммунистической.

Это обобщение, однако, нуждается в уточнении. В такой огромной стране с ее культурным разнообразием политические реформы, родившиеся в Москве, были обречены иметь самые разные результаты — от быстрой демократизации в российских столичных городах и западных республиках Балтии до менее заметных изменений в среднеазиатских партийных диктатурах. Кроме того, уход Коммунистической партии с политической сцены, даже там, где демократизация достигла значительных успехов, не был полным и окончательным. Насчитывавшая несколько миллионов членов, имевшая отделения практически в каждом учреждении и на каждом предприятии, обладавшая длительным опытом контроля над военными и другими силовыми структурами, огромными финансовыми ресурсами и привычным влиянием на граждан, — партия оставалась самой внушительной политической организацией в стране. КГБ также не претерпел заметных изменений и оставался практически бесконтрольным, хотя политические заключенные были выпущены на свободу, права человека набирали вес, а сами органы безопасности сделали предметом все более пристального и растущего общественного интереса.

Тем не менее, процесс перераспределения власти, долгое время принадлежавшей КПСС, между парламентом, новым институтом президентства и отныне подлинно выборными Советами на местах зашел достаточно далеко. Горбачев не преувеличивал, когда заявил на съезде партии в 1990 г.: «Пришел конец монополии КПСС на власть и управление». Процесс демополизации покончил еще с одной старой чертой советской системы — псевдодемократической политикой. Широкий и разноголосый политический спектр, загнанный прежде в подполье, теперь пользовался почти полной свободой слова. Организованная оппозиция, десятки потенциальных партий, массовые демонстрации, забастовки, бесцензурные публикации, — все то, что подавлялось и запрещалось в течение 70 лет, было узаконено и быстрыми темпами распространялось по стране. И опять Горбачев

был недалек от истины, когда с гордостью заметил, что Советский Союз внезапно превратился в «самое политизированное общество в мире».

Россия и прежде бывала глубоко политизирована (судьбоносно — в 1917 г.), но никогда еще этот процесс не происходил при поддержке правящего режима или во благо конституционного правления. Конституционализм и законность вообще были характерными чертами политических реформ Горбачева. Законов и даже конституций в России было немало (как до 1917 г., так и после), но чего действительно не было, так это конституционного порядка и реально ограниченной законом власти, которая традиционно концентрировалась в руках верховного руководства и осуществлялась посредством бюрократических указов и постановлений (по некоторым подсчетам, в 1988 г. в ходу было около миллиона министерских постановлений).

В этом состоит уникальная суть политических реформ Горбачева. Весь процесс перехода страны от диктатуры к неоперившейся демократии, основанный на отделении бывшего всевластия Коммунистической партии от «социалистической системы сдержек и противовесов», проходил в рамках существующей и постепенно совершенствующейся конституционной процедуры. Культура закона и политические традиции, необходимые для демократического правления, не могли возникнуть в одночасье, но начало было положено. Например, в сентябре 1990 г. новоиспеченный Конституционный суд отменил один из первых президентских указов Горбачева, и тот был вынужден подчиниться.

Почему же, при всех этих очевидных успехах, так часто говорят о провале политических реформ Горбачева? Ответ, который обычно следует за этим, заключается в том, что КПСС, этот оплот старой системы, якобы оказалась неререформируемой. Это обобщение дважды неточно. Во-первых, оно приравнивает советскую систему в целом к КПСС, так что выходит, будто первое не могло существовать без второго, а во-вторых, оно рассматривает партию как единый, однородный организм.

К концу 1980-х гг. КПСС представляла собой огромную сферу господства (*vast realm*), состоявшую из четырех связанных между собой, но при этом существенно различных общностей: относительно небольшого руководящего органа — пресловутого аппарата, диктаторски контролирующего всю партию и, хотя и все меньше, собственно бюрократическое государство; назначаемой аппаратом, но более многочисленной и разнообразной номенклатуры, представители которой занимали все важные посты в советской системе; примерно 19 миллионов рядовых членов, многие из которых вступили в партию по карьерным соображениям или из конформизма; и, как минимум, двух скрывающихся в тени тайно-политических партий — рефор-

мистской и консервативной, зародившихся в «монолитной» однопартийной системе в 1950-е гг. Естественно, что все эти компоненты КПСС по-разному реагировали на реформы Горбачева.

Был или не был реформируем партийный аппарат, а это около 1800 функционеров в центральных органах в Москве и еще несколько сотен тысяч на других уровнях системы, — едва ли имело значение, поскольку к 1990 г., благодаря политике Горбачева, он был лишен большинства своих прав и привилегий. (Особенно показательной в этой связи была растущая оппозиция реформам со стороны Егора Лигачева — главного представителя партаппарата и некогда союзника Горбачева). Главный штаб аппарата, Секретариат ЦК, фактически прекратил свою деятельность, партийные комитеты в министерствах были распущены или утратили влияние, а на более низком государственном уровне их власть перешла в руки избираемых Советов. В провинции этот процесс шел гораздо медленнее; толчком послужило обретение им официального статуса, когда полномочия, десятилетиями осуществляемые ЦК и Политбюро, торжественно были переданы новому советскому парламенту и президенту. Контроль и влияние аппарата существенно снизились даже внутри самой партии, а в 1990 г. его глава, Генеральный секретарь, прежде выбираемый тайно партийными олигархами из своего числа, впервые был избран открыто на общесоюзном съезде партии.

Возможно, Горбачев и продолжал бояться «этой паршивой взбесившейся собаки», но аппарат, по сути, обернулся бумажным тигром. Столкнувшись с избирательными реформами, он пребывал «в состоянии психологического шока» и «в полной растерянности». По мере сужения его роли в системе и распада организационных структур, его представители пытались предпринимать какие-то шаги против Горбачева, но особого эффекта это не имело. Основные антиреформенные силы были сосредоточены в других местах: в экономических министерствах, в армии, в КГБ и даже в парламенте. Как ничтожно мало значил теперь партийный аппарат, со всем драматизмом продемонстрировали августовские события 1991 г. Большинство его центральных и региональных функционеров поддержало переворот, направленный против Горбачева, но, вопреки распространенному мнению на Западе, аппарат не организовывал переворот и, возможно, даже не знал о нем заранее.

В отличие от аппарата, порожденный им класс коммунистической номенклатуры в большинстве своем пережил Советский Союз. Уже один этот факт обесценивает любые простые обобщения относительно его приспособляемости. Среди миллионов номенклатурных работников по всему Союзу было много представителей административной, экономической,

культурной и других профессиональных элит, а значит, значительная часть его среднего класса. Этот большой слой советского общества, хотя и состоял номинально сплошь из членов Коммунистической партии и на том основании был без разбора заклеямен, имел, как и средний класс в других странах, внутреннее деление: по привилегиям, профессии, возрасту, образованию, географическому положению и политическим взглядам.

Поэтому говорить о неререформируемости партийно-государственной номенклатуры в целом было бы бессмысленно. Даже представители ее верхушки абсолютно по-разному отреагировали на горбачевские реформы и разошлись в разных направлениях. В 1990 г. их можно было встретить в любой части политического спектра, от левых до правых. Многие оказались в авангарде борьбы с перестройкой. Но и почти все ведущие советские и постсоветские реформаторы 1980-х и 1990-х годов также вышли из номенклатурного класса, в том числе сам Михаил Горбачев, Борис Ельцин и многие из их окружения. После 1991 г. выходцы из старой советской номенклатуры составили основу политической, административной и собственнической элиты посткоммунистической России; некоторые из них оказались даже среди тех, кого сегодня назвали бы «радикальными реформаторами». А представитель ее более молодого поколения, Владимир Путин, стал впоследствии первым президентом России в XXI веке.

Еще более неправомерно называть «неререформируемыми» 19 миллионов рядовых членов Коммунистической партии. Большинство из них по своему положению в обществе и политическим взглядам мало чем отличалось от беспартийных советских граждан, и так же по-разному они вели себя в перестроечные годы. К середине 1991 г. около 4 миллионов человек вышли из партии, в основном из-за того, что членство утратило всякий смысл. Среди оставшихся было «молчаливое большинство», но были и активные сторонники политики Горбачева, которые поддержали его с самого начала и вели на местах борьбу против партаппарата. Многие другие стали социальной базой для антиперестроечного движения, формирующегося внутри партии и за ее пределами.

Действительно важным вопросом по поводу реформируемости Коммунистической партии и в связи с горбачевской политикой демократизации является вопрос о том, могла ли из КПСС или на ее основе возникнуть полноценная, конкурентоспособная парламентская партия как часть реформированной советской системы. То, что мы называем широким понятием «партия», в разные периоды своей 80-летней истории означало разные вещи: подпольное движение в царской России; успешная, пользующаяся поддержкой избирателей организация в революционном 1917 г.; диктатура, но с элементами открытой фракционной борьбы по вопросам полити-

ки и власти в годы НЭПа; изрядно поредевшая, запуганная бюрократия в сталинские 1930-е; милитаризованная структура, инструмент борьбы с немецкими захватчиками в годы войны; набирающий силу орган олигархического правления в послесталинские 1950-60-е гг. и неотъемлемая часть бюрократической государственной системы к началу 1980-х гг.

И теперь, после всех этих трансформаций, Горбачеву понадобилась еще одна: чтобы партия или значительная часть ее стала «нормальной политической организацией», способной побеждать в выборах «строго в рамках демократического процесса». Достижение этой цели повлекло за собой последствия, которые он, возможно, не вполне предвидел, но, в конце концов, принял их. Это означало политизацию (или ре-политизацию) советской компартии, что Горбачев и начал делать в 1987 г., когда призвал к демократизации КПСС, сделавшей возможным возникновение и развитие в ее недрах зародышей других, возможно, оппозиционных партий. Это означало конец мифа о «монолитном единстве» и риск вступления в «эру раскола». Неожиданно прерванный событиями конца 1991 г., процесс этот, тем не менее, протекал бурно и стремительно.

Уже в начале 1988 г. раскол в партии зашел так далеко, что вылился в беспрецедентную полемику между двумя наиболее влиятельными периодическими изданиями ЦК, «Правдой» и «Советской Россией». Защищавшая фундаменталистские, в том числе неосталинистские «принципы», «Советская Россия» опубликовала большую статью, содержащую резкий протест против перестройки Горбачева. «Правда» ответила не менее решительной контратакой в защиту антисталинистской и демократической реформы. На всесоюзной партийной конференции, состоявшейся два месяца спустя, делегаты впервые после партийных дискуссий 1920-х гг. публично спорили между собой. Заседания ЦК превратились теперь «в поле битвы между реформаторами и консерваторами». В марте 1989 г. коммунисты по всей стране боролись друг с другом за делегатские мандаты на Съезд народных депутатов. И хотя 87% делегатов съезда были членами одной и той же партии, политические взгляды их были настолько различны, что Горбачев заявил, что единой партийной линии больше не существует.

К 1990 г. углубляющийся раскол принял территориально-организационные формы, когда региональные партии начали выпрыгивать из КПСС, как матрешки. Три прибалтийских компартии вышли из КПСС, чтобы попытаться конкурировать с другими политическими силами внутри своих республик, все больше оказывавшихся во власти национализма. Между тем, аппарат и другие консерваторы вынудили Горбачева пойти на создание Российской Коммунистической партии — номинально в составе КПСС, но фактически под их контролем. Формально объединяющая более 60% всех

советских коммунистов, РКП тоже практически сразу раскололась, когда сторонники реформ создали свою конкурирующую организацию — Демократическую партию коммунистов России.

Все стороны отныне понимали, что КПСС «беременна» многопартийностью и что политический спектр нарождающихся партий простирается «от анархистов до монархистов». Никто не знал, сколько партий может появиться на свет (Горбачев полагал, что только среди 412 членов ЦК в 1991 г. было «две, три или четыре» партии), но только две, крупнейшие из них, имели значение: выступавшее за реформы и вплотную приблизившееся к социал-демократии радикально-перестроечное крыло КПСС во главе с Горбачевым и сплав различных консервативных и неосталинистских сил, отвергавших реформы и сохранявших преданность традиционным коммунистическим убеждениям и устоям.

Возможность формального «размежевания» и «расставания» всюду обсуждалась уже в 1990 г., но тогда ни одна из сторон не была к этому готова. У консерваторов не было достаточно сильного лидера, способного объединить их в масштабах всей страны, и они опасались Ельцина с его растущим после выхода из КПСС в середине 1990 г. влиянием — почти так же (но не совсем), как они ненавидели Горбачева. Некоторые из советников Горбачева подталкивали его выйти вместе со своими сторонниками из КПСС или исключить из нее оппозиционеров и создать таким образом откровенно социал-демократическое движение, но лидер КПСС колебался, как всякий лидер, не желая раскалывать свою партию, и боялся лишиться союзного партийного аппарата с его связями с органами безопасности и его противниками. Только летом 1991 г. стороны «созрели» для официального «развода». Он должен был состояться на внеочередном съезде партии в ноябре-декабре, но пал очередной жертвой августовского путча.

Раскол гигантской Коммунистической партии на две оппозиционных, как еще в 1985 г. тайно предлагал (и до сих пор в этом убежден) сподвижник Горбачева Александр Яковлев, был бы самым надежным и быстрым способом создания в СССР многопартийной системы, причем более прочной, чем та, что существовала в постсоветской России в начале XXI века. При «цивилизованном разводе», подразумевавшем разное голосование по принципиальным вопросам, круг которых был определен горбачевской социал-демократической программой, стороны разошлись бы, сохранив за собой значительную долю членства, местных организаций, печатных органов и другого «общего имущества» КПСС. Обе партии немедленно стали бы крупнейшими и единственными общенациональными советскими партиями, чье влияние многократно превышало бы влияние дюжины тех «карликовых «партий»», которые испещрили российский политический

ландшафт в последующие годы и которые, во всяком случае, многие из них, едва ли выходили за рамки московских квартир, в которых они были созданы. (Опираясь на данные одного закрытого исследования, Горбачев был уверен, что в новую партию за ним бы последовало, по меньшей мере, 5-7 миллионов членов КПСС).

Нет сомнения и в том, что оба крыла бывшей КПСС стали бы влиятельными структурами, которые могли бы рассчитывать на значительную поддержку избирателей на грядущих выборах как на местном, региональном, так и на общенациональном уровне. В то время, как большинство советских граждан считало Коммунистическую партию виновной во всех прошлых и нынешних бедах, обособившись, обе половины могли бы снять с себя часть ответственности за счет перекалывания ее друг на друга и взаимных обвинений, чем они и так уже занимались. Обе унаследовали бы избирательные преимущества КПСС, как то: организационный опыт, подготовленные кадры, опыт использования СМИ, финансовые ресурсы и даже преданность избирателей. По данным исследований, проведенных в 1990 г., 56% советских граждан не доверяли КПСС, но другим партиям не доверяло еще больше — 81 %, и 34% все еще предпочитали компартию всем остальным. Учитывая растущую поляризацию в обществе, обе производные КПСС имели все шансы наращивать свой электорат.

Избирательная база социал-демократической партии под руководством Горбачева объединила бы миллионы советских граждан, которые желали политических свобод, но при этом предпочитали смешанную или регулируемую рыночную экономику, сохранявшую социальные гарантии граждан и другие элементы старой системы. Скорее всего, туда вошли бы профессиональные и другие слои среднего класса, квалифицированные рабочие, интеллигенция прозападной ориентации и вообще все те, кто остался социалистом, но при этом не считал себя коммунистом. Как показывают результаты выборов в России и в странах Восточной Европы в конце 1980-х --1990-х гг., коммунисты-демократы и бывшие коммунисты — потенциальное ядро социал-демократической партии — оказались вполне способны организовать избирательную кампанию и выиграть выборы.

В этом случае, ретроспективный анализ был бы полезен для выяснения возможных и реальных перспектив. Горбачев не сумел создать или вычленив из КПСС то, что могло бы стать президентской партией, и это было его крупнейшей политической ошибкой. Если бы он воспользовался удобным моментом и сделал это на уже расколовшемся (и, по сути, многопартийном) XXVIII съезде КПСС в июле 1990 г., он не оказался бы в политической изоляции впоследствии, в конце 1990 — начале 1991 г., когда страну охватил кризис, а его популярность резко упала.

Оппоненты Горбачева, ортодоксальные коммунисты, вопреки западной точке зрения, также обладали значительным избирательным потенциалом. Отстаивая идеи «здорового консерватизма», они вполне могли рассчитывать на поддержку миллионов чиновников, заводских рабочих, колхозников, интеллигенции антизападной ориентации и других традиционалистов, обиженных и недовольных горбачевскими политическими и экономическими преобразованиями. Число таких недовольных, непрерывно растущее с 1985 г., должно было только увеличиваться, по мере того как реформы «размывали» социальные гарантии и иные устои. Был у коммунистических консерваторов и еще один «козырь»: государственный или «патриотический» национализм, присущий консервативному коммунизму со времен Сталина, становился все более мощным идеологическим оружием, особенно в России.

Не следует также думать, что антиреформаторское крыло компартии было не способно адаптироваться к демократической политике. После шока и раздражения, которые вызвало у них поражение на выборах на Съезд народных депутатов в марте 1989 г. нескольких десятков «аппаратных» кандидатов, коммунисты-консерваторы начали формировать корпус своих собственных избирателей. К 1990 г. в РСФСР они уже представляли собой крупную, полноправно участвующую в выборах парламентскую партию. Каковы бы ни были их тайные амбиции, в целом коммунисты вели себя вполне конституционно, даже тогда, когда на выборах главы исполнительной власти в республике победил Ельцин, и компартия впервые в советской истории оказалась оппозиционной партией.

Об избирательном потенциале горбачевского крыла КПСС, которое рассеялось вместе с роспуском Союза, можно только догадываться, но зато его консервативные оппоненты вскоре продемонстрировали свои возможности. В оппозиции они, как выразился один российский обозреватель, «обрели второе дыхание». В 1993 г. ими была создана Коммунистическая партия Российской Федерации, быстро превратившаяся в крупнейшую и наиболее популярную у избирателей партию в постсоветской России. К 1996 г. коммунисты правили многими российскими городами и областями, имели много больше своих представителей в парламенте, чем любая другая партия, и во время президентской кампании официально набрали 40% голосов (а по мнению некоторых аналитиков, даже больше) против Ельцина, который так и не сумел сформировать массовую партию. И до 2003 г. процент набранных коммунистами голосов неуклонно рос от выборов к выборам. Все это говорит о том, что если судить о реформируемости старой советской Коммунистической партии по ее избирательным возможностям, оба ее крыла были реформируемы.

Рассмотрим теперь два других главных компонента советской системы — государственную экономику и Союз. При внимательном изучении специальной литературы, в ней невозможно найти ни одного реального подтверждения того, что советская экономика была нереформируемой. Существует общая, почти единодушная уверенность в том, что экономические реформы Горбачева «полностью провалились», но даже если это так, это относится к его руководству и политике, но не к самой экономической системе. Многие западные специалисты не только допускали, что советская экономика могла быть реформирована, но и предлагали свои собственные рецепты преобразований. Утверждения о нереформируемости были еще одной позднейшей выдумкой российских политиков (и их западных покровителей), решивших нанести фронтальный удар по старой системе с помощью «шоковой терапии».

И снова мы должны обратиться к понятию «реформа». Если оно означало, в данном случае, переход к полностью приватизированной и стопроцентно рыночной капиталистической экономике, то тогда советская экономическая система, конечно, была нереформируемой; ее можно было только полностью заменить. Некоторые самозванные западные советники еще в 1991 г. настаивали на необходимости сделать это и потом не могли простить Горбачеву, что он к ним не прислушался. Но среди советских политиков и политических аналитиков, включая радикальных реформаторов, в то время было очень мало сторонников такой идеи. Подавляющему большинству из них гораздо ближе была цель, провозглашенная Горбачевым и неоднократно и настойчиво (к 1990 г.) им повторяемая: «смешанная экономика» с «регулируемым», но при этом «современным полнокровным рынком», которая предоставила бы «экономическую свободу» гражданам и «равные права» всем формам собственности, но по-прежнему могла называться социалистической.

Предложенная Горбачевым идея смешанной экономики стала предметом многочисленных насмешек на Западе. Замечания типа сделанного Ельциным, о том, что советский лидер хочет соединить несоединимое, или, как выразился один западный историк, «скрестить кролика с ослом», вызывали аплодисменты. Но это тоже было несправедливо. Все современные капиталистические экономики были и остаются в разной степени смешанными и регулируемыми, сочетающими в себе частную и государственную собственность, рыночные и нерыночные методы регулирования, соотношение которых со временем неоднократно меняется. Ни в одной из них никогда не было действительно полностью «свободного рынка», идею которого проповедуют их идеологи. Кроме того, сочетание в экономике крупных государственного и частного секторов было традиционным для

России — как царской, так и советской, за исключением периода после окончания НЭПа в 1929 г.

С политической и экономической точки зрения, внедрение «капиталистических» элементов в реформированную советскую систему было более трудным делом, чем привнесение «социалистических», скажем, в американскую экономику 1930-х гг. Но серьезных причин, по которым рыночные элементы — частные фирмы, банки, сервисные предприятия, магазины и сельскохозяйственные фермы (наряду с государственными и коллективными), — не могли быть добавлены к советской экономике и получить возможности для развития и конкуренции, не было. В коммунистических странах Восточной Европы и Китае нечто подобное произошло в условиях куда больших политических ограничений. Нужно было только твердо следовать горбачевскому принципу постепенности и решительного отказа навязывать людям образ жизни, пусть даже реформированной жизни. Причины, по которым этого не произошло в советской или постсоветской России, были в первую очередь политическими, а не экономическими, — как и причины растущего экономического кризиса, охватившего страну в 1990-91 гг.

Мы должны также задаться вопросом, действительно ли экономические реформы Горбачева «полностью провалились», поскольку это означало бы, что советская экономика не отреагировала на его инициативы. Как и во многих других случаях, это утверждение также является результатом ретроспективного взгляда. Даже в 1990 г., когда уже было очевидно, что политика Горбачева породила грозный букет обстоятельств: растущий бюджетный дефицит, растущая инфляция, растущий недостаток потребительских товаров и растущее падение производства, — некоторые западные экономисты, тем не менее, полагали, что он движется в правильном направлении.

Если экономическая реформа есть «переход», состоящий из нескольких обязательных этапов, то Горбачев к 1990 г. запустил весь этот процесс в нескольких важных отношениях. Он добился принятия почти всего необходимого для всесторонней экономической реформы законодательства. Он привил значительной части советской элиты рыночное мышление, причем настолько крепко, что даже самый главный неосталинист на российских президентских выборах 1991 г. признал: «Только сумасшедший сегодня может отрицать необходимость рыночных отношений». Более того, развенчивая старые идеологические догмы, узаконивая частные предприятия и собственность, а значит, рыночные отношения и лично приветствуя «живое и честное соревнование» всех форм собственности, Горбачев в значительной степени освободил экономику от тисков запретов и ограниче-

ний, которыми ее сковал партийный аппарат. И, как непосредственный результат этих перемен, начались процессы маркетизации, приватизации и коммерциализации советской экономики.

Последним следует уделить особое внимание, так как сегодня их почти всегда связывают с Ельциным и постсоветской Россией. К 1990 г. количество частных предприятий, называемых кооперативами, уже насчитывало 200 тысяч, на них работало почти 5 млн. чел., и они давали от 5% до 6% валового национального продукта. Вне зависимости от результатов, шел реальный процесс приватизации государственной собственности номенклатурными чиновниками и другими частными лицами. Во многих городах открывались коммерческие банки; возникли первые биржи. Параллельно с рыночными структурами формировались и новые бизнес- и финансовые элиты, включая будущий «Клуб молодых миллионеров». В середине 1991 г. один американский корреспондент подготовил и опубликовал целую серию репортажей о «советском капитализме». Западные эксперты могут считать политику Горбачева неудавшимися полумерами, но некоторые российские экономисты по прошествии лет убедились: «Именно в годы его пребывания у власти зародились все основные формы экономической деятельности в современной России». И, что еще более важно, они родились внутри советской экономики, что явилось свидетельством ее реформируемости.

Последний вопрос касается крупнейшего и наиболее существенного компонента старой советской системы — Союза, или собственно многонационального государства. Горбачев не сразу осознал, что его политические и экономические преобразования могут негативно сказываться на способности Москвы удерживать вместе пятнадцать республик, но к 1990 г. он был уверен, что от судьбы Союза будут зависеть и результат всех его реформ, и его собственная судьба. За два последних года у власти он превратился в фигуру, подобную Линкольну: он так же был полон решимости «сохранить Союз», — но, в его случае, не силой, а переговорами добиваясь превращения дискредитировавшего себя «суперцентрализованного унитарного государства» в настоящую добровольную федерацию. Когда в декабре 1991 г. Советский Союз закончил свое существование, а входившие в него республики стали самостоятельными и независимыми государствами, это означало и конец эволюционных преобразований Горбачева под названием «перестройка».

Можно ли было реформировать Союз, как утверждали Горбачев и многие российские политики и интеллектуалы как до, так и после 1991 г.? Западная литература по этому «вопросу вопросов» находится под влиянием двух предвзятых точек зрения. Антисоветизм, присущий большинству

западных, особенно американских, оценок, заставляет их поверить (независимо от степени «склонности к запоздалым суждениям») в то, что Советский Союз как государство был обречен. Другая предвзятость, возможно, ненарочитая, опять-таки связана с языком, или формулировками. Почти всегда говорится (возможно, по скрытой аналогии с концом царской России в 1917 г.), что Союз потерпел «крах» или «распался» — термины, подразумевающие наличие внутренних причин, неизбежно ведущих к такому результату и, тем самым, практически исключающих возможность реформирования Советского государства. Но если сформулировать вопрос по-другому: как и почему Союз был отменен, распущен или попросту закончился, — мы получим возможность допустить, что основной причиной могла оказаться случайность или какие-то субъективные факторы, и, следовательно, был возможен иной исход.

Расхожий западный тезис о том, что Союз нельзя было реформировать, в значительной степени базируется на одном растущем заблуждении. Оно предполагает, что общенациональный партийный аппарат, с его вертикальной организационной структурой и принципом безоговорочного подчинения нижестоящих органов вышестоящим, «один только удерживал союзную федерацию вместе». А поскольку партия-диктатор в результате горбачевских реформ утратила почву под ногами, не осталось сплывающих факторов, которые бы противостоять центробежным силам, и поэтому «распад Советского Союза был неизбежен». Короче говоря, «нет партии — нет Союза».

Конечно, роль компартии не стоит преуменьшать, но были и другие факторы, поддерживавшие единство Союза, в том числе другие советские структуры. В частности, союзные экономические министерства, разместившиеся в Москве и имевшие подразделения по всей стране, во многих отношениях, были таким же важным фактором, как и партийные организации. Не следует также недооценивать объединяющую роль общесоюзных военных структур с их дисциплиной и собственными методами ассимиляции. Еще более важное значение имела сама общесоюзная экономика. За многие десятилетия экономики пятнадцати республик стали, по сути, единым организмом, поскольку совместно использовали и зависели от одних и тех же естественных ресурсов, топливных и энергетических сетей, транспортной системы, поставщиков, производителей, потребителей и источников финансирования. В итоге, по общему признанию, сложилось «единое советское экономическое пространство».

Человеческий фактор также не следует сбрасывать со счетов. Официальные лозунги, прославлявшие «советский народ» как единую нацию, преувеличивали, но они, как заверяют серьезные источники, не были прос-

то «идеологическим артефактом». Хотя в состав Советского Союза входили десятки и сотни различных этнических групп, миллионы людей состояли в смешанных браках, и примерно 75 миллионов граждан — около трети населения — проживали за пределами своих этнических территорий, из них 25 миллионов русских. Объединяющим фактором служил и совместный исторический опыт, такой как тяжесть потерь и радость победы во Второй мировой, или, в интерпретации Москвы, Великой Отечественной войне. Более 60% нерусского населения Союза бегло говорило по-русски, а большинство остальных имели представление о русском языке и культуре благодаря единой образовательной системе и союзным средствам массовой информации.

При условии правильной политики реформ и наличии других необходимых обстоятельств, этих многочисленных интеграционных элементов вкупе с привычкой жить вместе с Россией, сложившейся до и после 1917 г., хватило бы, чтобы и без диктатуры КПСС сохранить единство большей части Союза. Даже без учета других последствий, десятки миллионов советских граждан многое теряли в случае распада Союза. Понимание этого, без сомнения, помогает объяснить результат мартовского референдума 1991 г., представлявший собой, по определению одного американского специалиста, «голосование подавляющим большинством за Союз».

Следует признать, что добровольная федерация, предложенная Горбачевым вместо СССР, объединила бы меньше 14 нерусских республик. Горбачев надеялся, что будет иначе, но, тем не менее, признал возможность такого хода событий, подтверждением чему стал принятый в апреле 1990 г. закон о выходе из СССР. Почти наверняка предпочитали вернуться к независимости небольшие балтийские республики Литва, Латвия и Эстония, аннексированные в 1940 г. сталинской Красной Армией, а Западная Молдавия пожелала воссоединиться с Румынией (правда, после 1991 г. она изменила свое решение). Выйти также могли бы одна-две из трех закавказских республик — в зависимости от того, стали бы вечные враги Армения или Азербайджан искать у России защиты друг против друга, и понадобилась бы Грузии помощь Москвы в сохранении единства ее собственного полиэтнического государства.

Но даже если так, все эти небольшие республики находились на советской периферии, и их выход не стал бы слишком заметным, поскольку на оставшиеся 8-10 приходилось 90% территории, населения и ресурсов бывшего Союза. Этого было более чем достаточно, чтобы сформировать новый жизнеспособный Советский Союз. Хватило бы даже нескольких республик, объединившихся вокруг России. Как сказал один из национальных лидеров, принимавший участие в отмене СССР несколькими месяцами позже, новый Союз мог бы «состоять из четырех республик».

Каким бы «просоюзным» ни было мнение подавляющего большинства населения, после весны 1990 г., когда в результате состоявшихся региональных выборов значительная часть власти перешла от Москвы к регионам, судьбу республик уже решали их лидеры и элиты. Существует объективное свидетельство в поддержку того факта, что большинство из них желало сохранить Союз. Свою позицию они ясно продемонстрировали во время переговоров о новом Союзном договоре, начатых Горбачевым с лидерами девяти советских республик: России, Украины, Белоруссии, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Туркмении, — в апреле 1991 г.

Результатом переговоров, известных как «новоогаревский процесс», стало соглашение о создании нового Союза Советских Суверенных Республик. Под договором, официальное подписание которого было намечено на 20 августа 1991 г., поставили свои инициалы все девять республиканских лидеров, в том числе те трое, которые всего несколько месяцев спустя отменили Союз — Борис Ельцин, Леонид Кравчук и Станислав Шушкевич. Горбачев был вынужден уступить республикам больше власти, чем он хотел, но общесоюзное государство, выборный президент и парламент, а также вооруженные силы и экономика в Договоре сохранились. Все было продумано до конца: за церемонией подписания Договора должны были последовать новая Конституция и выборы, даже споры вокруг того, кто где должен сидеть во время церемонии подписания, были благополучно разрешены и согласие по поводу специальной бумаги для текста и памятных марок достигнуто.

Все это говорит о том, что распространенный аргумент, будто провал новоогаревской попытки спасти Союз доказал его неререформируемость, не имеет смысла. Переговоры были успешными; они проходили, как и другие реформы Горбачева, в рамках советской системы, имели легитимный статус и полномочия, делегированные им народным выбором на референдуме в марте, и велись признанным многонациональным руководством большей части страны. «Новоогаревский процесс» нужно рассматривать как разновидность «консенсуса элит» или пример «договорной практики», столь необходимой, по мнению многих политологов, для успешной демократической реформы политической системы. Даже известный демократический политик из окружения Ельцина предвосхищал, что подписание Договора станет «историческим событием», которое будет жить так же долго, как американская Декларация независимости, и служить такой же надежной политической и правовой базой обновленного Союза.

Иными словами, Договор не состоялся не потому, что Союз был неререформируемым, а потому, что небольшая группа высокопоставленных

чиновников в Москве организовала 19 августа вооруженный переворот с целью помешать его успешной реформе. (Да и сам вооруженный переворот не был неизбежным, но это уже другая история.) Хотя сам путч быстро провалился, и, прежде всего, потому что его руководителям не хватило решимости использовать военную силу, которую они стянули в Москву, его последствия нанесли тяжелый удар по «новоогаревскому процессу». Они существенно ослабили Горбачева и его центральное правительство, усилили политические амбиции Ельцина и Кравчука и заставили других республиканских лидеров опасаться непредсказуемого поведения Москвы.

На самом деле, даже провалившийся, но имевший губительные последствия августовский путч не погасил ни политического импульса, направленного на сохранение Союза, ни ожиданий ведущих советских реформаторов на то, что он может быть сохранен. В начале сентября около 1900 депутатов от 12 союзных республик возобновили участие в сессии внеочередного Съезда народных депутатов СССР (5 сентября после фактического самороспуска Съезда вся полнота власти перешла к Госсовету. Прим. ред.). В октябре было подписано соглашение о новом экономическом союзе. Ельцин еще в ноябре 1991 г. заверял публику: «Союзу быть!». Семь республик, включая Россию — большинство, если не считать ставшие независимыми балтийские республики — продолжали переговоры с Президентом Горбачевым, и 25 ноября была, похоже, достигнута договоренность о новом Союзном договоре. Он был больше конфедеративным, чем федеративным, но все еще предусматривал союзное государство, президентство, парламент, экономику и армию. Две недели спустя, он также пал жертвой переворота, осуществленного на сей раз даже меньшим числом заговорщиков, но куда более решительно и успешно.

Вывод, который нельзя не сделать, заключается в том, что для утверждения о неререформируемости советской системы не было ни концептуальных, которых мы так и не нашли, ни эмпирических оснований. Как показывают заново проанализированные здесь исторические события и факты, к 1991 г. большая часть системы была охвачена процессом глубоких демократических и рыночных преобразований. Конечно, Советский Союз при Горбачеве не был полностью реформирован, но он находился в состоянии «перехода» — термин, обычно приберегаемый для характеристики постсоветского периода. Все, что остается от «аксиомы неререформируемости», это беспелляционный вывод, что поскольку реформы Горбачева всеми были признаны просоветскими и просоциалистическими, они были не более чем «фантазией» или «химерой». Это идеологическое предубеждение, не имеющее ничего общего с историческим анализом.

Почему же, вопреки многолетним заверениям многочисленных специалистов, система оказалась замечательно реформируемой? Было ли в этом действительно некое «политическое чудо», как написал впоследствии один американский историк? Для объяснения этого необходимо учесть такие немаловажные факторы, как длительное воздействие идей антисталинизма, уходящего корнями в 1920-е и даже в 1917 г.; политическое наследство Никиты Хрущева, в том числе зарождение в недрах КПСС протореформенной партии; растущая открытость советской элиты по отношению к Западу, расширявшая ее представления об альтернативных путях развития (как социалистического, так и капиталистического); глубокие изменения в обществе, десталинизовавшие систему снизу; рост социально-экономических проблем, стимулировавший прореформенные настроения среди номенклатурной верхушки, и, наконец, незаурядное во всех отношениях руководство самого Горбачева, которое не стоит недооценивать. Однако был еще один, не менее значимый, фактор.

Большинство западных специалистов долгое время было убеждено, что базовые институты советской системы были чересчур «тоталитарными» или иначе устроенными, чтобы быть способными к фундаментальному реформированию. На самом деле, в системе с самого начала была заложена двойственность, делавшая ее потенциально реформируемой и даже готовой к реформам. С формальной точки зрения, в ней присутствовали все или почти все институты представительной демократии: конституция, предусматривавшая гражданские свободы, законодательные органы, выборы, органы правосудия, федерация. Но внутри каждого из этих компонентов или наряду с ними присутствовали «противовесы», сводившие на нет их демократическое содержание. Наиболее важными из них были политическая монополия Коммунистической партии, безальтернативное голосование, цензура и полицейские репрессии. Все, что требовалось, чтобы начать процесс демократических реформ, это желание и умение устранить эти противовесы.

Горбачев, как и его ближайшие помощники, осознавал эту двойственность, которую он характеризовал как «демократические принципы на словах и авторитарность на деле». Для того чтобы демократизировать систему, отмечал он позднее, «не пришлось ничего придумывать», только, по словам одного его советника, превратить демократические компоненты «из декорации в реальность». Это относилось почти ко всем горбачевским реформам, но самым выдающимся примером была, как он подчеркивал, «передача власти из рук монополично владевшей ею Коммунистической партии в руки тех, кому она должна была принадлежать по Конституции, — Советам через свободные выборы». Но двойственность

институтов советской системы не только делала ее в высшей степени реформируемой, без нее, скорее всего, невозможна была бы мирная демократизация и другие преобразования эпохи Горбачева, во всяком случае, они не были бы столь стремительными и исторически значимыми.

И, наконец, последнее, на что следует обратить внимание, но невозможно рассмотреть здесь. Если аргументация, представленная в этой статье, достаточно убедительна, она ставит под сомнение и большинство расхожих трактовок конца Советского Союза, так или иначе предполагающих, что он был нерформируемым. Но это еще более широкий и спорный вопрос, только ждущий своего рассмотрения.

Перевод с английского Ирины ДАВИДЯН

¹ Статья печатается в специально подготовленной для сборника сокращенной версии (опущен, в частности, обширный справочный аппарат). Полный текст, включая ссылки и примечания, см.: на англ. языке — «Slavic Review». Vol. 63. № 3. Fall 2004. P. 459-488; на русском языке — в Серии «АИРО-XX — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 16. М., 2005. — 64 с.

Перестройка и пять трансформаций¹

Арчи Браун

Наверно, историки будут спорить о перестройке не одну сотню лет. Пока же обсуждение этих семи

лет, которые изменили мир, сопровождается недоразумениями и разногласиями. В сознании многих россиян она связана с разочарованием, вызванным изъянами той системы, которая в постсоветской России была названа «демократией», и крайностями богатства и бедности, возникшими с начала 90-х годов. Но люди, начинавшие перестройку, в постсоветской России уже не занимали государственных постов. Следовательно о них нужно судить по их собственным делам, а не по делам их преемников.

Необходимо понять, как начиналась перестройка и чем она стала. Перестройка начиналась как попытка улучшить функционирование советской системы, и ее инициаторы (прежде всего новый Генеральный секретарь Михаил Сергеевич Горбачев) стремились улучшить существующую советскую политическую и экономическую систему. Термин «перестройка» пришелся кстати потому, что после 1968 года, когда чешские коммунисты-реформаторы начали политическую и экономическую реформу и выступили с идеей плюрализма, было запрещено даже думать о том, что Советскому Союзу нужна «реформа». Теория и практика политического плюрализма в Чехословакии настолько напугали советских руководителей, что они танками задавили «пражскую весну». В дальнейшем, во времена Брежнева те, кто хотел осуществить даже самые скромные изменения в советской системе, должны были пользоваться такими эвфемизмами, как «дальнейшее совершенствование» советской политической системы или системы управления народным хозяйством.

Арчи Браун — профессор политологии Оксфордского университета (Великобритания).

Слово «перестройка» было идеологически менее нагруженным, нежели слово «реформа», у которого с точки зрения советских консерваторов были коннотации, связанные с реформизмом или ревизионизмом, и поэтому под «покровом» перестройки можно было осуществлять все более радикальные реформы. Вначале неопределенность самого этого понятия оказалась политически удобной для тех, прежде всего, для нового Генерального секретаря, кто действительно хотел осуществить серьезную реформу. На начальном этапе все или почти все могли поддержать перестройку, потому что каждый вкладывал в нее свой смысл.

По мере того, как содержание перестройки становилось более радикальным, и в особенности когда летом 1988 года Горбачев и его союзники перешли от реформирования системы к системному преобразованию, неопределенность термина перестала, видимо, быть преимуществом. Встал вопрос о более глубоких институциональных изменениях. В определенной степени это произошло, когда гласность превратилась в настоящую свободу слова и все более и более — в свободу печати, хотя политическая полемика в пробудившемся обществе шла скорее на уровне обобщений, а не вокруг конкретных институциональных преобразований, которые следовало предпринять.

Коммунистические системы

Прежде чем рассуждать о пяти преобразованиях, произошедших в годы перестройки, я хотел бы провести различие между социализмом и коммунизмом, причем не в марксистско-ленинском смысле, а в плане сравнительного политологического анализа. Пять определяющих характеристик коммунистической системы можно суммировать следующим образом: (1) монопольная власть коммунистической партии; (2) демократический централизм; (3) государственная собственность на средства производства; (4) провозглашенное в качестве цели строительство коммунизма — общества, где государство отомрет, — как конечная, обеспечивающая легитимность цель; (5) существование международного коммунистического движения и чувство принадлежности к нему². Тот факт, что коммунистические лидеры и идеологи в нерестроированном Советском Союзе и в других коммунистических государствах называли свои системы «социалистическими», вряд ли является веским основанием следовать их примеру. Те же самые коммунистические лидеры и хранители идеологии называли свои системы «демократическими». В доперестроечном Советском Союзе выражения «советская демократия» и «социалистическая демократия» использовались почти как взаимозаменяемые понятия. Хотя называть советскую

систему социалистической было не столь явно абсурдным, чем называть ее демократической, тот факт, что советские руководители от Ленина до Черненко³ характеризовали систему как «социалистическую», не дает достаточного основания принять это определение в качестве аналитически состоятельного термина⁴.

Прилагательное «социалистический» применимо к гораздо более широкому спектру общественных движений, политических партий и правительств, чем те, которые заявляли о своей приверженности марксизму-ленинизму.⁵ Этот термин менее точен, чем термин «коммунистический» в применении к Советскому Союзу и тем странам, которые считались основным ядром международного коммунистического движения. Нетрудно провести различие между Коммунистической системой и «коммунизмом» как утопией безгосударственности, которая давала конечное оправдание «ведущей роли» коммунистических партий, поскольку именно партия, по утверждению Ленина, обеспечивала теоретическое осмысление и организационную базу, необходимые для руководства менее сознательными гражданами на пути к гармоничному бесклассовому обществу. (Сомневаюсь, был ли в 70-ые годы хотя бы один человек в составе брежневского Политбюро, искренне веривший в такое мифическое общество будущего, однако нельзя отрицать остаточное идеологическое значение этой концепции, сохранившейся до конца 80-х годов, когда, на волне общего отказа от марксизма-ленинизма эта идея была отброшена даже как теоретический конструкт)⁶. При этом не следует опасаться смешения коммунизма эпохи «реального социализма» (терминология, принятая в Советском Союзе при Брежневе) с утопией «полного коммунизма». Если применить один и тот же термин «социалистический», например, в отношении правительств времен Пятой Республики во Франции и в отношении дореформенного Советского Союза, это будет большая концептуальная натяжка и большее затушевывание существенных различий, чем использование термина «коммунистический» в отношении последнего.

В годы перестройки коммунистическая система в Советском Союзе перестала существовать. Представление, что коммунизм в России закончился только с установлением постсоветского режима Бориса Ельцина, является мифом. Советский Союз прекратил свое существование в декабре 1991 года, но конец коммунизма в Советском Союзе наступил уже в 1989 году. Посмотрим на уже перечисленные выше основные характеристики коммунистической системы. De jure монополия коммунистической партии на власть окончилась в марте 1990 года, когда в Конституцию было внесено изменение, отменявшее гарантированную «ведущую и направляющую роль» КПСС, а независимые политические организации и политические

партии в зародыше существовали de facto уже в 1989 году. Во-вторых, с 1986 года начинается быстрое размывание демократического централизма, а к 1989 году от него и вовсе отказались: коммунисты, отстаивавшие совершенно разные политические позиции и ценности, выступали в качестве соперников в предвыборной борьбе. В-третьих, хотя государственная собственность на средства производства в годы перестройки оказалась наиболее живучей из всех основных черт коммунизма, но в 1988 году Закон о кооперации пробил в ней серьезные бреши, поскольку он шел дальше, чем Закон об индивидуальной трудовой деятельности 1986 года. Кооперативы быстро превратились в слегка завуалированные частные предприятия. В-четвертых, Горбачев и его союзники отказались от «построения коммунизма» даже как от отдаленной идеологической цели. Она исчезла из программных документов КПСС. Наконец, в-пятых, после 1989 года перестало существовать международное коммунистическое движение, к которому принадлежал Советский Союз. Ему стало некого возглавлять.

* * *

Пять основных трансформаций, о которых пойдет речь в этой главе, связаны с демонтажем коммунизма в Советском Союзе, однако реальное значение этих перемен было еще большим. И хотя на уровне политической практики они тесно переплетались друг с другом, их необходимо анализировать по отдельности. Речь идет о следующих трансформациях: (1) демонтаж командной экономики; (2) переход от крайне авторитарной политической системы к политическому плюрализму; (3) прекращение «холодной войны»; (4) отказ от советской гегемонии в Восточной Европе; (5) распад Советского Союза. Я буду поочередно рассматривать все эти политические явления.

От командной экономики к экономической неопределенности

Совершенно ясно, что неправы были те, кто утверждал, что Советский Союз невозможно изменить изнутри, причем изменить радикально. Хотя в разное время в СССР и в других коммунистических государствах проводились некоторые экономические реформы, радикальная реформа была связана с серьезными проблемами, обусловленными принципами действия систем и, в случае Советского Союза, усугубленными рядом особых обстоятельств, характерных для России. Видный американский политолог Роберт А. Даль убедительно доказал не только несовместимость командной экономики с демократией, но и то, что с демократией несовместима и

рыночная экономика в чистом виде⁷. Он пишет: «Во всех демократических странах исторически сложилась смешанная экономика, в которой рынок, при всей его огромной важности, модифицируется за счет вмешательства государства»⁸. Отчасти это происходит как реакция на действия организаций, защищающих интересы, которые были бы слишком сильно ущемлены, если бы рынок был единственным критерием принятия решений в области экономики.

Однако, хотя модели в чистом виде существуют только в учебниках, экономическая система должна быть преимущественно того или иного типа. Скажем, по своей сути это может быть командная экономика, работающая на основе централизованного распределения ресурсов, но она в то же время может делать определенные уступки закону спроса и предложения (например, существование частного репетиторства в дореформенном Советском Союзе). Рыночная экономика, хотя и подвержена в той или иной мере государственному регулированию, тем не менее отличается по своей логике от командной экономики. Смешанная экономика в большей или меньшей степени присутствует в любой рыночной в своей основе экономике. В ней вполне могут быть элементы общественной собственности, например национализированные железные дороги или аэропорты, принадлежащие муниципальной власти. И, как правило, имеет место значительное государственное вмешательство, направленное на модификацию работы рынка. Например, устанавливаются высокие налоги на табачную продукцию с целью снизить вред от курения для здоровья.

И все-таки переход от командной экономики к рыночной — это фундаментальный сдвиг. Термин «переход» в данном случае абсолютно правомерен. В Советском Союзе существовало принципиальное противоречие между попытками заставить существующую систему работать лучше и стремлением заменить эту систему преимущественно рыночной экономикой, которая строится на иных принципах. В результате, большинство экономических законов горбачевской поры, например Закон о государственном предприятии 1987 года и Закон о кооперации 1988 года, которые разрабатывались с наилучшими намерениями, имели непреднамеренные последствия. В условиях советской командной экономики, просуществовавшей так долго, не было возможности легко перейти от одной системы к другой, и опыт постсоветской России — лишнее тому доказательство. Должен был наступить момент, когда нужно было привести большинство цен к рыночному уровню, и попытки улучшить старую «командно-административную систему», должны были смениться переходом к регулируемой рыночной экономике (хотя Горбачева много и безосновательно критиковали за то, что он использовал прилагательное «регулируемая» перед словами «рыночная экономика»).

Однако несмотря на то, что к 1989 году Горбачев взял курс на переход к рыночной в своей основе экономике, экономическая система, которая существовала в стране в тот момент и вплоть до распада Советского Союза, не была ни командной, ни рыночной. Экономика страны зависла: командная экономика уже не функционировала, а рыночной экономики еще не было. В результате реформ появились стимулы, извращенные с точки зрения сторонников централизованного планирования, тогда как рыночные институты оставались слабыми, а такая решающая для перехода к рынку мера, как либерализация большей части цен, была отложена. В этом смысле до некоторой степени справедливы аргументы тех, кто говорит, что советская экономическая система была неререформируемой. Можно было провести частичные реформы, что и делалось, но принципы действия системы должны в основном быть либо рыночными, либо командными. Констатация этой дилеммы не означает, что существовало простое ее решение. Вдобавок к системной проблеме была еще российская специфика, которая сделала экономический переход в Советском Союзе гораздо более трудным, чем в странах Восточной и Центральной Европы. И дело не только в том, что в России командно-административная система существовала дольше. Размер страны и ее климатические условия в сочетании с наследием советского планирования создали (и сейчас продолжают создавать) даже для политиков, стремящихся форсировать переход к рынку, больше трудностей, чем, скажем, в Венгрии или в Чехии. Последняя работа Фионы Хилл и Клиффорда Гэдди, в которой проанализировано тяжелое экономическое бремя, связанное с экстенсивным развитием городов Сибири, дает тому красноречивые свидетельства⁹. В данном случае полностью справедливы замечания Даля насчет непреодолимых (prohibitive) социально-политических издержек, если придерживаются только критериев рыночной экономики¹⁰. Нельзя просто закрыть целые города, даже если у них вообще нет перспективы стать экономически жизнеспособными.

От авторитарной политической системы к политическому плюрализму

Некоторые западные политические комментаторы вслед за российскими радикалами (а радикалами очень часто становились советские граждане, которые были послушными конформистами вплоть до того, как благодаря Горбачеву в Советском Союзе перестали преследовать за инакомыслие) критиковали Горбачева за то, что при нем политические реформы в СССР шли медленно. Однако на самом деле изменения происходили исключительно быстро, особенно в период между 1987 и 1990 гг. Излишне говорить,

что смена режимов в странах Восточной Европы произошла еще быстрее — в 1989 году, но тут нечему удивляться. Коммунистические институты, существовавшие в странах Центральной и Восточной Европы, были упразднены очень быстро, потому что большинство населения считало их навязанными извне. Они могли поддерживаться только до тех пор, пока советское руководство было готово использовать военную силу в качестве последнего средства защиты непопулярной системы и непопулярных лидеров. Для России с ее дореволюционной традицией самодержавия и семьдесятю годами коммунистического гнета осуществить переход от чрезвычайно авторитарной политической системы к политическому плюрализму и альтернативным выборам всего за три года означало осуществить прорыв с головокружительной скоростью.

Несмотря на то, что было много веских причин, которые к середине 80-х требовали перемен, тот факт, что преобразование советской системы произошло именно в тот момент, был во многом обусловлен субъективным фактором. Взгляды других членов Политбюро на тот момент, когда в марте 1985 года Горбачев стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, сейчас широко известны как по документам того времени, так и по богатой мемуарной литературе. Ни один из них не стал бы проводить политику, хотя бы отдаленно напоминающую ту, что проводил Горбачев. Его собственные взгляды также претерпели быструю эволюцию. В этом проявилась его склонность к реформам и восприимчивость к новым идеям, что было, мягко говоря, нехарактерно для людей уровня Политбюро. Эта открытость для новых идей оказалась решающей. Любой другой человек во главе Советского Союза (а реальных альтернатив было очень мало) ни в коем случае не снял бы табу на положительные высказывания о «плюрализме», как это сделал Горбачев¹¹, а привели бы в действие имевшиеся в его распоряжении многочисленные рычаги — от цензуры и партийной дисциплины до использования силовиков, — чтобы не допустить радикальных перемен¹².

Некоторые важные решения, которые Горбачев провел летом 1988 года на XIX партийной конференции, стали политической реальностью лишь в 1989 году. Наиболее фундаментальным изменением было проведение выборов на альтернативной основе в законодательный орган власти, имевший реальные полномочия (настолько, что в 1989 году Верховный Совет отклонил 13 процентов министров, предложенных Рыжковым)¹³. Слово «реформа» не вполне адекватно определяет преобразования, которые произошли в советской системе. Горбачев справедливо считает XIX партийную конференцию поворотным пунктом. Его основной доклад на конференции, по его словам, был по существу попыткой осуществить «мирный, плавный переход от одной политической системы к другой» [курсив мой,

А. Б.]¹⁴ Преобразования вышли за рамки либерализации — началась демократизация. Однако демократизация представляет собой процесс, она не равнозначна сложившейся демократии. Хотя ни при Горбачеве, ни при его преемниках в постсоветской России система не стала демократией в полном смысле слова, она стала политически плюралистской и качественно отличной от коммунистической системы.

Следует отметить, что главные решения в пользу введения принципов плюрализма в политическую систему принимались в то время, когда Борис Ельцин не играл никакой роли в политическом процессе. Когда летом 1988 года XIX партийной конференция поддержала решения, ведущие к плюрализму (кстати, многие делегаты пошли на это весьма неохотно), Ельцин все еще формально был членом ЦК КПСС, но его мнение в партии не имело значения. Он не играл никакой роли в дискуссии, которая завершилась принятием весьма радикальных документов, представленных конференции. Однако новые принципы плюрализма сыграли ему на руку, как никому другому, и в течение какого-то времени он способствовал тому, что эти принципы наполнились большим содержанием. На выборах 1989 года Ельцин одержал бесспорную победу, став депутатом в новом законодательном органе от избирательного округа, представлявшего всю Москву. Само по себе это было важнейшей вехой, однако, как заявил тогдашний посол США в Москве Джек Мэтлок, «меня больше удивило не то, что Ельцин победил, а то, что подсчет голосов был честным» (курсив Мэтлока)¹⁵.

И хотя утверждение плюрализма в советской системе было историческим прорывом, следует констатировать, что полной демократизации не произошло ни в Советском Союзе, ни в постсоветской России. Если перейти от толкования фактов к допущениям о том, что «могло бы произойти, но в действительности не произошло», то есть основания предположить (но, разумеется, не утверждать с полной уверенностью), что если бы в двух конкретных случаях Горбачев занял иную позицию, в стране могла бы возникнуть более жизнеспособная демократия и более эффективные демократические институты. Первым таким роковым решением стало решение избрать Президента СССР в марте 1990 года голосованием в Верховном Совете, а не путем прямых всенародных выборов. Если бы было принято решение в пользу прямых выборов весной 1990 года (а не только будущих президентских выборов, как имелось в виду), то это было бы даже еще более важным с точки зрения удержания большинства республик в обновленном и добровольном Союзе (подробнее об этом ниже).

Вторым решением, которое было бы важным с точки зрения создания легитимных политических надреспубликанских институтов, что укрепило бы Союз, и еще более важным в плане дальнейшего укрепления демок-

рации, было решение Горбачева повременить с открытым расколом коммунистической партии. Хорошо известно, что в частных беседах он был готов допустить возможность конкуренции партий. Когда в 1985 году Александр Яковлев направил личную записку Горбачеву, в которой предлагал разделить КПСС на две партии, чтобы сделать политическую систему конкурентной, Горбачев не воспринял это как посягательство на святыне принципы единства партии. Он лишь назвал эту идею «преждевременной».¹⁶ Ясно, что с точки зрения практической политики она действительно была преждевременной. У только что избранного генерального секретаря, которого окружало Политбюро, состоящее из коммунистов с ортодоксальными взглядами, не было возможности расколоть партию, особенно если вспомнить, насколько враждебно в ленинских партиях всегда относились к раскольникам.

Самые подходящие моменты, когда Горбачев мог бы рискнуть пойти на раскол КПСС, были в 1989 году или на XXVIII съезде КПСС в июне 1990 года — возможно, съезд был оптимальным для этого моментом. Тогда была вероятность того, что несколько миллионов коммунистов уйдут вместе с Горбачевым и образуют социал-демократическую партию, а оставшиеся «истинные коммунисты» тоже смогут сформировать крупную партию. Более того, из состава КПСС могла бы выделиться либеральная партия, ибо в этой идеологически разнородной организации состояли такие люди, как Егор Гайдар и большинство тех, кто выдвинулся как активные проповедники рыночной экономики. Это был бы оптимальный вариант создания системы, в которой партии соперничали бы друг с другом, имели бы массовую поддержку и, если бы имущество КПСС было бы разделено между партиями-преемницами, прочную финансовую базу. Однако последнее допущение не может не вызывать сомнения: возможен ли был столь открытый переход к партийной конкуренции по западному образцу на основе взаимной договоренности?

Вероятно, основную силу в «остаточной» коммунистической партии составили бы партийные аппаратчики, которые в большинстве своем уже тогда крайне подозрительно относились к социал-демократическим наклонностям Горбачева. Но разве не могли они выступить единым фронтом с военными и с КГБ, чтобы предотвратить раскол? Этого нельзя исключать, и если бы это произошло, то у путча не в августе 1991 года, а годом раньше — было бы гораздо больше шансов на успех. В 1990 году те же люди, которые возглавили попытку переворота, не столкнулись бы с проблемой, которая встала перед ними в августе 1991, когда они заявляли, что выступают от имени всего народа, тогда как всего за два месяца до этого народ

если не всей страны, то во всяком случае России избрал президентом человека с совершенно другими взглядами — Бориса Ельцина. И летом 1990 года у Ельцина не было бы такой громадной демократической легитимности. Он мог получить ее, только если бы весной 1990 года был всенародно избран президентом Советского Союза. Именно здесь допущение о прямых выборах президента СССР становится особенно значимым (речь об этом пойдет в разделе, посвященном пятой трансформации, а именно распаду Советского Союза). И хотя Горбачев действительно пошел бы на риск, если бы взял на себя инициативу расколоть коммунистическую партию, риск, связанный с сохранением формального единства партии, был в целом больше.

Конец «холодной войны»

До сих пор не утихают споры о том, какую роль сыграл Запад и, в частности, администрация Рейгана в прекращении «холодной войны»¹⁷. Однако очевидны два момента. Во-первых, в годы, когда президентство Рейгана совпало с руководством в Советском Союзе трех других генеральных секретарей, не было никаких признаков окончания «холодной войны». Напротив, она становилась все «холоднее». Кардинальные изменения в отношениях между Востоком и Западом начались только после того, как в марте 1985 года к власти в Кремле пришел Горбачев. В последние два года жизни Леонида Брежнева и в течение коротких периодов, года на верхушке политической иерархии находились Юрий Андропов и Константин Черненко, советской внешней политикой и политикой в области безопасности руководили министр иностранных дел А.Громыко и министр обороны Д.Устинов. Они не проявляли гибкости, а на рост военных расходов США реагировали традиционным образом. Человеком, который дал ход новому мышлению, разрабатывал новые принципы поведения и выдвигал в Москве новую внешнеполитическую команду, был Горбачев.

Другим неоспоримым фактом является то, что «холодная война» закончилась, когда Горбачев был у руля. Его преемник Борис Ельцин не сыграл никакой роли в этой трансформации. Ельцин даже в последние годы существования Советского Союза не имел внешнеполитической линии, отличной от линии Горбачева, и вообще мало говорил на эту тему. В те годы, когда происходила трансформация отношений между Востоком и Западом, его вклад в процесс принятия внешнеполитических решений был нулевым. Государственный секретарь США Джордж Шульц придерживается той точки зрения, что к концу 1988 года, т.е. к моменту, когда он

оставил свой пост, «холодная война» уже закончилась.¹⁸ К тому времени Рейган и Горбачев подписали важные договоры по сокращению вооружений, и Рейган посетил Москву с дружественным визитом, в ходе которого он сказал, что Советский Союз больше не является «империей зла».

Горбачева, в отличие от Ельцина, по-настоящему интересовали идеи, в том числе идеи, связанные с международными отношениями. Он считал, что они не должны определяться идеологической зашоренностью, равно как и политикой силы. Еще в бытность свою секретарем Ставропольского крайкома партии он много читал, в том числе то, что обычно не входило в круг чтения партийного функционера. И тогда, и впоследствии благодаря своей интеллектуальной любознательности он интересовался вещами, выходящими далеко за пределы ортодоксальных советских представлений. Он еще более расширил свой кругозор, назначив таких образованных и знающих помощников, как Анатолий Черняев и Георгий Шахназаров, сменив руководство министерства иностранных дел и ускорив продвижение по партийной лестнице Александра Яковлева. Он поддержал ученых из исследовательских институтов в стремлении «думать о немислимом», и выступать с новыми идеями.

Самым важным было то, что практические действия Горбачева соответствовали провозглашенным им принципам. Традиционная риторика советского марксизма-ленинизма насчет классовой борьбы и пролетарского интернационализма — служила в значительной мере для оправдания советской гегемонии в международном коммунистическом движении и в борьбе между двумя системами, на которые, как считалось, был разделен мир. Горбачев же — под влиянием прочитанного и под влиянием лучших из его советников, но и на основе собственного опыта общения с иностранными руководителями и непосредственного знакомства с другими культурами и системами — считал, что существуют общечеловеческие ценности и интересы, которые выходят за рамки более узких интересов и различий между государствами. Эта убежденность стала для него руководством к действию или же к благожелательному бездействию, как это было в отношении Восточной Европы, о которой пойдет речь в следующем разделе.

Отказ от советской гегемонии в Восточной Европе

Точке зрения Джорджа Шульца, что «холодная война» закончилась к концу 1988 года, можно противопоставить мнение, что она по-настоящему не закончилась до тех пор, пока народы стран Восточной Европы не получили возможность сами выбирать свою политическую и экономическую систему. В течение 1988 года Горбачев дважды заявлял о том, что они имеют

право на «свободу выбора» — сначала летом на XIX партийной конференции, а затем в декабре в своем выступлении в ООН. В течение 1989 года искренность сказанного им проверялась чередой событий, происходивших в странах Центральной и Восточной Европы. Невмешательство Советского Союза в эти события было несомненным доказательством того, что «холодная война» окончилась. Она окончилась, когда под влиянием новых идей глобальной взаимозависимости и общечеловеческих интересов и ценностей, а также в силу изменившихся представлений о плюсах и минусах советской гегемонии в отношении несогласных с ней народов Восточной Европы советское руководство сознательно перестало поддерживать режимы, которые уже не имели доверия своих граждан.

В России Горбачева часто критикуют за то, что он прекратил «холодную войну» на якобы невыгодных для своей страны условиях. Многих из тех, кто выступает с подобной критикой, имеют в виду отказ в поддержке коммунистических «клиентов» и просоветских режимов в Восточной Европе. Вот что пишет сам Горбачев:

Говорят далее, что мы лишились союзников в Восточной Европе, «отдали» эти страны без компенсации. Но кому мы их «отдали»? Их же народам. Народам, которые сами, в ходе свободного волеизъявления, избрали тот путь развития, который отвечал их национальным потребностям.

Строй, который существовал в странах Восточной и Центральной Европы, был осужден историей так же, как и в нашей стране. Он давно уже изжил себя, тяготил народы. И спасти этот строй, консервировать его значило бы еще больше ослаблять позиции нашей собственной страны, компрометировать ее в глазах и собственного народа, и всего мира¹⁹.

В середине 80-х в столицах западных стран по-прежнему считали само собой разумеющимся, что для Москвы вопрос о советской гегемонии в отношении Восточной Европы не подлежит обсуждению. Максимальное, на что можно было рассчитывать, и что считалось реально достижимым в самих странах Центральной и Восточной Европы, это некоторое послабление и либерализация (подобные тем, что постепенно осуществлялись в Венгрии при Кадаре), но уж никак не полная независимость и конец Варшавского Договора, СЭВ'а и советского контроля.

Отказ от попытки сохранить советскую гегемонию в Восточной Европе был политическим выбором именно Горбачева и его непосредственного окружения, а не политикой, разработанной в министерстве иностранных дел или в Международном отделе ЦК КПСС (куда в 1988 году вошел Отдел социалистических стран ЦК). Верно, что 1989 году изменения в Восточной Европе произошли быстрее, чем предполагали Горбачев или его главный советник по Восточной Европе Георгий Шахназаров (и имели гораздо

более тяжелые непосредственные последствия даже для коммунистов–реформаторов, хотя некоторые из них, спустя какое-то время, сумели вернуться на политическую арену, когда их партии выступили за социализм социал-демократического типа). И тем не менее, вопрос о применении военной силы, чтобы замедлить или предотвратить падение коммунистических режимов в странах Восточной Европы, даже не рассматривался, что означало полный и окончательный разрыв с прошлым.

Распад Советского Союза

Некоторые утверждают, будто бы в понятии «демократизированный Советский Союз» заключено непреодолимое «противоречие в терминах». Это можно принять лишь с большой оговоркой. Оно, безусловно, верно, если речь идет о Союзе в составе всех пятнадцати республик. Прибалтийские государства — это особый случай, и как бы трудно ни было руководству в Москве признать это, было бы лучше, если бы эти республики рассматривались именно так. Эстония, Латвия и Литва были включены в состав Советского Союза насильно, против их воли относительно недавно, в 1940 году, и, как и следовало ожидать, их народы высказались за самостоятельную государственность, когда такие требования стали менее рискованными. Учитывая, что они всегда равнялись на своих соседей — скандинавов, которые жили богаче в условиях процветающей демократии, не удивительно, что политические устремления прибалтов в корне отличались от стремлений народов советской Средней Азии.

Тем не менее существовали возможности сохранения добровольного Союза, хотя и в меньшем составе. Кроме того, нет оснований считать, что распад Советского Союза, в результате которого на территории, которую раньше занимало одно государство, образовались пятнадцать независимых государств, оказался демократичнее по своим последствиям, чем сохранение Союза в составе девяти или даже двенадцати республик. (Сегодня некоторые из этих государств стали более авторитарными, чем были в последние годы советского периода). Если более крупное политическое образование, включающее в себя разные народы, может существовать на основе взаимного согласия, оно, как демократический политический организм, может быть ничем не хуже государства, основанного на требовании самостоятельной государственности для того или иного народа. Мнение, что каждый народ имеет абсолютное право на собственное государство, порождает не меньше проблем, чем решает. В каждом потенциально возможном «национальном государстве» существуют более мелкие национальные группы, иногда занимающие территориальные

анклавы, которые после распада более крупного политического образования (как мы видели на примере бывшего Советского Союза и бывшей Югославии) могут дать основания для выдвижения своего требования «национальной государственности». Возникает возможность дробления на все более мелкие государства, призрак гражданской войны и этнических чисток.

Насколько значимыми могли бы стать всенародные выборы президента Советского Союза? Большинство членов ЦК КПСС были бы крайне недовольны, если бы в начале 1990 г. Горбачев поддержал идею прямых выборов президента Советского Союза, поскольку в то время в стране нарастали антикоммунистические настроения, усугублявшиеся экономическими проблемами, обострением «национального вопроса» и, что немаловажно, демонстрационным эффектом событий в Восточной Европе. На протяжении всего предыдущего года благодаря новым свободам советские люди могли на экранах своих телевизоров видеть, как на волне народного недовольства коммунистических лидеров призывали к ответу и отстраняли от власти.²⁰ Более того, по данным опросов ВЦИОМ, которые тогда были самыми достоверными, в то время двумя самыми популярными политическими деятелями в стране были Горбачев и Ельцин. В марте 1990 года Горбачев еще опережал Ельцина. В мае-июне того же года популярность Горбачева пошла вниз, а популярность Ельцина стала расти — они поменялись местами²¹.

Если бы в марте или апреле 1990 года Горбачев выиграл прямые всесоюзные выборы, это очень не понравилось бы консерваторам в партии. Имея всенародный мандат, он стал бы еще свободнее от давления со стороны Политбюро и Центрального Комитета, чем будучи президентом, избранным непрямым путем. Если бы на выборах победил Ельцин, а он, с учетом его растущей популярности, несомненно, стал бы баллотироваться, это, конечно, было бы еще более тяжелым ударом для *аппарата*. И все же, если бы Горбачев поставил партию перед решением о проведении всенародных выборов президента так же неожиданно, как на XIX партийной конференции он удивил ее предложением провести на конкурентной основе выборы в новый, реальный парламент, он, скорее всего, добился бы своего.

Хуан Линц и Альфред Штепан считают, что перспективы сохранения Союза (или, по крайней мере, его большей части) в качестве новой, добровольной федерации были ослаблены тем, что конкурентные выборы в республиках прошли раньше выборов на союзном уровне.²² Вообще говоря, их соображение о порядке проведения выборов существенно, но оно в большей степени относится к президентским, а не к парламентским выборам, на которых сосредоточена их аргументация. Той резкой качествен-

ной разницы, о которой пишут Линц и Штепан, между выборами Съезда народных депутатов СССР 1989 года и выборами Съезда народных депутатов РСФСР 1990 года на самом деле не было. Более того, первые многопартийные выборы в России были проведены лишь в 1993 году. Их вряд ли можно считать «основополагающими выборами», потому что на них была самая низкая явка избирателей за весь период с 1989 по 2004 г. У многих граждан России остались неприятные воспоминания о том насилии, к которому прибег Ельцин при роспуске предыдущего парламента. Различие между 1993 годом и 1989-ым бросается в глаза. Те первые проходившие на альтернативной основе выборы вызвали настоящее воодушевление в стране, несмотря на то, что были компромиссными по своему характеру (одна треть мест была зарезервирована для кандидатов от общественных организаций). Если бы выборы президента СССР состоялись в 1990 году, т.е. за целый год до выборов президентов республик, это было бы событием выдающегося политического значения. Это придало бы большую легитимность не только победителю, но и обновленному Союзу.

С точки зрения сохранения Союза в составе девяти или более республик можно утверждать, что победа Ельцина была бы особенно значимой.²³ Хотя ряд исследователей справедливо отмечает, какие значительные институциональные ресурсы могли бы быть мобилизованы в каждой из союзных республик, если бы в рамках обновленного и более толерантного Советского Союза местные элиты решили добиваться суверенитета,²⁴ сам Ельцин сыграл важную, а может быть и решающую роль в развале Советского Союза. Было нечто парадоксальное в заявлении Ельцина о «независимости» России от Союза. В определенном смысле Союз был «большой Россией» и большинство россиян выступало за сохранение Советского Союза — причем как до, так и после его развала (исключением был лишь очень короткий период в конце 1991 года)²⁵. Поэтому заявление Ельцина о том, что российские законы имеют верховенство над союзными и что Россия должна стремиться к «независимости»²⁶, вряд ли отвечало долговременным интересам России. Ему это было нужно, потому что он рвался занять место Горбачева в Кремле, и эта задача была для него более приоритетной, чем сохранение большого Союза. Понятно, что если бы в 1990 году Ельцина избрали президентом *Советского Союза*, у него не было бы оснований отстаивать самостоятельность *России*. Скорее наоборот.

Распаду Советского Союза способствовали новые свободы и политический плюрализм, в утверждении которых во второй половине 80-х главную роль сыграл Горбачев. В этом смысле Горбачев создал предпосылки

для такого исхода. Но распад государства был конечным непреднамеренным следствием его действий. Только те, кто считает, что было бы лучше сохранить советскую политическую систему unreformed, со всем ее произволом и отсутствием политических, духовных и религиозных свобод, вместе с ее неэффективной экономикой, могут по логике вещей обвинять Горбачева за то, что он открыл возможности, которые прежде, в условиях суровых санкций за малейший намек на сепаратистские настроения, нельзя было себе представить. Помимо роли государств Балтии, непосредственными причинами распада страны было решение Ельцина разыграть российскую карту против Союза и выступление в августе 1991 года путчистов, которые хотели сорвать подписание Союзного договора, передававшего республикам широкие полномочия, и по своему недомыслию только ускорили исход, который сами же хотели предотвратить.

Заключение

Либерализация и значительная степень демократизации, примером которой могут служить выборы на альтернативной основе, не могли не создать трудностей для Союза, но они не исключали возможности перехода от псевдофедерализма к настоящей, хотя и несколько аморфной, федерации в составе большинства советских республик на основе нового и добровольного Союзного договора. Союз уменьшенного состава мог бы сохраниться, но советская система едва ли пережила бы процесс реформирования. Реформа высветила противоречия, неэффективность и несправедливости системы и очень скоро привела к ситуации, когда человеку, который возглавил процесс реформирования, пришлось выбирать: либо восстанавливать знакомые нормы старой системы, либо следовать логике плюрализации системы, происшедшей в годы перестройки. Заслуга Горбачева в том, что он выбрал второй вариант. Можно почти наверняка сказать, что единственным путем мирного перехода к плюралистической политической системе, возможным в прочно устоявшейся коммунистической системе, которая существовала в Советском Союзе, была реформа сверху или, как многие называли ее, «революция сверху». Однако на определенном этапе этот процесс неизбежно должен был выйти из-под контроля высших руководителей, если реформы становились настолько радикальными, чтобы допустить в пробудившемся обществе открытое обсуждение всех мыслимых вариантов. Это делало похвальную саму по себе цель, которую провозгласил Горбачев, — «революционные изменения эволюционными средствами» — все более труднодостижимой. Более того, реформа советской командной экономики не могла не выявить ограничений реформи-

вания такой системы, что обуславливало необходимость перехода к экономической системе, действующей на иных принципах, даже несмотря на то, что переход от одной системы к другой должен был сначала ухудшить ситуацию и только потом выправить ее. Реформа командного политического организма переросла в системную трансформацию более плавно, но это потребовало от Горбачева большой политической ловкости и умения маневрировать, не в последнюю очередь для того, чтобы «успокоить сторонников жесткой линии» и, таким образом, избежать возврата к старому, когда его оппоненты могли сделать это самым простым способом — проголосовать в Политбюро и в ЦК за смещение Горбачева с поста Генерального секретаря и заменить его своим человеком²⁷.

Горбачев столкнулся с сильным давлением с различных направлений. На него давили коммунисты-консерваторы, занимавшие сильные позиции в партийном аппарате, органах госбезопасности и военно-промышленном комплексе, давили национальные элиты, в ряде случаев выступавшие в требованиях самостоятельной государственности, снискавшими им поддержку масс, в частности в прибалтийских республиках; давило высоко политизированное российское общество, которое получило возможность выразить недовольство по поводу страдавшей от дефицитов экономики и сохраняющихся социальных проблем. Тем не менее, к концу 80-х годов Россия и Советский Союз перешли от реформирования системы к системной трансформации. Это была не игра словами, о чем говорит тот факт, что уже в 1988 году Горбачев признал необходимость «перехода от одной политической системы к другой»²⁸. Несмотря на тактические отступления и колебания (некоторые из которых дали результат, обратный желаемому), Горбачев и его ближайшие соратники шли к стратегической цели демонтажа доставшейся им в наследство системы. Они стремились построить политическую и экономическую систему, качественно превосходящую то, что они унаследовали от Советского Союза, добившись значительно большего успеха в политике, чем в экономике.

¹ Хотя данная статья написана специально для этой книги, в ней использованы некоторые фрагменты моих текстов из сборника: A.Brown, L.Shevtsova (eds.). *Gorbachev, Yeltsin and Putin: Political Leadership in Russia's Transition* (Washington, DC. 2001) и моей статьи «The Soviet Union: Reform of the System or Systemic Transformation?» (*Slavic Review*, Vol. 63, № 3, 2004).

² Эти положения подробнее изложены в статье Арчи Брауна «Коммунизм» (*Communism*), опубликованной в: N.J.Smelser, Paul V.Baltes (eds.) *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences* (Oxford, 2001), pp. 2323-2325; а также в кн.: A.Brown. *The Gorbachev Factor* (Oxford, 1996), pp. 309-315.

³ В первое время своего пребывания на посту Генерального секретаря Горбачев считал систему социалистической, хотя и несовершенной, нуждающейся в реформировании. В

дальнейшем он принял социал-демократическую концепцию социализма и, как следствие, пришел к выводу, что в Советском Союзе никогда не было социализма. Позиция Горбачева менялась постепенно. Вот что он сказал по этому поводу в разговоре с одним из старых друзей: «Но к отрицанию представления о том, что советская система тождественна с социализмом, что она воплощает его преимущества, я пришел только после 83-го, да и то не сразу» (Mikhail Gorbachev and Zdeněk Mlýna. *Conversations with Gorbachev: On Perestroika, the Prague Spring, and the Crossroads of Socialism* (New York, 2002, p. 65). Горбачев также замечает: «...в 1985 году и еще какое-то время потом мы хотели улучшить систему, которая не была социалистической [...] Но большим успехом является то, что мы уже не пытаемся создавать идеальные модели и загонять в их рамки общественную жизнь. Мы устранили тоталитарную власть, дали свободу выбора, демократический плюрализм, а это — главное и для социализма, неотделимого от демократии» (ibid., p. 200).

⁴ Поэтому я, при всем уважении, не соглашусь с покойным Георгием Шахназаровым, который в своей книге, вышедшей в свет уже после его смерти, с похвалой отзываясь о моем анализе советской и российской политики, критикует меня за слова «социализм» и «коммунизм» в значении, отличающемся от принятого в советское время. См. Г.Х. Шахназаров, «Современная цивилизация и Россия», (Москва, 2003), особенно раздел «Фактор личности и альтернативы демократии», с. 176-191 и 179-180.

⁵ Стоит отметить, что для социалистических партий Западной Европы значение слова «социализм» также изменилось. Очень мало кто в руководстве основных партий, входящих в Социалистический Интернационал, сохранил веру в возможность построения специфической социально-экономической системы, которую можно было бы назвать социализмом. Слово «социализм» постольку, поскольку они продолжают пользоваться этим термином (а сегодня руководители британской Лейбористской партии используют это понятие реже, чем их друзья из Социалистического Интернационала в странах континентальной Европы), стало означать отличающиеся в других ценности и приоритеты, а не совершенно определенную систему.

⁶ См.: Archie Brown (ed.). *The Demise of Marxism-Leninism in Russia* (London, 2004) и Robert D. English. *Russia and the Idea of the West: Gorbachev, Intellectuals and the End of the Cold War* (New York, 2000).

⁷ Robert A. Dahl, «Why All Democratic Countries Have Mixed Economies» в кн: John W. Chapman and Ian Shapiro (eds.). *Democratic Community* (New York, 1993), pp. 259-282.

⁸ Ibid., p. 259.

⁹ Fiona Hill and Clifford Gaddy. *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold* (Washington, 2003).

¹⁰ Robert A. Dahl, op. cit.

¹¹ См. «Правда», 15 июля 1987 года, с. 1-2 и «Правда», 30 сентября 1987 года, с. 1.

¹² О попытках воспрепятствовать возвышению Горбачева в 1984 году и о маневрировании Николая Тихонова, Виктора Гришина и других см.: Михаил Горбачев, «Жизнь и реформы» (Москва, 1995), том 1, с. 248-262. О консервативных коммунистических взглядах Виктора Гришина можно составить вполне ясное представление по его книге «От Хрущева до Горбачева: политические портреты пяти генсеков и А.Н. Косыгина: мемуары» (Москва, 1996). По свидетельству Александра Яковлева Гришин не просто хотел занять пост генерального секретаря — ближайшее окружение Константина Черненко «уже подготовило тексты речей и политическую программу», рассчитанные на то, что Гришин станет генеральным секретарем. См.: А.Яковлев, «Сумерки» (Москва, 2003), с. 459. Гришин понял, что ничего не получится, когда Черненко умер 10 марта 1985 года и Горбачев назначил заседание Политбюро на вечер того же дня. Сторонники Горбачева тоже готовили почву для плавного перехода власти. Была, в частности, достигнута договоренность с Андреем Громыко. См. А.Яковлев, «Сумерки», с. 459-463, и Анатолий Громыко «Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля: воспоминания и размышления сына» (Москва, 1997), с. 94-95. Анатолий Громыко высказывает предположение, что Григорий Романов стремился стать генеральным секретарем даже больше, чем В.Гришин (Громыко, ук. соч., с. 96-98). По одному из

возможных сценариев на какое-то время к руководству пришел бы престарелый Гришин, а потом генеральным секретарем стал бы Романов, человек моложе по возрасту, но с не менее консервативными взглядами.

¹³ Н. Рыжков. «Перестройка: история предательств» (Москва, 1992), с. 291.

¹⁴ М. Горбачев, «Жизнь и реформы», т. 1, с. 395.

¹⁵ Jack Matlock, Jr. *Autopsy of an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union* (New York: Random House, 1995), p. 210

¹⁶ А. Яковлев, «Сумерки», с. 383.

¹⁷ Наиболее аргументированно обосновывает роль Рейгана в этом контексте бывший посол Мэтлок, но при этом он полностью признает ключевую роль Горбачева. См.: Jack F. Matlock, Jr. *Reagan and Gorbachev: How the Cold War Ended* (New York: Random House, 2004).

¹⁸ George Shultz. *Turmoil and Triumph. My Years as Secretary of State* (New York: Macmillan, 1993), p. 1138.

¹⁹ М. Горбачев. *Gorbachev: On My Country and the World* (New York: Columbia University Press, 1999). См. также: Вадим Медведев, «Распад» (Москва, издательство «Международные отношения», 1994); Вадим Медведев, «Прозрение, миф или предательство? К вопросу об идеологии перестройки» (Москва, издательство «Евразия», 1998); А.С. Черняев, «Шесть лет с Горбачевым: по дневниковым записям помощника» (Москва, издательство «Культура», 1993); Георгий Шахназаров, «Цена свободы: реформация Горбачева глазами его помощника» (Москва, издательство «Россика Зевс», 1993); и более злые высказывания о том, как Горбачев проводил внешнюю политику. В.М.Фалин. «Без скидок на обстоятельства: политические воспоминания» (Москва, издательство «Республика», 1999).

²⁰ Для народов Прибалтики пример стран Восточной Европы, ставших полностью независимыми и некоммунистическими, был особенно важен. Он придал им смелости в переходе от требований большей самостоятельности в рамках Советского Союза к требованию полной независимости. Ср.: Archie Brown, «Transitional Influences in the Transition from Communism» // *Post-Soviet Affairs*, Vol. 16, № 2, April-June 2000, pp. 177-200.

²¹ По достоверным данным опросов ВЦИОМ четко видно, что в последние полтора года пребывания Горбачева у власти его популярность и в самом деле резко падала. Однако статистика того времени, в отличие от воспоминаний, основанных на избирательных свойствах памяти, свидетельствует о том, что на протяжении большей части своего пребывания на посту руководителя страны Горбачев был самым популярным политиком в России и во всем Советском Союзе. Как отмечает ведущий исследователь ВЦИОМ Борис Дубин, с 1988 года по начало 1990-х гг. по данным опросов двумя «героями года» были «вожди-реформаторы» — сначала Горбачев, а потом Ельцин. См.: Б. Дубин. «Сталин и другие. Фигуры высшей власти в общественном мнении современной России» // «Мониторинг общественного мнения», № 1, январь-февраль 2003 года, с. 13-15. Помимо исследований ВЦИОМ серьезные социологические исследования, проведенные Академией общественных наук показали, что в 1989 году популярность Горбачева все еще была высокой, хотя и в меньшей мере, чем в предыдущие годы. См. Вадим Медведев, «Прозрение, миф или предательство?», с. 213.

²² Juan Linz and Alfred Stepan, *Problems of Democratic Transition and Consolidation* (Baltimore, 1996), esp. pp. 381 — 385.

²³ Победа Ельцина вовсе не была предрешена. Проведение всенародных выборов президента страны дало бы новый стимул снижающейся популярности Горбачева и он скорее всего заработал бы очки на том, что был первым в истории России высшим руководителем, кто, унаследовав огромную власть, предпочел добровольно передать эту власть в распоряжение народа. В конечном итоге именно этот результат и дали реформы Горбачева, но это стало бы еще более очевидно, если бы прямые выборы президента Советского Союза состоялись, когда Горбачеву еще было что терять.

²⁴ См. например: Rogers Brubaker. *Nationalism Reformed: Nationhood and Nationalism in the New Europe* (Cambridge, Eng., 1966); и Valerie Bunce, *Subversive Institutions: The Design*

and Destruction of Socialism and the State (Cambridge, Eng., 1999). См также: Linz and Stepan, *Problems of Democratic Transition and Consolidation*, особенно главу 19.

²⁵ См.: Matthew Wyman. «Russians and Non-Russians on the Collapse of the USSR» в его книге (которая, несмотря на название, посвящена не только позднему советскому, но и постсоветскому периоду) *Public Opinion in Postcommunist Russia* (London, 1997, pp. 149-173).

²⁶ В мае 1990 г. Ельцин настаивал на том, что союзные законы не должны противоречить российским, но обратная ситуация возможна. См.: Leon Aron. *Boris Yeltsin: A Revolutionary Life* (London, 2000, p. 377). Судьба Союза была делом второстепенным по сравнению с борьбой за власть не только для Ельцина, но и для его честолюбивого окружения.

²⁷ О необходимости «успокоить сторонников жесткой линии» как общей проблеме политического перехода трансформации см. Guillermo O'Donnell and Philippe C. Schmitter, *Transition from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies* (Baltimore, 1986, p. 44). Или, как сказал Андрей Грачев (последний пресс-секретарь Горбачева в то время, когда он был президентом): «Люди редко задаются вопросом, сколько государственных переворотов Горбачеву удалось избежать за шесть с половиной лет реформ. Любой из таких потенциальных государственных переворотов мог бы произойти при гораздо менее благоприятных условиях, когда положение Горбачева в Политбюро и в ЦК был таким, что он был практически изолирован от партии, руководителем которой он являлся». См.: Andrei S. Grachev. *Final Days: The Inside Story of the Collapse of the Soviet Union* (Boulder, 1995), p. 101.

²⁸ См. примечание 14.

Место перестройки в истории России

Александр Галкин

20 лет — немалый срок. За эти годы появились тысячи книг и статей о различных аспектах перестройки. Одни оценки, продиктованные конъюнктурой, отпали, другие отстоялись. И, тем не менее, о полной ясности говорить не приходится. В обществе по-прежнему идут острые, а подчас ожесточенные дискуссии. Их предмет — причины перестройки, ее цели и формы осуществления, результаты и место в истории России. И согласия по этим вопросам, судя по всему, не предвидится.

Между тем, от характера ответов на поставленные выше вопросы зависит многое, И, прежде всего, понимание ситуации, в которой оказалась спустя 20 лет Россия, и выбор пути ее дальнейшего развития.

Причины

Политический и социально-экономический строй, утвердившийся в стране после Октябрьской революции, растеряв многие провозглашенные ею ценности, со временем стал превращаться в чисто мобилизационную систему, ориентированную на форсированную модернизацию страны. В условиях кризисного развития, в чрезвычайных ситуациях (в ходе гражданской войны, при преодолении развала страны, вызванного разложением царского режима, осуществлении индустриализации, отражении

Галкин Александр Абрамович — главный научный сотрудник Института социологии РАН, доктор исторических наук, профессор; руководитель проекта Центра исследовательских проектов Горбачев-Фонда; в 1985 г. — заведующий отделом социально-политического развития Института международного рабочего движения АН СССР, с 1987 г. — проректор Института общественных наук при ЦК КПСС.

фашистской агрессии) эта система продемонстрировала эффективность. Однако вскоре после окончания Великой отечественной войны, в ходе последующего мирного развития эта эффективность стала резко убывать. Политические структуры мобилизационной системы пришли в противоречие с потребностями нового, более образованного, преимущественно городского общества, а экономика оказалась не в состоянии приспособиться к императивам очередного этапа научно— технической революции.

Уже в 50-х годах, сразу после смерти И.В.Сталина, в правящих кругах страны стало вызревать понимание необходимости перемен. Отсюда неоднократные попытки реформировать систему, наиболее масштабные из которых связаны с именами Н.С.Хрущева и А.Н.Косыгина. Если бы их попытки удались, то последующее развитие, скорее всего, приобрело бы более плавные очертания, и не привело бы в конечном итоге к краху системы в целом. Однако реформы этого времени захлебнулись. Старые и новые болезни общества не обнажались и, следовательно, не излечивались. Будучи загнанными вглубь, они лишь усугубляли ситуацию. Таким образом, и в данном случае история еще раз показала, насколько опасно для общественной системы игнорирование назревших проблем или недостаточная готовность (а иногда и способность) обеспечить их своевременное решение.

К началу 80-х годов кризисное состояние системы, проявлявшееся первоначально подспудно, вышло на поверхность. Это, в частности, признал Ю.В.Андропов, став Генеральным секретарем ЦК КПСС. Признание было сформулировано в осторожной форме, в виде утверждения, что мы «плохо знаем общество, в котором живем», содержавшегося в одной из его статей.

Ощущение, что общество нуждается в серьезных переменах, — зрело и в «низах», в самых разных группах населения.

В специальной литературе и в политической публицистике до сих пор представлена точка зрения, согласно которой решающим фактором, побудившим руководство страны приступить к перестройке, были экономические трудности. Утверждают, что к началу 80-х годов советская экономика находилась в преддверии развала. Причиной этого нередко называют груз гонки вооружений обусловленной соревнованием за первенство с другой супердержавой — Соединенными Штатами. Это утверждение поныне используют противники России за рубежом, чтобы придать убедительность утвердившемуся там взгляду на перестройку как следствие поражения Советского Союза в «холодной войне» с «западным миром», и требующие обращаться с нынешней Россией соответствующим образом.

Действительно, экономическое положение Советского Союза к началу 80-х годов было, мягко говоря, непростым. Страна пришла к новому

десятилетию в состоянии депрессии. Промышленный рост замедлился. Производственные мощности использовались неэффективно. Ненормально высокой оставались энергоемкость и ресурсоемкость выпускаемой продукции. Номенклатура производимых товаров не отвечала растущим потребностям общества. Их качество оставалось на низком уровне. Предприятия продолжали настойчиво отвергать новации, диктуемые научно-технической революцией. В результате росло отставание страны от развитых государств Запада.

При этом, однако, основные производственные механизмы продолжали худо-бедно работать. ВВП на душу населения был примерно в два раза выше, чем спустя 20 лет, в начале XXI века. В два раза выше был объем промышленного производства. В стране был накоплен большой научный задел и тем самым созданы предпосылки для экономического развития на современном уровне. При всем раздражающем дефиците ряда товаров структура и объем потребления многих изделий длительного пользования и, особенно, продовольственных продуктов были благоприятнее, чем ныне. Системы образования, здравоохранения и социального обеспечения, несмотря на явные недостатки, в целом справлялись со своими задачами.

Груз, который взваливали на общество непомерно разросшиеся военные структуры, а также затраты на поддержание военного паритета с Соединенными Штатами, был, действительно, тяжелым. Тем не менее, не это служило основной причиной трудностей, с которыми сталкивалась экономика. Главными были внутренние пороки системы. Ее ресурсы подходили к концу. Устои, на которых она зиждилась, не отвечали объективным потребностям и нуждались в замене. Необходимость резкого сокращения военных расходов, а, следовательно, прекращения «холодной войны» (если отвлечься пока от внешнеполитических аспектов проблемы) была производной от императивов преобразования основ экономического развития.

Вместе с тем, резервы, которыми располагала в то время советская экономика, хотя и находились на пределе, тем не менее, еще позволяли какое-то время выдержать возросшие напряжения, может быть — на десятилетия. Если бы не иные обстоятельства...

Главным среди них была социально-психологическая ситуация, определявшая политический климат. В послевоенные годы в стране наметился и перманентно нарастал разрыв между реальным положением дел и ожиданиями основной массы граждан. Политический кредит, которым на протяжении десятилетий располагала власть, основываясь на идеологически фундированной вере населения в то, что серьезные тяготы, которые сопровождают его повседневное существование, преходящи, и что недалек тот час, когда настанут лучшие времена. Эта вера зиждилась не только на

обещаниях и провозглашаемых программных документах, но и на некоторых реальных актах социальной политики, которые воспринимались как свидетельство движения в обещанном направлении.

Однако чем дальше, тем яснее становилось, что будущее, с которым связывались грядущие улучшения, отодвигается все дальше и дальше. Это порождало разочарование, которое перерастало в отчуждение от власти, постепенно превращавшееся во враждебность к ней.

Размыванию идейно-психологических установок, а, следовательно, и политического кредита власти, способствовали (каждое по своему) многие события, происходившие в промежутке между пятидесятыми и восьмидесятыми годами:

- ставшие широко известными после XX съезда КПСС данные об инициированном И.В.Сталиным «большом терроре», прикрытые в те годы эвфемизмом «культ личности Сталина», а затем попытка реанимировать этот «культ», предпринятая в годы правления Л.И. Брежнева;
- использование советских войск для подавления восстания в Венгрии в 1956 году и Пражский весны в 1969 году;
- вмешательство Советского Союза во внутренние дела Афганистана, завершившееся длительным участием советских войск в военных операциях на территории этой страны;
- волна преследований и подавления инакомыслия, пик которой пришелся на 70-80-е годы;
- появление, в связи с расширением туризма, возможности для более широких категорий населения сравнивать условия жизни в Советском Союзе и за рубежом и делать из этого соответствующие выводы;
- возрастающее неравенство в условиях жизни управленческого (номенклатурного) слоя, с одной стороны, и основной массы населения, с другой, основанное на разветвленной системе привилегий;
- перебои в снабжении населения ряда регионов мясными и молочными продуктами, вызванные преобладанием денежной массы над ее товарным эквивалентом и неудачными попытками сдержать инфляцию административным путем.

Крайне раздражающе действовала на общественное сознание замедлившаяся ротация руководящих кадров, оправдываемая необходимостью преемственности и стабильности политического курса. Обусловленное ею старение правящей верхушки, выходящее за сколько-нибудь разумные рамки, превратило высшие органы власти в синклит геронтократов, потерявших представление о реальных процессах в стране и мире.

В результате, у значительной части населения возникли серьезные сомнения в правильности избранного пути социально-экономического и политического развития, в адекватности проводимой внутренней и внешней политики провозглашаемым принципам, в способности правящего слоя успешно решать задачи, встающие перед страной в новых условиях. В качестве реакции на сложившуюся ситуацию, и, соответственно, на официальную точку зрения, в обществе стало складываться идеализированное представление о зарубежных (прежде всего, экономически развитых) странах как свободных от противоречий и проблем, как процветающих оазисах, следование примеру которых может стать залогом счастливого будущего.

Подобные настроения реализовались по-разному в зависимости от социального статуса, профессии, образовательного уровня и условий существования тех или иных граждан. Особенно остро реагировала на происходящее интеллигенция

В 50–80-е годы ее удельный вес в Советском Союзе не только сравнился с удельным весом в наиболее развитых индустриальных странах Запада, но по ряду параметров превзошел его. Тем самым отношения интеллигенции и власти, весьма непростые еще до этого, получили мощный дополнительный импульс. С одной стороны, интеллигенция позитивно оценивала возможности социальной мобильности и профессиональной самореализации, возникшие в ходе модернизации советского общества. С другой — ее самоутверждение и творческая активность все интенсивнее входили в противоречие с растущей неэффективностью институтов управления, их низкой компетентностью и бюрократизмом, антиинтеллектуализмом власти, возведенным в ранг идеологии.

Крайне болезненно воспринимались интеллигенцией или, по меньшей мере, ее подавляющей частью искусственно заниженный общественный статус, пренебрежительная оценка умственного труда как непроизводительного, его заведомо заниженная оплата, дискриминация при распределении общественных фондов и т.д.

Власть подкармливала отдельные группы интеллигенции, в активном сотрудничестве которых была особо заинтересована. Одновременно не столь очевидная как на первых этапах становления системы, но, тем не менее, достаточно определенная антиинтеллигентская направленность общего курса сохранялась. Интеллигенцию, воспринимаемую как источник потенциальной нестабильности, старались держать под неусыпным контролем. Это не могло не вызывать ответной реакции.

Вместе с тем усложнившаяся внутренняя структура интеллигенции не могла не породить разброса интересов, и на его основе — дифференциации ее общественных, а затем и политических позиций.

Для одной части определяющую ценность составляла имевшаяся возможность относительно стабильной творческой, профессиональной работы при жизненном уровне, который, не будучи высоким и не соответствуя трудовому вкладу, тем не менее, обеспечивал минимально необходимые потребности. На этом фоне очевидные недостатки общественной системы и конкретной политики воспринимались как нечто второстепенное, приходящее, поддающееся исправлению. Критическое отношение к политической системе, ее институтам и режиму не выходило за сравнительно умеренные рамки и не было, по своей сути, разрушительным.

Однако по мере усиления кризиса системы и углубления ее внутренних противоречий, доминирующее влияние стала приобретать другая часть интеллигенции, для поведения которой определяющими стали негативные качества системы. Будучи общественно наиболее активной, она все интенсивнее отчуждалась от властных институтов, а в конечном итоге — от политической системы в целом.

Это отчуждение было тем глубже, чем существеннее становилась роль нефизического труда, фундаментальнее его значение как фактора благополучия и стабильности системы, и чем меньше считались с этим властные структуры. Перефразируя известное классическое выражение, можно сказать, что, создав новую интеллигенцию, расширив ее ряды и, тем самым, усилив ее роль в обществе, власть породила своего могильщика. Особенно очевидным это стало в тот момент, когда ослабли главные скрепы, до поры до времени обеспечивавшие функционирование системы.

Выразителями этих настроений стали первоначально крайне аморфное течение, получившее затем наименование «шестидесятников», а также маргинальные группы «диссидентов». Именно они и оказались на первоначальном этапе активными носителями идей перестройки.

Сложные процессы происходили в эти годы в рядах влиятельной категории административных, хозяйственных и партийных работников. В условиях всеобъемлющего государственного контроля над всеми сферами жизни, эта категория была не просто многочисленной, но и перманентно демонстрировала тенденцию к росту. Существенно трансформировалась ее структура. Увеличивался удельный вес той ее части, которая именовалась партийно-хозяйственным активом. Она все интенсивнее оттесняла на второй план чисто политических «говорунов».

Менялись и личностные характеристики представителей этой группы. Место не очень грамотных функционеров, специалистов по руководству любой деятельностью, которое поручит «начальство», стали все активнее занимать получившие высшее образование «крепкие профессионалы» — «технари», не очень интересовавшиеся идеологией, но зато хорошо знавшие свое

дело. Они ценили власть, способствовавшую их вертикальной социальной мобильности, но вместе с тем тяготились мелочной опекой партийных органов и проявляли недовольство бессмысленной централизацией и бюрократизацией управленческих решений. Одновременно в рядах этой группы росло стремление закрепить делегированные им властные функции, превратив их в отношения собственности. Поэтому назревшие перемены трактовались, главным образом, как серия мер, способных повысить и закрепить приобретенный ими социальный статус, не разрушая основ сложившихся властных отношений.

Вместе с тем ряды управленцев всех типов все заметнее пополнялись представителями гуманитарной интеллигенции, необходимыми власти для придания внешнего лоска. Служа ей, они, вместе с тем приносили во властные структуры ценности, установки и предпочтения, утвердившиеся в интеллигентской среде.

Многие из них преследовали цели, отличавшиеся от тех, которые вынашивались в рядах партийно-хозяйственного актива. Немалую роль в числе этих целей играло стремление очистить общественную систему от болезненных наростов, возродить ее ценностную основу, качественно повысить эффективность управленческих решений, реанимировать впавшую в летаргию систему обратной связи, преодолев тем самым отчуждение власти и народа. В этой среде и сформировался второй отряд активистов перестройки, который оказался затребованным с ее началом.

Нарастали противоречия и в сфере национальных отношений.

Официально в советские времена национальные проблемы в стране считались, в принципе, решенными. В действительности они, как и все другие, были загнаны вглубь, что делало их не менее, а более взрывоопасными.

Объективную основу этих проблем составляли особенности национальной структуры Советского Союза. Характерным для нее было не только национальное многообразие, но и очевидное — численное и, во многом, культурное — доминирование русского народа. Интернационализация общественной жизни реализовалась в Советском Союзе (и, тем более, в Российской Федерации) через приобщение к русскому языку, русским культурным традициям, русскому менталитету многих населяющих его народов. В свою очередь, территориальная мобильность населения, обусловленная развитием производительных сил, происходившим особенно интенсивно на национальных окраинах, выступала, прежде всего, в виде внедрения в прежде компактные национальные общности значительных потоков русских или русскоязычных поселенцев. Именно из них формировались основные отряды новых индустриальных работников и, прежде всего, костяк технической интеллигенции.

С точки зрения перспективы подобное развитие было, безусловно, позитивным. Вместе с тем оно создавало ситуацию, при которой национальные различия выступали как социальные. Значительная часть управленческих кадров, гуманитарная интеллигенция рекрутировались, главным образом, из местного населения, жители индустриальных центров, занятые на производстве, были в основном русскими или русскоязычными. В этих условиях любое расхождение в интересах между социальными группами неизбежно приобретало национальный оттенок, а инстинктивное сопротивление бурным переменам в образе жизни, во многом диктуемое мировыми процессами — форму противостояния тому, что воспринималось как засилье русского языка, русской культуры, как целенаправленное русификаторство.

На это накладывались многочисленные субъективные обстоятельства. Негативную роль сыграла двойственная национальная политика, проводившаяся в СССР с момента его образования.

С одной стороны, был провозглашен и частично реализован курс на территориальное оформление самобытности национальных общностей. Это нашло выражение в вычленении так называемых титульных наций, в образовании различного вида автономий и оснащение их многими квазигосударственными аксессуарами, в форсированной подготовке национальных культурных и управленческих кадров. Наличие таких национально-территориальных образований способствовало оформлению национальных чувств «титульного населения» как тяги к самоидентификации.

С другой стороны, содержание такой политики сводилось на нет крайним унитаризмом в том, что касалось принятия политических и экономических решений, игнорированием специфических интересов национально оформленных территорий, а в конце концов и осознанной политикой, направленной на ускоренное слияние наций.

Наряду с этим искусственная иерархия национальных образований, ставшая, по сути дела, иерархией народов, обернулась многослойной системой психологического ущемления, при которой народ союзной республики ощущал свою второсортность в сравнении с русским, автономных республик — в сравнении с титульным народом союзной республики, а национальные меньшинства, не имевшие своего оформленного территориального ареала, по сравнению со всеми остальными.

В прямом противоречии с провозглашенными принципами национальной политики, с общепринятой нравственностью, с нормами международного права находились репрессии против целых народов, осуществленные в годы второй мировой войны, государственно инспирируемый антисемитизм и некоторые другие аналогичные действия властей.

Двойственную роль сыграла экономическая политика. Одним из ее важных стержней была имевшая свои основания ориентация на приоритетное индустриальное развитие национальных окраин. Эта ориентация приводила, с одной стороны, к форсированному разрушению традиционных укладов жизни местных национальных общностей (а, следовательно, стимулировала отталкивание от всего того, что шло «извне»), а с другой, — к ущемлению интересов российской «метрополии», жертвовавшей огромными ресурсами в пользу национальных республик. Отсюда восприятие этих республик значительной частью российского населения как тяжелого груза, избавление от которого даст реальные экономические выгоды.

Главным выразителем накопившихся национальных противоречий стала сложившаяся и выросшая в годы советской власти интеллигенция союзных и автономных республик. При этом складывавшиеся в ее рядах представления о том, как надлежит выглядеть назревшим переменам, были различны и касались отношений не только с центром, но и друг с другом. Пока сохранялась сильная центральная власть, эти представления не афишировались, а если и выражались, то в смягченной форме. Тем не менее, их подспудное давление на властные структуры становилось все более заметным.

Недовольство основной части народа оставалось в это время аморфным. Его наиболее рельефным выражением выступала подчеркнутая отстраненность от власти. Большинство не было готово к активным акциями протеста, но и не проявляло намерения выступать в защиту «начальства» от тех, кто его атакует. Не было сколько-нибудь ясного целеполагания и у его активной части. Существовало представление о том, против чего следует бороться. Гораздо сложнее было с ответом на вопрос, чего следует добиваться? Тем не менее, уже в это время наметились первые признаки дифференциации движения за перемены на идейные течения, располагавшие специфической системой ценностей: обновительно-социалистическое, традиционалистско-националистическое и неолиберально-западническое.

Именно такой была ситуация в стране, когда на горизонте большой политики появилась яркая, неординарная фигура нового лидера — Михаила Сергеевича Горбачева.

Цели

История свидетельствует: когда люди в своем большинстве хотят изменений, на авансцену общественной жизни выходят лидеры, улавливающие и выражающие их чаяния. Так было и в данном случае.

Включение в состав высшего органа власти страны мало известного широкой публике первого секретаря Ставропольского крайкома с самого начала привлекло внимание ориентированной на перемены московской общественности. Симпатии к нему вызывало многое. И молодость, особенно рельефная на фоне большинства «кремлевских старцев». И очевидная интеллигентность, столь редкая на достигнутом им уровне. И благожелательность по отношению к окружающим людям. И открытость по отношению к новой информации, которую он охотно воспринимал и осмысливал.

В пользу М.С.Горбачева говорил пройденный им жизненный путь. Выходец из «глубинки», из трудовых низов, хорошо знающий реальную жизнь за пределами московской кольцевой дороги. Выпускник Московского Государственного Университета, прошедший его школу в бурные годы после XX съезда и «оттепели» времен Н.С. Хрущева. Человек, освоивший все этажи партийно-управленческой структуры, и знающий не понаслышке ее механизмы и проблемы.

Вскоре в кругах интеллигенции, в том числе за пределами Москвы, а также среди части сотрудников партийно-государственного аппарата, относивших себя к числу прогрессистов, М.С.Горбачева стали рассматривать как предпочтительного претендента на пост главы партии и государства, если таковой освободится. Эта точка зрения нашла распространение и среди более широкой общественности. Последующие годы способствовали ее упрочению. Поэтому переход в руки М.С.Горбачева решающих рычагов власти в марте 1985 года был встречен не просто одобрительно, но и во многом с ликованием. Весьма позитивно был воспринят и принятый им курс, который впоследствии, приобретя дальнейшее развитие, получил наименование перестройки.

Разумеется, разные слои и группы советского населения связывали с этим курсом свои особые интересы, иногда совпадавшие, но чаще всего не идентичные. Но это обнаружилось уже позже.

Критики перестройки поныне обвиняют ее инициатора в том, что, приступая к преобразованиям, от которых зависела судьба миллионов людей, он не подготовил детально разработанный план действий, расписывавший этапы преобразований и учитывавший совокупность их последствий. Если рассматривать эту критику не как рассчитанный на несведущих, заведомо пропагандистский («пиаровский») тезис, а как искреннюю позицию, то ответить на нее можно следующим образом. На протяжении всей истории человечества не было ни одного сколько-нибудь серьезного, глубокого преобразования общественных структур и общественных систем, которое бы реализовалось в стиле иронически описанного Л.Н.Толстым

менталитета австрийских генералов: «Ди эрсте колонне марширт, ди цвайте колонне марширт» и т.д.

В основе любого общественного потрясения, каким являются крупные преобразования экономической системы, политической власти и управленческих институтов, обычно лежит общая ценностная установка, которая модифицируется, дополняется или преобразуется в ходе стихийного творчества пришедших в движение масс. Содержание этого творчества не поддается детальному прогнозированию, даже если привлечь к нему астрологов. Как правило, элемент упорядочения в произошедшее приносят «постфактум» описывающие его историки.

Была ли у инициатора перестройки и его сподвижников ценностная установка? Безусловно. Отражая настроения, доминировавшие в обществе, она предполагала внесение в экономическую и общественно-политическую систему таких изменений, которые, сохранив все позитивное, что было достигнуто в прошедшие годы, избавили бы страну и ее население от описанных выше недугов, явившихся следствием исчерпания резервов и возможностей системы, а также перерождения власти. Отсюда популярные лозунги первых лет перестройки: «Больше демократии — больше социализма», «За социализм с человеческим лицом».

Конкретно речь шла о том, чтобы превратить советское общество в общество свободных людей, построенное на принципах гуманизма, народовластия и социальной справедливости, основанное на разнообразии форм собственности, гарантирующих человеку положение хозяина и неограниченные возможности для проявления инициативы, обеспечивающее реальное равноправие всех наций и народностей, полноту прав человека, и вобравшее лучшие демократические завоевания человечества.

Указанные установки отражали содержательный смысл перестройки и встретили вначале полную поддержку общества.

Что касается четкого представления о методах достижения цели, то его, действительно, не было и быть не могло. Оно созревало по мере движения по пути преобразований, решения возникавших проблем, преодоления неожиданных препятствий, эволюции общественных настроений. Если первоначально предполагалось, что речь пойдет лишь о выправлении отдельных деформаций общественного организма, то затем стала очевидна необходимость радикальной переделки всего общественного здания — от экономического фундамента до надстройки.

Наиболее очевидной была программа действий во внешнеполитической сфере. Необходимо было срочно, не откладывая в долгий ящик, положить конец нарастанию международной напряженности и гонке вооружений, особенно в том, что касалось оружия массового уничтожения. Надо было

налаживать испорченные в ходе «холодной войны» отношения со многими ведущими странами мира. Существовала острая необходимость обновления отношений с союзниками по Организации Варшавского Договора. Нуждались в коррективах отношения со многими странами так называемого «третьего мира». В этой связи было необходимо, прежде всего, положить конец участию советских войск в военных действиях в Афганистане.

Для решения названных задач требовались обновленный взгляд на международную ситуацию, выдвижение новых, нетривиальных предложений, гибкость и готовность к компромиссам. Все это было в наличии (концепция «нового политического мышления»).

Сложнее обстояло дело с переменами в экономике и внутренней политике. Сложность накопившихся здесь проблем проявлялась постепенно, вслед за каждым шагом, направленным на их решение.

В области экономики первоначально предполагалось добиться позитивных сдвигов, наращивая инвестиции в промышленное производство в соответствии с потребностями научно-технической революции («политика ускорения»). Однако наличествующие механизмы не сработали. Инерция предельно централизованного планового хозяйства гасила все попытки его модернизации. Безрезультатными оказались и попытки реформировать хозяйственный механизм.

В этой связи стала особенно очевидной необходимость использования рыночных механизмов как средства стимулирования экономического развития. Соответственно, потребовалось и переосмысление стратегии экономического развития, предполагавшее, в частности, поддержку кооперативной и частнопредпринимательской активности.

Между тем, поиски экономически эффективных решений вызвали упорное сопротивление консервативно настроенной части управленческого аппарата, нашедшей поддержку в самых верхах партии и государства. Оно приобрело такие масштабы, что под угрозой оказалась судьба и перестройки, и ее сторонников. Это сделало неизбежными серьезные кадровые решения и актуализировало потребность в глубоком преобразовании политических институтов.

Преддверием назревшей политической реформы стало постепенное освобождение от жесткого контроля средств массовой информации («политика гласности»). Его целью были усиление системы обратных связей и активизация поддержки населением экономических и политических преобразований. Затем был ослаблен, а потом и сведен на нет, контроль партийных органов над институтами государственной власти.

На следующем этапе были проведены альтернативные выборы — сначала в Верховный Совет СССР, а затем и в Верховные Советы РСФСР и других союзных республик.

В результате реформ были полностью изменены отношения представительных органов и институтов власти. Последние стали подотчетными Советам, которые, в свою очередь, были преобразованы в организации парламентского типа. Из Конституции СССР была изъята статья 6, предусматривавшая руководящую роль единственной существующей в стране партии — КПСС.

Были предприняты усилия по коренному улучшению отношений между союзными республиками и общегосударственным центром путем обновления содержания и структур общего Союза. В результате длительных и сложных обсуждений был подготовлен приемлемый для большинства республик проект нового Союзного договора.

Достижения. Проблемы

Подробное описание всех реформ, осуществленных в годы перестройки, выходит за рамки статьи. В данной связи достаточно указать на то, что, хотя обновление страны, предпринятое в ходе перестройки, оказалось более сложным, чем это казалось вначале, за ее недолгий срок в стране произошли серьезные позитивные перемены.

- Был положен конец длившейся многие десятилетия «холодной войне», заключены важные соглашения, предусматривавшие сокращение наиболее опасных видов вооружений, нормализованы отношения с большинством крупных, экономически развитых стран. Советский Союз открылся миру, отказался от вмешательства в чужие дела. Народы союзных с ним государств, в которых назревали острые кризисные процессы, получили реальную свободу выбора. В рамках проводимой политики была сравнительно безболезненно решена застарелая, чреватая взрывчатыми последствиями проблема воссоединения Германии, выведены советские вооруженные силы из Афганистана.
- С общества был снят давивший его «намордник». Оно раскрепостилось духовно и политически. Был осуществлен прорыв на пути демократических преобразований, заложены основы нормальной политической системы, предполагающей разделение представительной, исполнительной и судебной властей, многопартийность и проведение свободных выборов на альтернативной основе. Законодательно закреплены свобода печати и совести, отменены ограничения на зарубежные поездки, высшим принципом провозглашены права человека.

- Началось движение к многоукладной экономике. Были созданы предпосылки для развертывания экономической активности: узаконена экономическая свобода производителей, ослаблены барьеры во внешнеторговой монополии, разрешено создание смешанных предприятий с участием иностранного капитала, начато внедрение рыночных принципов на принадлежащих государству крупных заводах, приняты меры по стимулированию кооперативов, мелких и средних предприятий.

Сделано было, разумеется, далеко не все из того, что требовала жизнь. Однако было положено позитивное начало процессу демократизации и модернизации общества, определено направление дальнейшего развития.

Естественно, что столь сложный процесс преобразований, каким была перестройка, не мог обойтись без ошибок и прочетов. Одни из них были исправлены по ходу дела. Другие, более существенные, негативно сказались на судьбе перестройки.

- Не были созданы эффективные гражданские общественные структуры, способные активно отстаивать и защищать перемены. Вместе с тем не было до конца завершено обновление кадров. В результате судьбы перестройки во многих случаях оказывались в руках внутренне враждебных ей людей. А противодействие им было спорадическим и, как правило, нерезультативным.
- Глубинные реформы могут рассчитывать на массовую поддержку лишь в том случае, если популярные лозунги, даже самые насущные и благородные, сопровождаются — пусть даже минимальным, но, тем не менее, заметным — улучшением материальных условий существования большинства народа. В противном случае основанный на них курс будет неизбежно восприниматься людьми как болтовня или заведомый обман.

Между тем, наиболее важные шаги в этом направлении были предприняты с опозданием и не дали ожидаемого эффекта. Не получила должного развития система производственной кооперации, выродившаяся в примитивный способ паразитического использования соков государственной промышленности. Застрял на начальном, преимущественно распределительном уровне малый бизнес.

Не было в полной мере учтено, что глубинное преобразование экономики требует особых мер по удержанию стабильности финансовой системы. Прежняя модель этой стабильности, основанная на жестком делении денежной массы на наличную и безналичную, была разрушена, а новая —

не создана. Через образовавшиеся дыры, позволявшие беспрепятственно превращать безналичные деньги в наличные, хлынул мощный поток бумажных «дензнаков», буквально сметавший находившиеся в продаже товары. Принятые в этой связи административные меры, направленные на предотвращение инфляции, породили острый дефицит жизненно необходимых продуктов. Они стали исчезать из продажи.

Управленческие структуры, ответственные за решение возникшей проблемы, проявили профессиональную некомпетентность. Свидетельством этого была, например, так называемая Павловская денежная реформа (по имени тогдашнего председателя Совета Министров В.Павлова). Предпринятый им принудительный обмен сторублевых купюр не дал никаких результатов и лишь спровоцировал глубокое раздражение граждан.

Разбалансирование рынков ударило по условиям существования миллионов людей и породило волну недовольства, которое сказалось на отношении к перестройке. Первоначальный энтузиазм начал сменяться разочарованием.

Не была в полной мере оценена острота существующих в обществе противоречий, и, прежде всего, межнациональных. Между тем их воздействие на ход событий становилось все заметней.

Накопившиеся национальные проблемы, о которых уже шла речь выше, выступили на поверхность. При этом сложившаяся структура федеративных отношений приводила к тому, что этот процесс незамедлительно трансформировался в стремление к «истинному суверенитету», трактуемому как достижение абсолютной независимости от Союза, а на последующем этапе — и от России.

Ориентация на обособление все заметнее приобретала антирусскую направленность. Достигнув высокого накала, она стала превращаться в готовность интегрироваться в иные (в одних случаях западноевропейские, в других тюркские или шире — исламские) надгосударственные структуры, а иногда — в стремление к региональному гегемонизму по отношению к своим национальным меньшинствам и к соседям.

Стимулированию этого процесса способствовал массовый переход на националистические позиции номенклатурной верхушки ряда союзных и автономных республик, пытавшейся реализовать, таким образом, свои корпоративные интересы. Еще раньше, в годы «застоя» ее формальный интернационализм был, по сути дела, лишь ширмой для национально-эгоистических установок. Поэтому крах прежней идеологической модели, сопровождавший кризис общественной системы, создал в этой среде не абсолютный вакуум, как это иногда полагают, но вывел на поверхность уже сформировавшиеся блоки националистически ориентирован-

ного сознания. В результате бывшие «лидеры-интернационалисты» без всяких внутренних конфликтов с легкостью превращались в крайних националистов.

Сказанное выше — следствие просчетов руководства. Но были не менее серьезные ошибки, ответственность за которые надлежит принять на себя той социальной группе, которая первоначально была и некоторое время оставалась основным носителем идей перестройки — интеллигенции и, прежде всего, ее творческой верхушке.

Сейчас многие из представителей данной группы забыли (или делают вид, что забыли), с каким энтузиазмом и надеждой они встретили перестройку и как активно ее поддержали. И для этого были веские основания. Поддержав перестройку, интеллигенция практически получила все то, к чему стремилась в ее преддверии: прекращение пренебрежительного отношения к умственному труду, становление демократических институтов и процедур, возможность активного участия в политической жизни общества, свободу творчества, беспрепятственную возможность выезда за пределы страны и поддержания деловых и личных контактов за рубежом.

Для наиболее амбициозных и политически активных интеллектуалов открылись беспрецедентные возможности карьерного взлета. Средней руки адвокаты, пользуясь профессиональным умением «говорить красиво», превращались в публичных политических деятелей высшего эшелона. Начинающие публицисты и рядовые телерепортеры стали восприниматься обществом как светочи истины, своего рода идеологические «гуру». Сотрудники научно-исследовательских институтов, не очень знакомые с реальными проблемами общества и не имевшие опыта руководства людьми, становились заместителями министров, министрами, а иногда и вице-премьерами. Все они охотно именовали себя «прорабами перестройки», соревнуясь за право претендовать на непосредственное участие в подготовке популярных решений.

Однако прошло время, и ситуация изменилась. По мере углубления перестройки и нарастания связанных с этим противоречий влиятельные группы интеллектуалов начали проявлять по отношению к ней сначала сдержанность, а затем и враждебность. Действия руководства страны стали мишенью нападок, а команда, осуществлявшая перестройку, подверглась поношениям — одно другого хлеще. Для дискредитации политики перестройки в массах широко использовалась обретенная — благодаря ей — свобода слова и печати.

Внешне главной причиной недовольства выступали замедленные, с точки зрения критиков, темпы проведения перестройки, осторожность,

проявляемая руководством при решении вопросов, затрагивавших жизненные интересы граждан, взвешенная оценка им пределов возможного и вытекавшая из нее склонность к компромиссам с силами, отстаивавшими старые порядки. Отсюда главная направленность исходившего из этих кругов требования: *скорее, энергичнее, радикальней*. При этом полностью игнорировалось то, что перемены осуществлялись в непрерывной борьбе людей, взглядов и позиций — и внутри партийного и государственного руководства, и среди партийных масс, и в обществе в целом.

Было бы неверным отрицать, что в критических требованиях, названных выше, содержалось и рациональное начало. В чем-то они были даже полезны, ибо помогали руководству перестройкой преодолевать сопротивление консервативной части управленческого аппарата. И многие из тех, кто поддерживал эти требования, руководствовались самыми искренними побуждениями.

Однако в целом позиция, с которой с этой стороны велись атаки на перестройку, была деструктивной. Дело не только в том, что организаторы этих атак игнорировали реальную ситуацию, объективные ограничители, с которыми нельзя было не считаться. Как показал последующий ход событий, в основе их позиции лежало вовсе не стремление ускорить начатый процесс преобразований, придать ему большую эффективность, уберечь от ошибок и извращений. Речь шла о совсем другом. О намерении противопоставить политике перестройки принципиально иную ценностную модель, представлявшую собой кальку с общественных отношений раннего капитализма, давно отвергнутых и преодоленных в экономически развитых странах.

В это время, и несколько позже, получил распространение и другой критический тезис, противоположный призыву *скорее, энергичней, радикальней* и отражавший растущие опасения, что демонтаж прежних управленческих структур привнесет в страну разрушения и хаос. Он отражал отрицательное отношение к тому, что характеризовалось как неоправданная поспешность с проведением политических реформ еще до того, как экономические преобразования дали реальные, позитивные результаты. Указывалось, что такая поспешность открывает широкую дорогу политическим спекулянтам, использующим трудности переходного периода для мобилизации масс против перемен. При этом широко использовались ссылки на опыт преобразований в Китае.

За этой позицией не стояло стремления заменить перестройку общественными отношениями, свойственными капитализму. Вместе с тем, она, осознано или нет, но представляла настроения тех, кто, по той или иной причине, выступал за торможение перестройки.

Чисто теоретически с высказываемыми в этой связи соображениями можно было бы и согласиться. Однако нельзя было не считаться с тем, что против них работали обстоятельства, диктуемые обстановкой.

Во-первых, практика первых лет перестройки убедительно показала, что существовавшая административно-бюрократическая машина последовательно отторгает все попытки модернизировать экономическую систему. А заменить эту машину можно было только преобразовав политические институты.

Во-вторых, сохранение прежней административно-бюрократической машины в условиях возраставшего сопротивления переменам делало все более актуальной угрозу политического переворота, который бы отбросил страну к новой несвободе.

В-третьих, пришедшие в движение массы требовали, прежде всего, политических изменений, способных освободить страну от «намордника», о котором упоминалось выше. Медлить с этими изменениями — значило вступить в конфликт с настроениями, утвердившимися в обществе, тем более, что эти настроения всячески подогревались активистами — интеллектуалами.

Глубинные причины эволюции части первоначальных сторонников перестройки — интеллигентов, ставших ее радикальными критиками, выявлены пока не в полной мере. Однако некоторые из них очевидны.

Это — нетерпение и радикальность, порожденные негативным опытом прошедших десятилетий, совокупность личностных обид, стимулировавших стремление «разнести вдребезги» все связанное с прошлым, невзирая на последствия подобных действий.

Это — влияние корпоративистских настроений, ориентированных не на общее благо, как у интеллигенции в прошлом, а исключительно на потребности своего слоя, и получивших широкое распространение в процессе превращения интеллигенции в массовую социальную группу.

Это — обусловленное длительной изоляцией плохое, преимущественно книжное знание реалий зарубежного образа жизни, особенностей тамошнего социального устройства и свойственных ему противоречий.

Как известно, несколько лет спустя позиция в отношении перестройки, занятая многими представителями интеллигенции, обернулась для ее большинства катастрофой, тяжелые последствия которой ощущаются и ныне.

Своеобразные перемены в отношении к перестройке происходили и в административных и партийно-хозяйственных структурах. В результате расслоения занятой в них служилой массы сложились три антагонистические группы. Одна (составлявшая меньшинство) объединяла людей, сохранивших верность первоначальным ценностям перестройки и готовых

последовательно ее поддерживать. Вторая (более многочисленная) продолжала отстаивать фундаменталистские позиции, в принципе отвергая перестройку и добиваясь восстановления прежних, привычных порядков. Третья (тоже многочисленная) рассматривала происходившее не как движение к оздоровлению и демократизации общества, а как ситуацию, открывающую дополнительные возможности быстрого карьерного роста, укрепления достигнутых статусных позиций, сублимации властных полномочий в собственность и, следовательно, их увековечение. Соответственно, ее интересовала перестройка, но не та, которая проводилась реально, а другая, переведенная на капиталистические рельсы.

Со временем эта группа вступила в партнерские отношения с частью интеллигенции во имя совместного похода против той перестройки, которая была неразрывно связана в именовании М.С.Горбачева. Своего рода символом таких отношений стало избрание сопредседателями Межрегиональной группы депутатов Верховного Совета СССР, ставшей стержнем сил, оппозиционных руководству перестройки, таких несопоставимых и несоизмеримых фигур как выдающийся ученый, демократ, интеллектualan высшей пробы академик А.Д. Сахаров и грубый, деспотичный партийный аппаратчик наихудшего, провинциального разлива — Б.Н. Ельцин.

Последующий ход событий хорошо известен. Все более жесткое сопротивление фундаменталистского крыла партийно-административной бюрократии политике перестройки. Атаки на нее с формально-демократических позиций части интеллигенции, негласно поддержанной партийно-хозяйственным активом второго эшелона. Попытка государственного переворота, предпринятая группой фундаменталистов из высших эшелонов власти (заговор ГКЧП). Массовые выступления по всей стране против путчистов. Приход к власти на этой волне Б.Н. Ельцина и его команды, в которой заправляли сторонники примитивного раннего капитализма. Овладение властными позициями на местах партийно-хозяйственной номенклатурой второго эшелона. «Роспуск» Советского Союза, разрушение действовавших в Российской Федерации политико-административных институтов и всей системы управления обществом.

Первоначально произошедшие перемены были восприняты большинством граждан как более решительный курс на продолжение перестройки. Это впечатление, паразитируя на распространенных настроениях, подпитывали на первых порах и новые власти. В действительности речь шла не о продолжении, а о «перестройке перестройки».

Ценностные ориентации, из которых исходил курс, предложенный стране новой командой после трагических событий 1991 года, принципиально отличались от главных ценностей перестройки.

Перестройка предполагала реформирование существовавшей общественной системы. Постперестройка ставила целью ее полное уничтожение.

Перестройка была ориентирована на эволюционный путь развития страны. Постперестройка — на экстремистские методы преобразований.

Движущим стимулом перестройки было стремление к достижению всеобщего блага на базе социальной справедливости. Постперестройка была рассчитана на блага для немногих — не обремененных «излишней моралью», хватких, деловых и бесцеремонных.

Экономическая программа перестройки предполагала развитие народного хозяйства на базе множественности форм собственности: кооперативной, частной, муниципальной, государственной. Их состязание должно было стать стимулом интенсификации производства, широкого использования достижений научно-технической революции и повышения производительности труда. В рамках постперестройки был принят курс на установление монополии частной собственности на природные ресурсы и средства производства. В этом, в частности, заключался смысл приватизации, в ходе которой была раздарено и разграблено накопленное за многие десятилетия общественное добро. В результате сложилась нынешняя, уродливая экономическая система, при которой основные богатства страны сосредоточены в руках высшей бюрократии, с одной стороны, и крупнейших финансово-промышленных олигархов, с другой.

Перестройка была направлена на демократическую реформу, то есть на реальную демократизацию всех общественных отношений, в том числе политической системы. Для постперестройки демократия оставалась лишь ширмой, позволявшей замаскировать презрение к простому народу, необходимой лишь в той мере, в какой помогала удерживать власть и сохранить образ режима, приемлемый для столь высоко ценимых западных партнеров.

Перестройка предполагала сохранение Советского Союза, как обновленного содружества свободных союзных республик. Постперестройке была свойственна откровенная враждебность к СССР, который рассматривался как отжившая свой век империя, разрушение которой — благо для входящих в нее народов. Отсюда осознанные действия, направленные на осуществление этой цели.

Целью перестройки было создание условий, обеспечивающих преодоление жесткого противостояния страны другим развитым государствам и ее вхождение в мировое сообщество на правах влиятельного, равноправного партнера. Постперестройка отводила стране роль сателлита «западного мира», подбирающего крохи со стола хозяев.

Иными словами, то, что до сих пор именуют августовской демократической революцией 1991 года, в действительности знаменовало расправу над перестройкой.

А окончательная точка над этим периодом в жизни страны была поставлена осенью 1993 года расстреляли из танков резиденции Верховного Совета Российской Федерации — одного из последних оставшихся детищ перестройки. Подтвердилось, тем самым, что установленный в стране режим и демократия несовместимы.

Истинное место исторического события проявляется лишь со временем. Быть может именно поэтому перестройка не получила пока свободной от политических страстей, взвешенной и объективной оценки. Тем не менее, приблизиться к этой цели уже можно.

Каково же место перестройки в сложной и противоречивой истории России?

Любой феномен может быть понят и оценен лишь в сравнении. На перестройке был поставлен крест более 13 лет назад. С тех пор накопилось достаточно данных, чтобы сопоставить ее с реальными результатами постперестройки. Что же принесла последняя России?

Сейчас, практически, все признают, что 90-е годы были временем разрушений. Пострадали все сферы общественной жизни: экономика, социальная сфера, культура, безопасность. Ход событий начала XXI века, несмотря на отдельные позитивные проявления, тоже не дает оснований для сколько-нибудь оптимистической оценки.

Это подводит к выводу, который не может не быть однозначным. Насильственная ликвидация перестройки — трагическая ошибка. Российское общество получило в 80-е годы минувшего века исключительный шанс выйти на путь всестороннего обновления, отвечающего интересам всех его членов, без бессмысленных потерь и потрясений. Для его реализации имелись необходимые предпосылки: материальная база, общественная атмосфера, возможность опереться на институты государственной власти. Однако шанс использован не был. И вина за это — естественно, в разной степени — лежит на всех: и тех, кто делал, и тех, кто не делал, и тех, кто целеустремленно мешал делать.

Разумеется, то, что произошло, *свершилось*, и всякого рода «если» не имеют смысла. Упущенные шансы вернуть невозможно, как нельзя возвратиться в прошлое, даже если бы захотелось.

Сейчас на повестке дня остро стоит вопрос о сохранении того позитивного, что осталось от времен перестройки, и, прежде всего, демократических процедур и институтов. Множатся признаки, что общество, в котором

хозяйничают бюрократы и олигархи, все очевиднее соскальзывает в трясины авторитаризма. Противодействие этой тенденции стало важным элементом общественной жизни. И показательно для новой ситуации то, что в этом противодействии принимают участие не только давние сторонники перестройки, но и многие из тех, кто в свое время предавал ее анафеме.

Но это только одна сторона дела. Есть и другая, содержательно не менее значимая. Перестройка была, по сути дела, первой масштабной попыткой осуществить на практике идеи демократического социализма, предполагающего создание общественной системы, в основе которой будут находиться солидарность и социальная справедливость, с одной стороны, и незыблемые свободы, гарантируемые демократическими институтами и процедурами, с другой. Значение этой попытки неизмеримо больше, чем знаменитой Пражской весны, которая была задушена еще до того, как осуществила первые реальные шаги.

Очевидно, что перестройка как совокупность практических действий потерпела поражение. Вместе с тем, она открыла человечеству новые возможности развития и стала, тем самым, неотъемлемой составной частью его истории.

Годы перестройки не испарились. Они оставили глубокий отпечаток в общественном сознании. Ее опыт стал неотъемлемой частью этого сознания, как представление о реальной альтернативе и казарменно-административной карикатуре на социализм, и бюрократическо-олигархическому капитализму, утвердившемуся в результате постперестройки.

Такая альтернатива крайне необходима современной России — пусть даже пока в виртуальной форме.

Три развилки горбачевской перестройки

Виктор Кувалдин

20 лет для человека — целая жизнь. Это время, отделяющее одно поколение от другого. 20 лет для истории — мгновение. Для всестороннего анализа феномена такого масштаба, как горбачевская перестройка, двадцатилетняя дистанция совсем не велика. Живы многие участники событий, не угасли политические и человеческие страсти, далеко не все тайное стало явным.

Еще меньше временная дистанция для тех, кто, как автор этих строк, всей душой принял перестройку и встретил окаянный декабрь 1991 года в составе сильно поредевшей горбачевской команды в Кремле. Даже сейчас, по прошествии стольких лет, мне трудно думать и рассуждать на эту тему с тем спокойствием и отстраненностью, которые требуются от аналитика.

За прошедшие годы вышло много статей и книг, посвященных последнему периоду жизни СССР, но мало обобщающих, фундаментальных трудов. В литературе преобладают мемуарные свидетельства, авторы которых, разумеется, хотят выставить себя в наиболее благоприятном свете.

В одной статье невозможно как-то восполнить этот пробел. Моя задача намного скромнее: сформулировать некоторые дискуссионные вопросы того удивительно насыщенного событиями периода российской истории и высказать отдельные суждения по затронутым темам.

Начну с казалось бы формального вопроса о том, сколько времени было отпущено историей на перестройку. Ответ представляется очевидным: немногим менее семи лет. Но так ли это? Есть немало оснований полагать,

Кувалдин Виктор Борисович — Исполнительный директор Круглого стола «Экспертиза» (Горбачев-Фонд), доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (Университет) и Московского государственного университета им. Ломоносова. В начале перестройки — консультант Международного отдела ЦК КПСС, в 1991 г. — консультант помощника Президента СССР.

что процесс, получивший название «перестройка», в сущности был значительно короче, чем время пребывания М.С.Горбачева у власти.

По авторитетным оценкам, о начале перестройки в собственном смысле слова можно говорить в связи с подготовкой и проведением январского (1987 г.) пленума ЦК КПСС. Предыдущие полтора года надо трактовать как вхождение в перестройку, «предперестроечный» период, содержание которого раскрывается ниже.

Точно так же драматический финал перестройки наступил не в декабре и даже не в августе 1991 года. Фактически рубежом, за которым трудно говорить о продолжении перестроечных процессов, является избрание Б.Н.Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР и принятие быстро заматеревшим российским парламентом Декларации о суверенитете (первая половина июня 1990 года). После этого в СССР возникает ситуация «двоцентризма», которое затем превращается в «двоевластие». В России, как и везде, двоевластие означает ожесточенную борьбу за власть вплоть до полной победы одной из сторон. Говорить в таких условиях о более или менее нормальном продолжении перестройки не приходится.

Получается, что перестройка в точном значении этого слова продолжалась около трех с половиной лет¹. Этого времени не хватило бы для коренного поворота в жизни любой страны. Три с половиной года — убийственно мало для глубокой трансформации такого сложного и хрупкого организма, которым был Советский Союз. На столь коротком отрезке многократно возрастает цена ошибок и просчетов.

Многое в оценке перестройки зависит от того, какой именно смысл вкладывается в это понятие. Ее инициаторы замыслили перестройку как обновление социализма, придание ему демократического и гуманного характера. В нашем понимании речь идет о советском (российском) поиске путей выхода из тоталитарной системы, называвшей себя «реальным социализмом». Это движение из лабиринтов и тупиков «государственного социализма» означало многое — от воссоздания рыночной экономики до утверждения идейного плюрализма, — но его смысловым центром был переход от партийно-полицейской диктатуры к современным представительным институтам, базирующимся на верховенстве права.

Для понимания характера, хода и результатов перестроечных процессов в СССР огромное значение имеет определение исходной точки движения. Что представлял собой СССР в начале 1985 года, когда в восточной супердержаве появился новый лидер?

Строго говоря, у нас и сегодня нет убедительного ответа на этот вопрос. Еще в начале 80-х годов тогдашний советский руководитель Ю. Андропов прямо заявил, что мы толком не знаем общества, в котором живем. Ни бурные перестроечные годы, ни последующая насыщенная история постсоветских государств не приблизили нас к пониманию природы советской системы.

Если ограничиться характеристикой политического строя позднего СССР, то основные дискуссии сводились к его определению как тоталитарного или авторитарного. При внимательном рассмотрении и то, и другое понимание не слишком убедительны. Вряд ли можно просто провести знак равенства между брежневским и сталинским СССР (и тем более нацистской Германией). Строй вроде бы тот же, но порядки все же разные.

В то же время назвать позднесоветский режим авторитарным язык не поворачивается. Все-таки авторитаризм предполагает такую степень свободы, прежде всего в сфере экономики и частной жизни, которой в Советском Союзе образца 1985 года явно не было.

В поисках выхода из этого противоречия можно, вслед за некоторыми авторами, определить советскую систему как *этатизм*, который за семь десятилетий претерпел сложную эволюцию и внутренние возможности которого не были полностью исчерпаны к началу перестройки.

При таком понимании перестройка — независимо от субъективных желаний и намерений ее творцов — означала смену общественно-политической системы, прощание с этатизмом и движение в сторону либеральной демократии. В считанные годы менялась вся система координат общественного бытия. С точки зрения массовой психологии, сознания, поведения перестройка означала три грандиозных перехода: 1) от жесткого государственного регулирования распределения товаров и услуг, гарантирующего каждому определенный прожиточный минимум, — к товарно-денежным отношениям с быстрым социальным расслоением довольно однородного советского общества; 2) от формального, чисто декоративного участия в политической жизни — к сознательному выбору и реальной возможности повлиять на власть; 3) от навязанного сверху идейного конформизма — к ценностному и идеологическому самоопределению личности. Для «советского человека» перестройка повлекла за собой резкое перемещение из одного социального мира в другой, ранее ему знакомый разве что по журналам и кино, да и то часто в искаженном виде.

Оглядываясь назад, можно сказать, что ключ к пониманию судьбы перестройки — соотношение экономических, политических и идеологических преобразований, их взаимообусловленность и взаимовлияние. Упрощенной и искаженной формой постановки этого «вопроса вопросов»

являются нередко вспыхивающие споры — в какой мере перестройка могла и должна была повторить путь китайских реформ?

Уязвимость подобного подхода очевидна, слишком разные реальности достались реформаторам двух социалистических гигантов. Но суть дела он тем не менее отражает: трагический финал перестройки был во многом предопределен невозможностью, неумением или нежеланием хоть как-то расчленить неподъемную «сверхзадачу» на отдельные программные блоки, попытаться выстроить их очередность, избегать «забегания вперед», не пытаться решить все и сразу.

В ретроспективе *фактическая последовательность* действий горбачевского руководства предстает следующим образом: революция в сознании — политическая реформа — экономические преобразования. В этом была своя логика, поскольку сложившаяся этатистская, административно-командная система представляла целостным, жестко сколоченным образованием, и отторгала попытки частичных реформ. Но перегрузки, создаваемые одновременным развертыванием наступления по всем фронтам, порождали степень риска, выходящую за приемлемые рамки. Добавьте сюда взрыв национальных противоречий в полиэтнической, поликонфессиональной и полицивилизационной среде, быстро формирующуюся консервативную и радикальную оппозицию, готовую на все в борьбе за власть, молниеносный крах защитного покрытия «европейской системы социализма», серьезные внешние силы, ставящие своей целью «ликвидацию советской империи», и, похоже, у горбачевского руководства оставалось немного шансов выжить и довести начатое великое дело до конца.

Даже в относительно однородном советском обществе выход из этатистской Системы мог осуществляться только в форме острой борьбы различных идейно-политических проектов. В ней активно участвовали разные, в том числе и внешние силы. Само собой разумеется, что их шансы на успех определялись наличием соответствующих ресурсов и потенциалов. Здесь первую скрипку играли разнообразные компоненты позднесоветской элиты: партийно-государственная номенклатура, хозяйственные руководители, видные представители интеллигенции, общественные и политические деятели «новой волны», теневики и даже верхушка уголовного мира. Каждый из сегментов советских «верхов» стремился направить бурно развернувшиеся преобразования застоявшегося общества в выгодное для себя русло, все спешили застолбить позиции на будущее, многие проталкивали свой общественный проект. У них был и минимальный общий знамена-

тель: речь шла о конвертации советского статуса во власть и собственность в постсоциалистическом социуме.

Если перестройка как более или менее осмысленное движение к новому строю началась значительно позднее марта-апреля 1985 года, на что ушли первые полтора года пребывания Горбачева у власти? Этот «предперестроечный» период (весна 1985 г. — осень 1986 г.) был отчаянной попыткой вдохнуть новую жизнь в одряхлевшую советскую систему.

Строго говоря, «предперестройка» началась с приходом на пост Генерального секретаря ЦК КПСС не М.Горбачева, а его предшественника и покровителя Ю.Андропова (ноябрь 1982 г.), видевшего в нем своего наследника и продолжателя. Именно тогда «... в правящей элите обозначились намерения существенно модернизировать сложившуюся социально-экономическую систему. Однако расклад сил в «верхах», идеологизированная привязанность к определенной системе ценностей диктовали достаточно жесткие рамки возможных изменений»².

Краткость андроповского правления (фактически около года) не позволяет сколько-нибудь точно определить масштабы задуманных им нововведений. Но нам известны их логика и внутренние пределы. Еще в середине 60-х годов тогдашний секретарь ЦК КПСС в откровенной беседе с одним из своих советников говорил: «... в чем я абсолютно убежден: трогать государство можно только после того, как мы по-настоящему двинем вперед экономику»³. Впрочем, программа политических новаций («трогать государство») Юрия Владимировича была скромна и ограничена: расширение прав Советов, выборность хозяйственных руководителей⁴.

Его собеседник, автор приведенного свидетельства, в то время консультант-«любимчик» Андропова Г.Х. Шахназаров, не разделяет ключевой установки шефа; он полагает, что без политической реформы никакие серьезные преобразования в экономике невозможны, все задушит в зародыше слежавшаяся советская номенклатура: «Правящий слой закостенел, живет неплохо, а на остальное ему наплевать, с какой стати что-то менять»⁵.

В давнем споре двух незаурядных представителей советской элиты, сделавших большую партийную карьеру (как известно в конце 80-х годов

Г. Шахназаров стал помощником М.С.Горбачева, вошел в узкий круг его советников и доверенных лиц — В.К.), как в капле воды отразилась основная коллизия перестроечной стратегии, драматически вышедшая на первый план спустя два десятилетия: можно ли реформировать советское общество поэтапно, более или менее упорядоченно по китайскому образцу или поневоле надо идти широким фронтом, делать все сразу.

Конечно, лобовое противопоставление горбачевских и дэнсяопиновских реформ некорректно. СССР — не Китай, и то, что сработало в Под-

небесной, могло оказаться абсолютно непригодным в «одной шестой». Но проблема остается. Вернее, целый ворох проблем, скрывающихся за этим решающим выбором стратегии реформ.

Собственно, с него начинается перестройка как *форсированное движение к свободе*. В первые полтора года горбачевское руководство только приближается к развилке, в основном выполняя программу своего предшественника. В 1985-1986 гг. логику действий во многом задают андроповские установки и идейно-политическое наследие. Основные ориентиры — стабильность системы и «раскрытие творческого потенциала социализма», что в итоге нашло свое выражение в лозунге «ускорения социально-экономического развития» страны. Таким образом, речь идет даже не об экономической реформе, а о технократической наладке существующего механизма, разболтавшегося в условиях «застойно-прогрессирующего» паралича власти⁶. Прямо скажем — негусто, но как говорится: чем богаты — тем и рады.

Несомненно, было бы намного лучше, если бы андроповскую программу, доставшуюся Горбачеву по наследству, осуществил сам Юрий Владимирович. В этом случае он бы демифологизировал «неиспользованные резервы социализма» и, возможно, оставил бы своему преемнику больше практического опыта реформаторства и меньше иллюзий. Но развернуться ему было не суждено, и на долю горбачевской команды выпали как реанимация «государственного социализма», так и его демонтаж. Явно противоречивое сочетание исторических задач поневоле придавало маршруту перестройки зигзагообразный характер.

На старте горбачевского реформаторства своим масштабом и значимостью выделяется *антиалкогольная кампания* (май 1985 г.). О ней сказано много, и в основном весьма нелестно. Подобная оценка представляется не совсем справедливой, но здесь нет возможности полемизировать на эту тему. Для нас в данном контексте антиалкогольная кампания важна как предвестник суровых испытаний, выпавших на долю горбачевского замысла.

В трактовке этого сюжета самим Михаилом Сергеевичем бросается в глаза большой «зазор» между глубиной и масштабом проблемы и подходами к ее решению⁷. Там, где нужна длительная планомерная осада, разворачивается лихая кавалерийская атака с сомнительными шансами на успех. Чтобы как-то объяснить и обосновать ударные темпы борьбы с «зеленым змием», он пишет: «уж очень велико было наше стремление побороть эту страшную беду»⁸.

Тот же почерк и в другом неудачном эксперименте в области экономики, так называемой госприемке, когда на гражданские предприятия была

распространена система контроля за качеством продукции, существовавшая на военных заводах. Те же объяснения недостаточно продуманных мер: «Хотелось любыми средствами, да побыстрее повысить качество продукции... время нас подгоняло»⁹.

Антиалкогольная кампания — боевое крещение реформаторов — говорит об их обостренном, даже гипертрофированном *чувстве исторического времени*. Удивляться не приходится. После брежневского застоя они судорожно пытаются наверстать упущенное («ускорение»). Постоянно давит ощущение (судя по последующим событиям — несколько преувеличенное), что лимит времени исчерпан, все намеченное надо было сделать еще вчера. Подгоняет желание сделать процесс реформ необратимым, не дать возможности консерваторам все вернуть на круги своя. Заставляет спешить жесткая логика биполярного противостояния с США и капиталистическим миром. И, наконец, вечный грех российской интеллигенции — *нетерпение*, часто заставляющее бежать наперегонки со временем.

Ретроспективно срыв антиалкогольной кампании звучал грозным предупреждением реформаторам, что объяснимое и понятное желание поскорее сдвинуть горы контрпродуктивно. Но услышать его и сделать правильные выводы в лихорадке перестроечных буден было ой как не просто.

Лихо проскочив «андроповский этап», в середине 1986 года реформаторы выходят на развилку дорог в становящееся все более туманным будущее. Настало время практического ответа на вопрос, еще двадцать лет назад сформулированный в том споре покойного генсека с Г. Шахназаровым. Напомним, что речь шла о возможности реформировать плановое хозяйство, не трогая политическую систему.

По свидетельству отечественного исследователя этого периода в середине — второй половине 1986 года в «верхах» сформировались два подхода к дальнейшему реформированию советского общества — «экономико-технологический» и «политический». Если в первом случае экономические реформы предполагалось осуществить при неизблемости политической системы, то второй предполагал быструю и решительную демократизацию общества. Нацеливаясь на политическую реформу, демократы в партийном руководстве достаточно отчетливо представляли масштабы задуманных перемен, на что они замахиваются¹⁰. Несмотря на очевидную рискованность форсированных преобразований политической системы, особенно в условиях нараставших экономических проблем и трудностей, выбор был сделан в пользу второго подхода¹¹.

Одновременно идет интенсивное переосмысление таких ключевых понятий горбачевской реформации, как «перестройка» и «гласность». Генеральный секретарь, ощущая растущее противодействие своему курсу, все сильнее акцентирует революционный характер происходящего. Начатая как простое изменение стиля работы, «перестройка» отныне знаменует собой разрыв с тоталитарным прошлым, глубокую демократизацию общества. Точно так же «гласность», задуманная как один из каналов обратной связи «верхов» и «низов», превращается в важнейший рычаг демократизации, уникальное средство социальной и политической активизации масс.

Мысленно перейдя рубеж 1986 и 1987 годов, разделяющий андроповскую «предперестройку» и собственно горбачевскую «перестройку»¹², оглянемся назад и вновь зададимся «проклятым вопросом»: насколько был оправдан этот бросок вперед, «большой скачок» от экономики к политике, решение развернуть наступление по всему фронту в ухудшающейся социально-экономической ситуации? Не больше ли шансов на успех сулила более приземленная стратегия последовательных экономических реформ в духе «рыночного социализма», давшая хорошие плоды и в бывших европейских странах «народной демократии», и в Китае и Вьетнаме?

Есть много серьезных аргументов в пользу выбора, сделанного горбачевской командой в преддверии 1987 года. Сложившаяся за семь десятилетий (три поколения!) и слежавшаяся система «государственного социализма» отторгала хозяйственные нововведения; у всех на памяти были примеры неудачных начинаний в этой области, в частности косыгинской реформы. Под ударом «возвратной волны» могли оказаться погребенными не только экономические реформы, но и сами реформаторы: пример Хрущева стоял перед глазами¹³. Для формирующейся массовой базы перестройки — обновленческой части партийно-государственной элиты, интеллигенции, молодежи — «экономический уклон» мог показаться чересчур пресным и скучноватым.

К этим весомым соображениям можно добавить еще одно. Оно присутствовало подспудно, но играло очень важную роль. Речь идет о «картине мира», существовавшей в сознании людей, идейно готовивших и вдохновлявших перестройку. В ней в качестве ориентира и образца для подражания доминировал Запад, особенно Соединенные Штаты. Западный опыт общественного развития, в центре которого находится свободный индивид, заслонял и вытеснял все остальное. В частности, вне поля зрения тогдашних «властителей дум» оказался феномен весьма успешной авторитарной модернизации на Востоке: Южная Корея, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Тайвань и т.д. А ведь типологически для советского общества он был не менее значим, чем соблазнительные западные образцы.

И еще. Авторитарная модернизация, с рельсов которой горбачевская перестройка решительно сходит в конце 1986 года, требует своего политического субъекта. Им может быть государственный аппарат, армия, партия. В любом случае речь идет о значительной части национальной элиты, готовой взять на себя риск глубоких социально-экономических преобразований. Был ли такой сегмент в позднесоветской элите? Вспомним скепсис Шахназарова на этот счет, открыто выраженный в разговоре с Андроповым. По-видимому, его разделял сам архитектор перестройки, начинавший прямо апеллировать к массам поверх начальственных голов.

Своего рода практической проверкой реформаторского потенциала позднесоветской номенклатуры можно считать упорные бои, развернувшиеся вокруг первых попыток экономической реформы, датируемых 1987 годом. Оглядываясь назад, сам Горбачев называет превращение планового хозяйства в рыночную экономику «...задачей колоссальной трудности»¹⁴. Разумеется, особенно тяжелыми были первые шаги на этом пути. Стереотипы «социалистического мышления» в сочетании с колоссальными интересами, затронутыми фундаментальными изменениями властных отношений в огосударствленной экономике, были способны похоронить любую реформу на дальних подступах. Особенно яростно сопротивлялись «генеральные штабы» хозяйственной бюрократии — Госплан, Госснаб, Минфин, аппарат правительства, министерства, опиравшиеся на директорский корпус. Их рупором нередко становился премьер Н.Рыжков, в отношениях которого с Горбачевым наметились первые трещины.

В результате упорного перетягивания каната между реформаторским и консервативным лагерями был достигнут разумный компромисс. Принятые решения по меркам того времени были радикальными, даже революционными, настоящим прорывом. Они открывали дорогу для перевода экономики на рыночные рельсы. Но только открывали, не более того.

Как известно экономическая реформа 1987 года дала ограниченные и противоречивые результаты. Причин было много — утрата советским социумом предпринимательской жилки, упорный саботаж принятых решений могущественной хозяйственной бюрократией, непоследовательность реформаторов, в частности в ценовой политике, неизбежные ошибки и просчеты в новом и сложном деле. В итоге было потеряно драгоценное время, упущен наиболее благоприятный момент для начала болезненной адаптации населения к новым условиям хозяйственной жизни; неконтролируемое увеличение денежной массы, прогрессирующий дефицит товаров разрушал потребительский рынок. Впоследствии этот «просчет стратегического характера»¹⁵ самым пагубным образом отразился на судьбе перестройки.

Какие выводы можно сделать из этой грустной истории? Первый и главный: в начале «горбачевского этапа» перестройки объективное соотношение сил в обществе позволяло приступить к глубоким экономическим преобразованиям, не затрагивая политическую сферу.

Второй: концентрация сил на хозяйственном фронте была не только возможна, но и необходима. Оглядываясь назад, один из ближайших соратников Горбачева и архитекторов реформы В. Медведев пишет: «... времени на осуществление радикальной экономической реформы нам было отпущено не 3–4 года, а значительно меньше. Надо было принимать экстраординарные меры, решительно переходить к рыночным отношениям»¹⁶.

Третий: На оселке глубоких экономических преобразований можно было проверить на дееспособность в новых условиях политическую систему советского общества, наметить перспективные пути ее трансформации.

Четвертый: *по возможности* их надо было осуществлять до политической реформы, чтобы не создавать гремучую смесь массового недовольства и организованного протеста, которым легко могла воспользоваться антигорбачевская оппозиция как справа, так и слева.

И пятый, последний: порожденные реформой новые хозяйственные субъекты раньше или позже потребуют политического представительства своих интересов; отныне они — факторы не только экономического, но и политического процесса. И это будут не адепты «социалистического выбора».

Похоже, и сам Горбачев не уверен в правильности избранного тогда маршрута движения. Впоследствии он констатировал: «Экономические преобразования отстали от политических»¹⁷.

Что же перевесило в тогдашнем выборе пути? Очень интересное соображение на этот счет высказал А. Грачев: «Основной причиной надо, видимо, считать, что экономические аспекты начатой реформы всегда оказывались подчинены главным — политическим, и призваны были их обслуживать»¹⁸.

В кашеевом яйце советской Системы экономика была плотно упакована в политику, и все окутано густым идеологическим туманом. Защищаясь, Система диктовала определенную логику действий реформаторам, покусившимся на ее основы. Тем не менее остается вопрос: в какой мере горбачевское руководство было вынуждено принять навязанную «предлагаемыми обстоятельствами» модель поведения?

По времени вторая развилка горбачевской перестройки находится где-то рядом с первой. Это не случайно. Исчерпав возможности «перестройки по андроповски», Горбачев наощупь ищет дорогу в будущее. Он все больше

проникается убеждением, что речь идет не о ремонте, пусть даже капитальном, а смене Системы. Поскольку менять надо все — от крыши до фундамента — планы глубоких преобразований в различных областях зарождаются почти одновременно, сталкиваясь и конкурируя друг с другом.

Политическую реформу, которой, как мы видели, был отдан приоритет по отношению к экономическим преобразованиям, можно было понимать и проводить по-разному. На январском пленуме ЦК 1987 года был избран радикальный вариант, нацеленный на форсированную демократизацию общества. В тени остались — без серьезного обсуждения — другие модели трансформации позднесоветской политики.

Политическая реформа — сердцевина горбачевской реформации, ибо сутью советской системы было партийное государство. Точнее, даже партия-государство, сиами близнецы, намертво сросшиеся за семьдесят послеоктябрьских лет. Задуманная генсеком операция по их разъединению, превращению в нормальные, современные партию (партии) и государство, требовала верного расчета и ювелирной точности в ее проведении. Иначе и то, и другое оказались бы хилыми, анемичными созданиями, неспособными выдержать перестроечные перегрузки. Что и произошло.

Но, может быть, с самого начала вся затея была обречена на провал и шансов на выживание этого специфического продукта сталинской эпохи не было никаких? В свете случившегося велик соблазн дать утвердительный ответ¹⁹, но не будем спешить с окончательным приговором.

В связке партия-государство КПСС действительно была «ведущей и направляющей». Ее способность самореформироваться, найти свое место в постсоветском социуме и по сей день остается предметом жарких дискуссий.

Грубо говоря, в почти 20-миллионной КПСС середины 80-х годов можно выделить три основных компонента: 1) партийный аппарат; 2) пресловутая номенклатура; 3) членская масса. Каждый из них требует особого разговора в перестроечном контексте.

Наиболее просто оценить реформаторский потенциал партийных низов. Конечно, в КПСС было много балласта, принятого по разнарядке для того, чтобы обеспечить нужный социальный состав «партии рабочих и крестьян». В то же время все социально активные элементы советского общества стремились в партию и всеми правдами и неправдами проникали в нее. В этом смысле она действительно была «авангардом», оставлявшим на долю антисистемных сил бесплодную пустыню. Правда, рядовые члены партии, скромные труженики, не имевшие никаких привилегий, не были особенно привязаны к старому порядку вещей.

Многие коммунисты восприняли перестройку как долгожданное обновление. Среди ее «прорабов» и рядовых доминировали люди с партий-

ными билетами. Многомиллионная партийная масса толкала перестройку вперед, а не назад.

Гораздо сложнее определить отношение номенклатуры к начатым Горбачевым революционным преобразованиям. Занимая привилегированное положение в советском социуме, она инстинктивно опасалась перемен. По урезанным нормам «лагеря социализма» она жила совсем неплохо, и ей было что терять. Она знала, что в Системе завелась какая-то гниль, но надеялась, что все как-то само собой рассосется или — на худой конец — на ее век хватит.

Решающее значение для судеб перестройки имела позиция не всего номенклатурного слоя, насчитывающего не один миллион человек, а его верхушки, «начальства». По мере углубления преобразований она становилось все более негативной. Тем не менее остается неясным, насколько предопределенной была ее эволюция в этом направлении.

Эту проблему, наверное, корректнее поставить несколько по-другому: мог ли Горбачев перетянуть на свою сторону решающие группировки советской элиты без чрезмерных уступок и отклонений от намеченной цели? Готовы ли они были, пройдя «андроповскую стадию», двигаться и дальше перестроечным маршрутом? Вряд ли сегодня кто-то может с уверенностью ответить на этот вопрос. Но высказать кое-какие соображения можно.

Сохраняя преемственность, горбачевское поколение руководителей страны сильно отличается от своих брежневско-андроповских предшественников. Оно лучше образованно, менее зашорено, более адекватно представляет окружающий мир. Оно — *второе послесталинское поколение* у руля громадной сверхдержавы, что накладывает глубокий отпечаток на их внутренний мир и общественно-политические воззрения.

Их предшественники, сформированная эпохой Октября хрущевско-брежневская когорта — в глубине души *последние солдаты мировой революции*. В отличие от «детей Октября», у горбачевцев, продуктов десталинизации, гораздо более сильно развито индивидуальное начало. Они не могут болезненно не ощущать фундаментальную двусмысленность своего личного и группового статуса. С одной стороны, они — люди, наделенные огромной властью и распоряжающиеся гигантскими ресурсами, с другой — они всего лишь государственные чиновники высокого ранга, положение которых в обществе полностью определяется занимаемой должностью, местом в иерархии. Без начальственного кресла ты — никто, и детям нечего передать. Внимательно оглядываясь по сторонам, они видят, что за пределами «лагеря социализма» люди их калибра всегда в цене, независимо от их официального статуса.

Забегая вперед, можно сказать, что непреодолимая двусмысленность положения представителей советской элиты предопределила ее в целом достаточно цинично-равнодушное расставание с Системой. Само собой разумеется, что для сочувственного отношения к перестройке она должна была узреть для себя подходящее место в новом порядке вещей. Это было реально, ведь она вобрала в себя почти все динамичные элементы советского социума, в котором не было контрэлиты.

И, действительно, еще в перестроечные годы немало представителей советской элиты весьма успешно конвертировали свое положение в системе власти в право собственности. Руководствуясь своим новым статусом, они быстро обходят перестройку слева, подталкивая ее далеко за пределы «социалистического выбора». Как отмечает отечественный исследователь этого периода, «... в среде партийной, советской, хозяйственной номенклатуры также вызревало течение, заинтересованное в легитимации своего нового положения и, следовательно, в радикализации реформ»²⁰. Не случайно, и в постсоветской России многие выходцы из «старой номенклатуры» сумели сохранить и упрочить свое общественное положение.

Горбачев хорошо знал эту публику. Ее гибкость, дух приспособленчества, царящий в номенклатурной среде. Не строил иллюзий на этот счет, но и не придавал большого значения. Наверное, поэтому лишь отмахивался от настойчивых советов «разобраться» с ней как следует. Ему это занятие было не по душе, да и особой необходимости не видел. Видимо, интуитивно чувствовал, что драться за «светлые идеалы коммунизма» она не станет, а поладит с кем угодно.

И, наконец, партийный аппарат. Большой и весьма влиятельный, в партийном государстве он был стержнем Системы, живым воплощением ее духа²¹. Именно он считал себя Партией, и имел для этого все основания.

Горбачев тоже исповедовал принцип «кадры решают все» и уделял аппарату неослабное внимание. Он быстро приходит к выводу, что здесь корень зла и стремится ограничить самовластие партийных начальников. Генсек старается держать их на коротком поводке, чтобы не повторить печальную судьбу Хрущева.

Игнорируя настойчивые советы части своего ближайшего окружения, Горбачев до самого конца не выпускает из рук бразды правления «авангардом советского народа». Несмотря на все издержки столь тесного общения — и невольного отождествления — с «заклятыми друзьями», в узком кругу доверенных лиц он объясняет, что не видит другого выхода. Мол, прожженные аппаратчики, предоставленные сами себе, могут натворить немало дел²². Затем прибавилось еще одно, очень важное соображение:

опасения, что «федерализация партии» станет прелюдией к разрушению союзного государства²³.

Как показало дальнейшее развитие событий, эти опасения были более чем обоснованы. Горбачевский биограф констатирует: «... пока партийная скрепа существовала, она предохраняла государство от распада»²⁴.

Был еще один, возможно, решающий мотив. В мемуарах Горбачева постоянно сквозит не покидавшая генсека до конца надежда на возможность реформирования КПСС, превращения ее в современную политическую силу, мощный инструмент демократического обновления советского общества²⁵. В то же время, по некоторым оценкам, он не уделял достаточно внимания реформированию партии, обновлению ее руководства, особенно в высшем эшелоне²⁶.

По мере углубления и радикализации перестроечных процессов пути Горбачева и влиятельнейшего слоя партийных начальников расходятся все дальше. Одним из важнейших мотивов задуманной Горбачевым политической реформы было уйти от удушливых объятий «товарищей по партии». В значительной степени это удалось, но дорогой ценой. Хорошо известно, что партийный аппарат стал центром сопротивления реформаторскому руководству страны, а его неформальный лидер Е.Лигачев — символом воинствующего консерватизма. Даже в самом партийном ареопаге — Политбюро и Секретариате — архитектор перестройки в сущности находился в меньшинстве. Летом 1988 года накануне исторической XIX партийной конференции трезво оценивая реальный уровень поддержки своего шефа ближайшими соратниками, многознающий помощник генсека очерчивает «могучую кучку» горбачевцев так: «... 2–3 члена ПБ и паратройка секретарей ЦК»²⁷. В дальнейшем лидер партии все больше становился «чужим среди своих», их отношения доходят до точки кипения.

С этим трудно поспорить. И все-таки, насколько запрограммирован был разрушительный конфликт могущественного аппарата и не менее могущественного генсека? Не было ли у Михаила Сергеевича возможности приручить этого носителя советских традиций? Конечно, история не знает сослагательного наклонения, но размышлять о ее альтернативах всегда полезно.

Начать можно с вопроса о *реальной силе сопротивления* партийного аппарата горбачевской реформации. Пригвожденный к позорному столбу перестроечным штампом «механизм торможения»? он ни разу не решился пойти на открытый разрыв со своим номинальным вождем. И нелегкая XIX партконференция (июнь 1988 г.), и намного более трудный последний, XXVIII-й съезд КПСС (июль 1990 г.) закончились несомненной победой Горбачева над партийными консерваторами, которые были

вынуждены смириться с его лидерством. Августовский путч (1991 г.) был делом рук верхушки госаппарата, а не партийного начальства, которое заняло выжидательную позицию.

Получается, что угроза справа, со стороны коммунистических ортодоксов, была не так велика, как это казалось в перестроечные годы (в итоге смертельный удар нанесла коалиция антикоммунистически настроенных радикалов и националистов). Важное свидетельство на этот счет мы находим у Горбачева. Говоря об упорном противодействии, на которое постоянно наталкивалась реформаторская деятельность, он пишет: «Противилась только *наиболее твердолобая часть* аппарата (подчеркнуто мной. — В.К.)»²⁸.

У постепенно оформившейся внутрипартийной оппозиции были свои органические пороки, не позволявшие перехватить инициативу. Во-первых, не хватало силенок. Даже на XXVIII-ом съезде КПСС, где сопротивление консерваторов достигло апогея, они более или менее твердо могли рассчитывать на голоса только трети делегатов²⁹.

Во-вторых, не было свежих идей. «Реальным социализмом» советские люди были сыты по горло. «Социализм с человеческим лицом» застолбили горбачевские реформаторы. Возвращаться в сталинизм никто не хотел, и меньше всего они сами. Образовалась пустота, обнажавшая неутолимую жажду власти.

В-третьих, по большому счету не было и лидера. Егор Кузьмич, конечно, был дока в аппаратных играх и интригах, но в наступившую эру публичной политики он не мог тягаться ни с Горбачевым, ни с Ельциным. О Полозкове и говорить нечего.

Если к вышеперечисленному добавить сакральность фигуры генсека и ощутимую поддержку реформаторов разбуженным обществом, то поневоле приходишь к выводу, что у консерваторов шансов на успех было не так много, как казалось в то время. Возможно, «правая опасность» была несколько преувеличена (и недооценена опасность слева, со стороны радикальных «демократов»).

С точки зрения выживания реформаторского руководства — а на пятом году перестройки вопрос переходит в такую плоскость — политическая реформа дала столь же неоднозначные результаты, как и преобразования в экономике. Государственная власть — хотя бы номинально — переходит в руки Советов. На вершине новой пирамиды власти воцарился «супердемократический монстр» (Г. Шахназаров), невиданный в мире двухступенчатый парламент. Изгнанной с Олимпа КПСС предложено стать «нормальной парламентской партией».

Несомненно, что на первых порах политическая реформа укрепила позиции перестроечного руководства. У Горбачева как Председателя Пре-

зидиума Верховного Совета СССР (с 1 октября 1988 г.) появилась новая точка опоры и расширилось поле для маневра. Заседания Съезда народных депутатов, мгновенно ставшие наиболее популярным телесериалом, необычайно ускорили политическое просвещение и воспитание масс. На излете коммунистического режима появилось некое подобие современных представительных институтов, было положено начало возрождению российского парламентаризма. По командно-административной системе был нанесен смертельный удар, от которого она не оправилась.

Правда, вскоре обнаружились серьезные изъяны предложенной конструкции. Партия отключается от рычагов управления, лишены стержня органы власти утрачивают эффективность, государственный корабль теряет устойчивость. Запущенные политической реформой процессы быстро выходят из-под контроля перестроечного руководства. Процесс пошел, но часто не в желаемом направлении. Выясняется, что в революционной ситуации активизированные массы — обоюдоострое оружие, которое можно развернуть в разные стороны. Ухудшение социально-экономического положения в стране размывает массовую базу перестроечного курса, льет воду на мельницу националистов, левых и правых радикалов.

Сегодня, наученные горьким опытом случившегося, мы можем мысленно прикинуть и другие варианты осуществления политической реформы. Скажем, вместо малопродуктивных попыток возрождения «власти Советов», служивших лишь ширмой для всевластия партийного аппарата, сразу взять курс на президентскую республику. Выдвинуть генсека кандидатом КПСС в президенты страны на свободных, демократических выборах осенью 1988 года. Гарантированная победа Горбачева на честных, состязательных выборах дала бы ему необходимую легитимность и запас прочности, дефицит которых сделает его уязвимым в отношениях с оппонентами в критические моменты. Создать новую вертикаль исполнительной власти, включая выборных или назначаемых губернаторов.

Не меньшего внимания требовала и «проблема КПСС». Превращение властелина второй сверхдержавы мира в инструмент парламентских баталий было слишком круто даже для выдавшей виды партии. Можно было поискать что-то более вдохновляющее. Например, собрать внеочередной съезд КПСС — «партии президента» — весной 1989 года. Сориентировать «ведущую и направляющую» на превращение в современную доминантную партию, сохраняющую в своих руках рычаги управления государством в рамках демократических институтов (типа японской ЛДП, итальянской ХДП, мексиканской ИРП, индийской ИНК и т.д.).

Чтобы преуспеть в условиях жесткой конкурентной борьбы с другими силами, партия в своем политическом развитии не должна была отста-

вать от общества. Можно было стимулировать развитие внутрипартийной демократии на базе платформ, течений, фракций. Не страшен был и возможный «цивилизованный развод» на социал-демократическую и гораздо более традиционалистскую (коммунистическую) партии. Он мог бы заложить основу двухпартийной системы, что оптимально для президентской республики.

Опираясь на президентство и доминантную партию, реформаторы могли спокойно выходить на выборы в Верховные Советы и другие представительные органы, не боясь смертельно опасного прорыва антисистемных сил.

Схематично изложенный выше план действий, кроме жизненно важного укрепления государственных институтов в переходный период, мог иметь и другие положительные эффекты. В частности, побудить консервативно настроенную часть номенклатуры и аппарата идти в ногу с реформаторским руководством страны. От фрондерства и саботажа их удерживали бы два прочных якоря. Во-первых, сопричастность власти, что перевешивало бы любые идейные соображения. Во-вторых, открывающиеся широкие возможности приватизации государственного имущества, в процессе которой властвующая элита могла обеспечить своим испытанным кадрам режим наибольшего благоприятствования.

Нет никаких гарантий того, что подобная стратегия оказалась бы действенной. Но верно и другое: политическая реформа — решающее сражение перестройки — требовала очень тщательной проработки возможных сценариев. Судя по воспоминаниям участников горбачевских мозговых штурмов, многие из поставленных вопросов обсуждались в то время, но недостаточно основательно. Не было и беспристрастной оценки плюсов и минусов различных вариантов действий³⁰.

В отличие от первых двух, на третью — и последнюю — развилку Горбачев выходит не сам, туда его выносит быстро и высоко вздымающаяся перестроечная волна. Первые симптомы назревающего кризиса национально-государственного устройства СССР он почувствовал еще в середине 1987 года: в атмосфере гласности и демократизации резко активизировалось движение крымских татар, началось брожение в самом слабом звене союзного государства — Прибалтике. А через полгода рванул Карабах.

За карабахским кризисом, сразу вышедшем на первый план общественно-политической жизни страны, стоял тугой клубок проблем многонационального, мультиконфессионального и полицивилизационного Советского Союза. Быстро высвобождая свой чудовищный разрушительный потенциал, национальные конфликты, начиная с 1989 года, ставят под

вопрос само существование федерального по форме и унитарного по сути советского государства.

В отличие от экономической и политической реформ, здесь у Горбачева меньше времени на раздумья и принятие решений, же поле для маневра. Вначале, когда еще не было прямой угрозы целостности Союза, он «... стремился выработать единый демократический подход к межнациональным спорам»³¹.

В этом головоломном предприятии правящая КПСС — не помощница своему генсеку³². В руководстве сильны настроения в пользу «наведения порядка». Партийные органы настороженно, с подозрением относятся к растущим, как грибы после дождя, национальным движениям. Привыкшие к административным методам управления аппаратчики явно уступают вожакам «народных фронтов» в умении работать с массами³³.

В кипящем перестроечном котле Горбачев остается один на один с им же разбухенной национальной стихией. Он чувствует, что проигрывает гонку со временем. Через его мемуары красной нитью проходят темы недооценки воинствующего национализма, хронического запаздывания, вынужденного реагирования на ситуацию³⁴. В сущности, предоставленный ему выбор сводится к альтернативе: использование силы или поиски согласия, налаживание сотрудничества с национальными элитами, сформировавшимися в федеративных республиках-протогосударствах. В перестроечной практике апробировано и то, и другое. Результат известен: центробежные силы разорвали и похоронили многонациональный Союз. Насколько был запрограммирован подобный исход?

От силового варианта решения «национального вопроса» — а по существу сохранения союзного государства — отказались довольно быстро. Типично советским примером применения силы в перестроечные времена стали события в Алма-Ате в декабре 1986 года. После этого *по распоряжению союзного руководства* сила использовалась крайне редко (наиболее показательный эпизод — Баку, январь 1990 г.).

В горниле межнациональных конфликтов Горбачев окончательно эволюционирует от «Октября» к «Февралю», от большевизма к демократической политической культуре. Чем раскаленнее атмосфера в стране, тем больше последний советский лидер проникается философией ненасилия. В этом его убеждает и свой, и мировой опыт. Он отторгает кровавую российскую историю, исповедует примат права, демократические принципы, гуманистические ценности, «новое мышление».

Вплотную подходя к Л.Толстому и М.Ганди, М.Горбачев накидывает на силовиков жесткую узду. Делясь уроками бакинской трагедии, унесшей сотни жизней, он пишет: «*власть не в состоянии обойтись без при-*

менения силы в экстремальных обстоятельствах. Но эта акция должна быть оправдана абсолютной необходимостью и ограничена строго взвешенной мерой. Подлинное же решение проблемы возможно лишь политическими средствами (курсив — В.К.)»³⁵.

Трудно не оценить моральный пафос этой позиции всемогущего повелителя «империи зла». Но, как известно, дьявол кроется в деталях. Надо ли считать «экстремальными обстоятельствами» только погромы и массовую резню? Не было ли в какой-то момент «абсолютной необходимостью» остановить разрушительную деятельность сомкнувшихся сепаратистов и ультрарадикалов, с откровенным цинизмом попиравших Конституцию и законы страны? Что делать с теми, кто глух к любым доводам рассудка и в борьбе за власть готов на все? Какая судьба ждет государство, добровольно отказавшееся от своего конституирующего права на легитимное насилие?

Законность этих вопросов вовсе не перечеркивает горбачевскую правду. Неприятие им насилия диктовалось не только моральными императивами, но и политическими соображениями. Учитывая тяжелую российскую наследственность, любое обращение к силе могло быстро похоронить демократические идеалы перестройки, связанные с ней надежды, мечту о свободе.

Гнать людей силой в перестроечное царство свободы Горбачев отказывался наотрез. А без силовой составляющей дорога туда была заказана. Более того, разгулявшаяся перестроечная стихия грозила разнести вдребезги государство, утратившее способность к самозащите. Оглядываясь назад, сам Горбачев характеризует уготованную ему отечественной историей западню следующим образом: «Единственное, что сделал Горбачев — отказался от насилия как основного средства осуществления государственной политики. Этого оказалось достаточно, чтобы государство развалилось»³⁶.

Казалось бы, законное использование силы вписывается в перестроечную стратегию. Теоретически — да. Как явствует из вышеприведенной постбакинской цитаты, такую возможность допускает и Михаил Сергеевич. Мой университетский товарищ, убежденный либерал с юных лет и твердый сторонник Горбачева, сформулировал «перестроечный оптимум» коротко, по-военному: «сажать и развивать демократию, сажать и развивать демократию».

При всей шутливости этой чеканной формулы в ней заложен глубокий смысл. Эффективная, устойчивая демократия в России может сформироваться только на базе — и одновременно как отрицание! — традиционной культуры, густо замешанной на насилии. Ориентируясь на предельно высокие стандарты демократических принципов, Горбачев сильно оторвался

от родной почвы. И оказался очень уязвимым в условиях перманентного политического кризиса 1990-1991 годов.

Но это только полправды. А другая ее половина целиком на стороне Горбачева. Проблема — и беда — отца перестройки заключалась в том, что в России легитимное использование силы очень быстро и незаметно превращается в беззаконие и насилие. Здесь прорыв к свободе требует обильной дани кровью и жизнями, и если Освободитель не готов платить ее добровольно, то история соберет свое сама.

Такой страшный выкуп — даже за любимое детище — был не по душе ни инициатору перестройки, ни многим его соратникам и сторонникам. Как то ни парадоксально, именно эта позиция сделала Михаила Сергеевича — Горбачевым, по-настоящему исторической фигурой. И именно она априори перечеркнула его героические усилия довести великое дело Перестройки до победного конца. Выйдя на ринг со связанными за спиной руками, оставив надежды на чудо.

Вложив меч в ножны, Горбачев мог уповать только на свое искусство политика. Он надеялся, что под благотворным влиянием экономических и политических реформ «национальный вопрос» постепенно утратит свою остроту. Но полуудавшиеся реформы лишь подливали масла в огонь: экономическая — подталкивала национальные элиты к так называемому республиканскому хозрасчету (в действительности, расчленению единого хозяйственного организма), политическая — разжигала аппетиты оборзевших «национальных фронтов», не считавших более нужным скрывать свои сепаратистские устремления. В критической фазе перестройки во многих местах националисты прорвались к власти, в других — дышали в затылок партийному руководству, заставляя его перехватывать их лозунги и требования.

В таких условиях сохранить Союз в прежнем виде и составе было невозможно. Прибалтика ушла бы при любом раскладе. Ее примеру могли последовать Грузия, Молдова, Азербайджан, часть среднеазиатских республик.

Но ядро Союза — Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан — могло сохраниться. Вполне возможно, что к ним присоединились бы еще несколько республик. В общей сложности на их долю приходилась львиная доля территории, населения, ресурсов, потенциала СССР. В этом случае масштаб потрясений на постсоветском пространстве был бы на порядок меньше.

Не считая возможным сохранение единого государства при помощи силы, Горбачев выбирает второй путь. В ситуации прогрессирующего ослабления Центра и возникновения двоевластия³⁷ начинается переговорный марафон между федеральным президентом и республиканскими ли-

дерами, получивший название новоагаревского процесса. Ради спасения союзного государства Президент СССР соглашается на раздел власти и федеральной собственности с руководителями республик, представляющими интересы национальных элит. Плодом новоагаревского процесса — «предприятия головоломной сложности»³⁸, в котором согласовывались жизненно важные интересы многих сторон, фактически потенциальных государств — стал новый Союзный договор, подписание которого было сорвано открытым столкновением консерваторов и радикалов в Москве в августе 1991 года, открывшем широкий простор для действия центробежных сил.

В оценке подготовленного Союзного договора мнения резко разошлись. Горбачев говорит «... о жизненности принципов, которые закладывались на том этапе в основу обновленной федеративной государственности»³⁹. С этой оценкой солидаризируется его ближайший помощник по «договорной части» Г. Шахназаров⁴⁰.

Но ее разделяли (и разделяют) далеко не все. Судя по всему, с ней были не согласны августовские заговорщики, да и некоторые другие влиятельные политические фигуры. Один из ведущих современных исследователей перестройки полагает, что фактически договор «...означал прекращение существования СССР как единого государства»⁴¹.

При всей виртуальности этого заочного спора думается, что горбачевско-шахназаровские оценки более корректны. Ведь они говорят о *тенденции*, не предрекая возможного исхода, а их оппоненты подают реальную возможность разрушения союзного государства после подписания Договора как *свершившийся факт*. А фактом является другое: *в запланированной конструкции* обновленный Союз был бы более плотно сколоченным образованием, чем Евросоюз сегодня.

В действительности, Союзный договор зафиксировал определенное соотношение сил Центра и засамевших республиканских элит в критический и крайне неустойчивый момент отечественной политической истории. От Договора можно было двигаться в противоположных направлениях: укрепление или окончательное крушение союзного государства. Произошло то, что произошло, и это бросает мрачный отсвет на сложнейшую и малоисследованную историю перестройки.

Мы затронули лишь небольшой пласт перестроечной проблематики. Многие ее важнейшие аспекты и характеристики даже не обозначены. Ведь одновременно ставились и решались поистине судьбоносные для страны и мира вопросы внешней политики. Подготовка и осуществление диплома-

тических прорывов требовали много времени и больших усилий, которые были вознаграждены завершением «холодной войны» на вполне приемлемых для СССР условиях.

Или, скажем, роль идеологии в политике перестроечного руководства. Известно, что горбачевской путеводной звездой был и остается демократический, гуманный социализм. Предположим, что ему улыбнулась фортуна, и он вышел победителем в тяжелейших баталиях, выпавших на его долю. Где бы мы оказались? В «социализме с человеческим лицом», о котором много говорили, но который никто не видел? Или это был бы какой-то вариант «социал-демократического капитализма», сохраняющий важнейшие социальные завоевания предшествующего периода? Вопросы, вопросы, вопросы... Перестройка оставила их гораздо больше, чем ответов.

¹ См., напр.: Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю. М., 2002, с. 43, 81, 172.

² Там же, с. 49.

³ Шахназаров Г. Цена свободы. М., 1993, с. 28. См. также с. 29-30.

⁴ Там же, с. 28.

⁵ Там же, с. 29.

⁶ См. подробнее: Барсенков А.С. Указ. соч., с. 58-63.

⁷ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Книга 1. М., 1995, с. 338-342.

⁸ Там же, с. 342.

⁹ Там же, с. 343.

¹⁰ Медведев В. В команде Горбачева. М., 1994, с. 44-45; Шахназаров Г. С вождами и без них. М., 2001, с. 325.

¹¹ Барсенков А.С. Указ. соч., с. 74-78.

¹² Сам Горбачев оценивает рубеж 1986-1987 гг. как «первый серьезный кризис перестройки» (Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1, с. 311).

¹³ А. Грачев прямо говорит о бегстве «... от постоянно преследовавшего призрака хрущевского «увольнения» на очередном Пленуме ЦК». Грачев А. Горбачев. М., 2001, с. 236.

¹⁴ Горбачев М.С. Размышления о прошлом и будущем. М., 1998, с. 69.

¹⁵ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Книга 1, с. 363.

¹⁶ Медведев В. Указ. соч., с. 54.

¹⁷ Цит. По Грачев А. Указ. соч., с. 247.

¹⁸ Там же. См. также с. 218.

¹⁹ Такова точка зрения двух «политических» помощников последнего генсека, А.Черняева и Г.Шахназарова. См.: Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993, с. 241-242; Шахназаров Г. С вождами и без них, с. 421, 430, 431.

²⁰ Барсенков А.С. Указ. соч., с. 121. См. также с. 122.

²¹ Только в аппарате ЦК КПСС работало почти 3000 сотрудников. А племя партийных аппаратчиков было в сотни раз многочисленнее. Осенью 1988 года, когда прошло первое крупное сокращение аппарата, речь шла об увольнении 800-900 тыс. человек. (Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993, с.233, 235).

²² См. Черняев А.С. Указ. соч., с. 242, 356; Шахназаров Г. С вождами и без них, с. 425, 428. См. также: Горбачев М. Жизнь и реформы. Книга 2, с. 540.

²³ Горбачев М. Жизнь и реформы. Кн.2, с. 538.

²⁴ Грачев А. Указ. соч., с. 254.

²⁵ Горбачев М. Жизнь и реформы. Кн. 2, с. 524, 542, 548.

²⁶ См.: Шахназаров Г. С вожжами и без них, с. 410. Есть и другая точка зрения, полагающая, «что дело не в людях, а в их функциях». Правда, высказавший ее А. Грачев также утверждает, что «...Горбачев, по существу, не сделал ничего для того, чтобы «вторая», перестроечная партия (т.е. рядовые коммунисты, поддержавшие перестройку. — В.К.) организационно оформилась». Грачев А. Указ. соч., с.228, 229.

²⁷ См.: Черняев А.С. Указ. соч., с.217. См. также: Горбачев. Жизнь и реформы. Кн.1, с. 387.

²⁸ Горбачев М. Жизнь и реформы. Книга 1, с. 347.

²⁹ Шахназаров Г. С вожжами и без них, с. 429.

³⁰ См.: Медведев В. Указ. соч., с. 74-75; Шахназаров Г. С вожжами и без них, с. 326-330; Черняев А.С. Указ. соч., с. 238.

³¹ Горбачев М. Жизнь и реформы. Кн. 1, с. 509.

³² Оглядываясь назад, А. Черняев грустно констатирует: «Не только Лигачев не мог быть «помощником» в решении «национального вопроса». Но и весь тогдашний аппарат управления. В этом-то и трагедия». — Черняев А.С.

Указ. соч., с. 250.

³³ Вспоминая о реакции партийных вожakov в связи с кровавыми событиями в Тбилиси, Горбачев пишет в своих мемуарах: «... политические методы наши кадры считают проявлением слабости. Главный аргумент у них — сила». — Горбачев М. Жизнь и реформы. Кн.1, с. 515.

³⁴ См. Горбачев М. Жизнь и реформы. Кн. 1, с. 496, 501, 514, 517, 518; Кн. 2, с. 499.

³⁵ Горбачев М. Жизнь и реформы. Кн. 1, с. 520.

³⁶ Цит. по: Грачев А. Указ. соч., с. 301.

³⁷ И В. Медведев, и Г. Шахназаров датируют возникновение двоевластия в стране мартом-апрелем 1991-го, после острейшего политического кризиса в начале того года. См.: Медведев В. Указ. соч., с. 181; Шахназаров Г. С вожжами и без них, с. 402.

³⁸ Шахназаров Г. С вожжами и без них, с. 411. Г. Шахназаров, один из «отцов» будущего договора? впоследствии вспоминал: «Вокруг этого документа кипели страсти и ломались копья». — Там же, с. 401.

³⁹ Горбачев М. Жизнь и реформы. Кн.2, с. 550.

⁴⁰ Шахназаров Г. С вожжами и без них., с. 417.

⁴¹ Барсенков А.С. Указ. соч., с. 207.

Перестройка и международная социал-демократия

Александр Вебер

Случилось так, что первой зарубежной делегацией, принятой М.С.Горбачевым в качестве только что избранного нового Генерального секретаря ЦК КПСС, был Консультативный совет Социнтерна по разоружению. Это произошло 22 марта 1985 года. Делегацию возглавлял Калеви Сорса — лидер финской социал-демократии, председатель Совета и вице-президент Социалистического интернационала; в ее состав входили генеральный секретарь Социнтерна Пентти Вяяннен и члены Совета от социалистических и социал-демократических партий Австрии, Великобритании (лейбористы), Испании, Канады, Финляндии, Франции, ФРГ, Швейцарии, Японии.

Интерес к прямым контактам с советским руководством социал-демократы стали проявлять задолго до начала перестройки. Это относится и к Социал-демократической партии Германии (СДПГ). Ее председатель Вилли Брандт еще в начале 60-х годов, вразрез с преобладавшей тогда в консервативных кругах Запада *конфронтационной* линией, связал перспективу преодоления раскола Европы с политикой мирного сосуществования и разрядки. В этом, кстати, он нашел тогда полное понимание у президента США Джона Кеннеди. Отклоняя «гипертрофированную теорию тоталитаризма», Брандт пришел в те годы к выводу, что «коммунистический режим не столь уж статичен»¹.

Вебер Александр Борисович — сотрудник Горбачев-Фонда, главный научный сотрудник Института социологии РАН, доктор исторических наук; в 1980-е гг. — консультант Международного отдела ЦК КПСС, в 1990-1991 гг. — консультант помощника Президента СССР.

Естественно, на первом месте для руководства СДПГ стоял германский вопрос. У Брандта, в противоположность линии официального Бонна, сложилось понимание того, что необходимо признать факт существования ГДР как независимого государства, а также границу по Одере-Нейсе. Непреложной истиной, с его точки зрения, стало и то, что решение германского вопроса возможно только в согласии с Советским Союзом, а не вопреки ему². Развитие событий в странах восточного блока давало социал-демократическим лидерам основания рассчитывать на постепенную внутреннюю трансформацию коммунистических режимов. И на то, что политика разрядки и установление новых отношений между Востоком и Западом будут этому способствовать.

В конце 60-х немецкие социал-демократы получили возможность перевести эти представления в плоскость практической политики, когда в сентябре 1969 года Брандт стал федеральным канцлером, возглавив правительство социал-либеральной коалиции. Восточная политика Брандта, как ее стали называть, ознаменовалась вскоре, несмотря на сопротивление правой оппозиции в лице ХДС/ХСС, признанием ГДР и границы по Одере-Нейсе, что было зафиксировано Московским договором 1970 года и соответствующими договорами ФРГ с Польшей, ГДР и Чехословакией, а также соглашением четырех великих держав по Западному Берлину. Тем самым было положено начало разрядке 70-х годов.

В то же время руководство СДПГ подтвердило установку на принципиальное размежевание с коммунизмом и отказ от какого-либо единства действий с коммунистами. Помимо причин мировоззренческого порядка тут было и другое — стремление парировать нападки правой оппозиции на восточную политику социал-демократов. Как писал видный идеолог СДПГ Рихард Левенталь, социал-демократы, в отличие от правых, не возводили борьбу с коммунистической идеей в ранг главной задачи и поэтому отводили обвинение в «антикоммунизме» со стороны левого крыла в партии. Свидетельство того, что коммунизм не является неизменным, усматривали в появлении «реформистского коммунизма» югославского, чешского, итальянского образцов³.

В скором времени практические потребности развития политики разрядки побудили западноевропейскую социал-демократию изменить позицию в вопросе о контактах с правящими компартиями. Запрет «на любые формы сотрудничества с коммунистическими партиями», установленный Социнтерном еще в 1956 году, после подавления восстания в Будапеште советскими войсками, и подтвержденный в 1969 году на XI конгрессе в Истборне, фактически перестал действовать. Социнтерну пришлось признать (в 1972 году), что его партии «свободны принимать решения об их двусторонних отношениях с другими партиями»...

Стали устанавливаться (что было довольно необычным в то время, когда еще продолжалась «холодная война») прямые межпартийные связи. Делегации ряда социал-демократических партий посетили Советский Союз: Бельгийской социалистической партии (1972), Лейбористской партии Великобритании (1973), Социалистической партии Японии, Социал-демократической партии Финляндии (1974), Социалистической партии Франции во главе с Франсуа Миттераном (1975), в том же году В.Брандт посетил Москву в качестве председателя СДПГ. Делегации КПСС стали выезжать с ответными визитами в страны Запада. Подписание Москвой хельсинкского Заключительного акта (1976), согласно которому Советский Союз принял на себя определенные обязательства в гуманитарной области (чему социал-демократы придавали большое значение), стало важным дополнительным фактором, способствовавшим развитию контактов и диалога между социал-демократами и КПСС.

Что побуждало к этому лидеров социал-демократии? Прежде всего, желание проверить серьезность намерений советского руководства в вопросах разрядки, убедить его в перспективности улучшения отношений между Востоком и Западом. И, конечно, выступить перед общественностью своих стран в качестве глашатаев такой политики. Вместе с тем здесь были и другие мотивы, а именно — стремление облегчить, легитимировать контакты и связи с реформаторскими силами в странах Восточной Европы, в том числе в кругах правящих партий.

Эти мотивы усилились и приобрели особое значение в свете событий 1968 года в Чехословакии. С «пражской весной» западноевропейские социал-демократы связывали большие надежды; чешским реформаторам, а также чешским социал-демократам «в изгнании» оказывалась помощь, особенно со стороны австрийских социалистов, но не только. После подавления «пражской весны» в социал-демократических кругах Запада укрепилось мнение, что попытки добиться желаемой трансформации в странах Восточной Европы в обход Москвы контрпродуктивны, чреваты тяжелыми последствиями для населения этих стран. Установление связей непосредственно с КПСС открывало возможность для «наведения мостов» с определенными политическими силами стран Восточной Европы.

Существенно важно и то, что в это время сдвиги в мировой политике потребовали модернизации политического курса самой социал-демократии, которая в 70-е годы переживала затяжной кризис, в том числе — из-за разногласий между различными партиями и течениями в вопросе об отношениях с коммунистами. Хотя главной причиной трудностей и ослабления позиций социал-демократии стали процессы глобализации, наступление неолиберализма, что вынуждало социал-демократов, особенно правящие

партии, приспособливаться к своим либеральным противникам. Получили распространение различные «сценарии заката» социал-демократии.

Ответом на это были поиски социал-демократией «новой идентичности», новых ответов на вызовы времени. В 1976 году на XIII конгрессе Социнтерна в Женеве произошло обновление его руководства — президентом был избран Брандт, в руководящую команду вошли также Бруно Крайский, Улоф Пальме, Франсуа Миттеран и др. Брандт призвал к «новому старту» по трем направлениям — политика мира, Север-Юг и права человека. Одной из главных задач было признано расширение сферы влияния Социнтерна, преодоление узких рамок «евроцентризма».

Брежневское руководство КПСС, проявляя заинтересованность в развитии связей с наиболее влиятельными партиями Социнтерна, особенно правящими, также исходило из вполне прагматических соображений. Ему важно было обеспечить более широкую международную поддержку советских внешнеполитических инициатив, а заодно продемонстрировать стране, что эта поддержка не ограничивается рамками «коммунистического движения». При этом, призывая социал-демократию к сотрудничеству «в борьбе за мир, против угрозы ядерной войны», оно неизменно подчеркивало, что в идеологической сфере никакого сближения быть не может.

Такой подход устраивал и социал-демократических лидеров. Эгон Бар, ближайший друг и соратник Брандта, предложил триединую формулу отношений социал-демократов с коммунистами, которая учитывала новые реальности, а именно: с точки зрения интересов мира восточно-европейские «коммунистические правительства» — это *партнеры*; с точки зрения интересов демократии коммунисты в западных странах (если они не представляют массовых, влиятельных партий, как во Франции и Италии) — это противники; с точки зрения интересов свободы, справедливости и солидарности они везде конкуренты. Позиция компартий была как бы зеркальным отражением этой формулы.

Одним из непосредственных результатов «нового старта» стало решение Социнтерна провести конференцию по вопросам разоружения, пригласив на нее представителей США и Советского Союза. Инициатива исходила от Брандта и Сорсы. Парадоксальным образом у Социнтерна в конце 70-х, когда международная обстановка вновь обострилась и Европа оказалась втянутой в новый виток гонки вооружений, еще не было собственной программы действий в этой области. Социал-демократы были крайне встревожены перспективой размещения в Западной Германии американских ракет средней дальности (в ответ на аналогичные советские ракеты), появлением ядерного оружия поля боя, планами создания нейтронного оружия и т.п. Все это происходило в условиях, когда в США была

разработана новая военная доктрина, допускавшая возможность «ограниченной ядерной войны» на европейском плацдарме.

Насколько серьезно воспринималась в тот период, на рубеже 70-х-80-х гг., угроза ядерной войны, свидетельствует следующий факт. Осенью 1980 года в Мадриде состоялся XV конгресс Социнтерна, на котором мне довелось присутствовать в качестве специального корреспондента журнала «Новое время». Генеральный секретарь Социнтерна Бернт Карлссон, с которым мы познакомились ранее (он погиб в 1988 году в авиакатастрофе над Локкерби), предложил встретиться «с глазу на глаз» и поведал следующее: один из «очень известных» деятелей Социнтерна (Карлссон не называл фамилии, но можно было понять, что речь шла о Брандте) предложил «в своем кругу» обсудить не настало ли время закодировать основные знания человечества и разместить эту информацию в безопасном месте, на Луне!

Конференция Социнтерна по разоружению состоялась в Хельсинки в мае 1978 года. Присутствие на ней советской делегации во главе с секретарем ЦК КПСС Б.Пономаревым было воспринято некоторыми участниками с определенной настороженностью. Но первый шаг был сделан. В выступлении Пономарева была высказана, в частности, идея создания какого-то механизма постоянных совместных действий по вопросам разоружения. Предложение не осталось незамеченным. Поскольку непосредственно Социинтерн, в силу разнородности своего состава, не мог выступать в качестве партнера по переговорам, было решено создать рабочую группу по вопросам разоружения. Ей поручено было осуществлять необходимые контакты, в том числе с советской стороной. Возглавил группу Сорса — «большой знаток московской политической сцены», как потом написал о нем Брандт⁴. Позднее этот орган был преобразован в Консультативный совет Социнтерна по разоружению и контролю над вооружениями.

К весне 1985 года примерно 20 социалистических и социал-демократических партий установили связи с КПСС; эти связи поддерживались в форме обмена делегациями, письмами, информацией. Консультативный совет предпринял серию «челночных» поездок в Москву и Вашингтон для обсуждения с официальными лицами, дипломатами, военными экспертами идей и предложений, которые помогли бы сдвинуть с места застопорившийся в этот период советско-американский переговорный процесс. Позиция международной социал-демократии в пользу возвращения к разрядке послужила тогда определенным противовесом конфронтационному курсу администрации Рейгана с его программой «звездных войн» и угрожающей риторикой в адрес «империи зла»⁵. У М.С.Горбачева были все основания высоко оценить деятельность Консультативного совета при встрече с ним в марте 1985 года.

Приход к руководству в Советском Союзе М.С.Горбачева и инициированный им поворот в советской внутренней и внешней политике были встречены в социал-демократических кругах с особым интересом. Лидеры социал-демократии были лучше подготовлены к тому, чтобы по достоинству оценить значение этого поворота, чем их оппоненты из правого, консервативного лагеря. Взаимный интерес к развитию отношений получил новые импульсы.

Со стороны социал-демократов это проявилось в первые же месяцы: в мае 1985 года на 40-летие дня Победы в Москву приехали, в числе многих других, делегации бельгийских, итальянских, французских и греческих социалистов, британских лейбористов, социал-демократических партий Финляндии и Швеции. Это было продиктовано, очевидно, не только стремлением воздать должное вкладу народов Советского Союза в общую победу над фашизмом, но и желанием «прощупать» обстановку после смены руководства. Лидер британских лейбористов Нейл Киннок тогда же прислал Горбачеву (с которым ранее, в декабре 1984 года, он встречался в Лондоне) письмо, в котором выражалась надежда на возрождение духа сотрудничества, приведшего к великой победе в 1945 году⁶.

В конце мая в Москву по приглашению Горбачева приехал Вилли Брандт, состоялась их первая встреча (кстати, незадолго до этого Рейган отказался принять Брандта, находившегося с визитом в США). Разговор особенно запомнился Брандту той откровенностью, с которой Горбачев отвечал на так называемые «гуманитарные» вопросы. Вспоминая об этой встрече, Брандт позднее писал: «В лице Горбачева я еще во время нашей первой встречи в 1985 году нашел необычайно компетентного, разбирающегося в проблемах, целеустремленного и в то же время гибкого собеседника. Вечный спор о роли личности в истории получил новую и притом особенно яркую окраску. Посвященные не сомневались в том, что в его манере аргументации отразилось многое из того, что в течение многих лет он и его жена неоднократно мысленно проигрывали. Однако даже знатоки советской действительности не подозревали, насколько глубокие изменения произойдут во внутренней и внешней политике»⁷.

Горбачев, со своей стороны, вынес из этой встречи уверенность в том, что существует реальная возможность для политического взаимодействия с международной социал-демократией⁸. Собеседники договорились поддерживать постоянный контакт через доверенных лиц, и этот канал связи в дальнейшем эффективно работал, что принесло свои результаты.

Первый свой зарубежный визит в качестве генсека М.С.Горбачев нанес социалисту — президенту Франции Миттерану; это обстоятельство было отмечено западной общественностью, хотя визит и носил государственный

характер. Журналисты, бравшие у Горбачева интервью для французского телевидения накануне визита, спросили: похоже, что Вы поддерживаете отличные отношения со всеми социал-демократическими правительствами Европы? Ответ Горбачева: «Мы последние годы активно сотрудничаем с социал-демократическими партиями. [...] Мы думаем, наши идеологические разногласия не помеха для того, чтобы сотрудничать при решении таких животрепещущих вопросов, как вопросы войны и мира»⁹.

В середине октября 1985 года в Вене проходила вторая конференция Социинтерна по разоружению. Оставалось всего пять недель до советско-американской встречи на высшем уровне в Женеве; таким образом, это был подходящий случай, чтобы продемонстрировать обеспокоенность мировой общественности и призвать руководителей двух сверхдержав достичь позитивных договоренностей. На конференцию были приглашены официальные представители США, Советского Союза, ООН, а также Китая, Индии и некоторых других стран. Многие ораторы говорили о мирных предложениях нового советского руководства, о том, что они заслуживают серьезного отношения и обсуждения.

Поэтому немалое разочарование вызвало выступление представителя правительства США — директора Агентства по контролю над вооружениями и разоружению Кеннета Эделмана. Он приехал только на второй день конференции, причем утром второго дня, когда Эделману было предоставлено слово, его не оказалось в зале. Скорее всего, это была уловка: дать возможность первому выйти на трибуну советскому представителю (Б.Пономареву), чтобы затем обрушиться с обвинениями в адрес всей прежней советской политики и тем самым попытаться оправдать программу СОИ как «оборонительную». Это было в общем негативно воспринято на конференции; Эделмана забросали вопросами, однако его ответы не рассеяли сомнений и тревог, прозвучавших в вопросах. Предложения, содержащиеся в адресованном Рейгану и Горбачеву «Венском обращении», были в общем созвучны новой советской внешней политике, которая спустя некоторое время получила более конкретные очертания в докладе Горбачева XXVII съезду партии, в решениях съезда, а до этого — в программе ликвидации ядерного оружия, представленной в Заявлении от 15 января 1986 года.

В дни работы съезда пришло сообщение о гибели Улофа Пальме, павшего от рук убийцы. Съезд почтил память лидера шведских социал-демократов минутой молчания. Позднее Горбачев, выступая в июне 1993 года в Стокгольме с лекцией памяти Пальме, вспоминал: «Нетрудно представить себе деликатность ситуации: 5000 делегатов, съезд коммунистической партии, тогда еще идейной противницы социал-демократии, перестройка

еще не столь далеко пошла, чтобы умы освободились от предубеждений и заскорузлых догм, насаждавшихся десятилетиями. Но у нас, в руководстве КПСС, сомнений не возникло: съезд должен почтить память этого выдающегося человека. Открывая заседание, председательствующий и предложил это сделать. Все делегаты поднялись со своих мест». В эту минуту молчания, по словам Горбачева, в души многих кое-что запало для нашего дальнейшего духовного высвобождения, приближая к пониманию значимости общечеловеческих ценностей.

По оценке Вянянэна, многие положения доклада Горбачева (на съезде) по вопросам международных отношений были близки к принципиальным установкам Социнтерна; съезд дал пищу для размышлений, «новая философия» Горбачева заслуживает самого пристального внимания социал-демократов. Группа депутатов немецкого бундестага от СДПГ подготовила анализ материалов XXVII съезда, сделав вывод о том, что изменения в Советском Союзе будут иметь большое значение для разработки социал-демократами концепции второй фазы восточной политики. Цель виделась им в том, чтобы содействовать созданию «сети сбалансированной политической и экономической зависимости между обеими политическими системами Европы»; при этом расчет был и на использование новой фазы восточной политики для поощрения реформаторских течений в компартиях и демонстрации солидарности с «демократической оппозицией».

К этому времени уже обычным делом стало развитие контактов между социал-демократией и правящими партиями стран Восточной Европы. В союдружестве координацию «работы с социал-демократией», как это называлось на партийном жаргоне, осуществляла по общей договоренности Венгерская социалистическая рабочая партия (ВСРП), которая, возможно, раньше других стала открываться для восприятия социал-демократических идей и взаимодействия с социал-демократией. Роль координатора ВСРП выполняла в позитивном ключе, способствуя выработке общих концептуальных подходов к отношениям с социал-демократией в духе взаимопонимания, доверия, отказа от догматической предвзятости.

Со стороны социал-демократии наибольшую активность проявляла СДПГ, обладавшая для этого соответствующими материальными и организационными ресурсами. Получила распространение практика создания совместных рабочих групп для обсуждения тех или иных конкретных проблем и выработки общих позиций. Так, с КПСС представители СДПГ обсуждали возможность сокращения военных расходов и использования части высвободившихся средств для оказания помощи развивающимся странам; с ПОРП — политику безопасности и меры доверия в Европе; с КПЧ — вопросы охраны окружающей среды; с ВСРП — проблемы коопера-

ции в области экономики; с СЕПГ — проблемы создания в Центральной Европе зон, свободных от химического оружия, от ядерного оружия поля боя, безъядерного коридора. Комиссия СДПГ по основным ценностям и Академия общественных наук при ЦК СЕПГ совместно выработали документ «Спор идеологий и совместная безопасность», который был представлен общественности в Бонне и в Восточном Берлине в августе 1987 года.

По словам Эрхарда Эпплера, в то время — председателя Комиссии по основным ценностям СДПГ, этот документ воспринял и переработал импульсы, исходившие от Горбачева, от его доклада на XXVII съезде КПСС и его положительного отношения к докладу комиссии Пальме¹⁰. В документе была предпринята попытка определить, что должно измениться в отношениях двух общественных систем и идеологий, чтобы стала возможной совместная безопасность. Ответ получился такой: обе стороны должны признать друг за другом способность к миру (не считать друг друга агрессивными по природе), право на существование, способность к эволюции и к реформам. При этом авторы документа исходили из презумпции «непреодолимых противоречий» между идеологиями двух систем, но утверждали, что идеологическую борьбу можно и нужно вести в таких формах, которые бы не подрывали и не отравляли международные отношения, т.е. придерживаясь определенной культуры идеологического спора.

Позднее Брандт отмечал, что попытка западных социал-демократов и восточных коммунистов вести спор по «несовместимым позициям» оказалась, с его точки зрения, не очень результативной. Это понимало, конечно, и руководство СЕПГ, которое, как и немецкие социал-демократы, не собиралось «поступаться принципами», но стремилось в тот период наладить «особые отношения» между ГДР и ФРГ. В самой ГДР, как отмечают авторы «Краткой истории СДПГ», оппозиционеры не раз апеллировали к упомянутому документу для подтверждения правомерности своих действий¹¹.

В 80-е годы социал-демократия в поисках выхода из трудностей все больше обращалась к новым проблемам и вызовам, порожденным технологической цивилизацией и процессами глобализации. В этом же направлении эволюционировало и горбачевское «новое мышление». Неудивительно, что оно приобретало определенную социал-демократическую окраску. Книга Горбачева «Перестройка и новое мышление для нас и для всего мира» вызвала огромный международный резонанс. О готовности реформаторского руководства КПСС пересматривать многие прежние оценки, основанные на идеологических догмах, и делать соответствующие выводы для политического действия свидетельствовал также доклад, с которым Горбачев выступил по случаю 70-летия Октябрьской революции. В этих условиях стало возможным такое неординарное событие, как участие

большой группы представителей партий социал-демократической ориентации в юбилейных мероприятиях в Москве.

На торжественном заседании в Кремле от имени Социнтерна выступил К.Сорса. К годовщине Октября была приурочена международная встреча представителей партий и движений, прибывших на это празднование. Наряду с руководителями компартий (не только правящими) в ней приняли участие многие деятели социал-демократии. Впервые после провала «конференции трех интернационалов» в 1922 году те и другие сидели за одним столом. Это само по себе было событием. Содержание и стилистика выступлений представителей партий Социнтерна во многом определялись соображениями политкорректности, но энтузиазм в отношении перестройки был искренним — тем более, что она воспринималась как подтверждение правоты социал-демократического выбора. У социал-демократов вряд ли были какие-то иллюзии в отношении перспектив международного коммунистического движения, которое все больше клонилось к упадку. Характерно, что представители некоторых компартий были гораздо сдержаннее в своих оценках.

Когда 5 апреля 1988 года Брандт снова встретился с Горбачевым в Москве, у него были еще более веские, чем прежде, основания считать, что общественная система в Советском Союзе, в отличие от правых диктатур, неизменна. К этому времени процессы демократизации приобрели собственную внутреннюю динамику и уже не могло быть сомнений в том, что в советской политике — как внутренней, так и внешней — происходят качественные изменения.

Брандта интересовали, естественно, перспективы перестройки, как она мыслится советским руководством? На него произвела огромное впечатление откровенная оценка собеседником нарастающих в условиях углубления перестройки трудностей — когда административно-командная система перестала действовать, а новые экономические и политические механизмы еще не сформировались. Горбачев, по словам Брандта, не скрывал, что в рядах бюрократии растут недовольство и несогласие. «Мне, — вспоминал Брандт, — было неясно, удастся ли преодолеть это сопротивление, а если да, то каким образом. Но я ни секунды не сомневался в том, что мы должны желать всяческого успеха реформам и реформатору»¹².

Особое внимание Брандта привлек интерес Горбачева и его сотрудников к глобальным задачам, стоящим выше обычных идеологических споров, — таким, как снижение уровня конфронтации, разумное сокращение военных расходов, предоставление ресурсов для развития стран «третьего мира» и для защиты окружающей среды. В своих речах и публикациях,

отмечал Брандт, «новый советский руководитель явно опирался на идеи, развитые Пальме и мной совместно с нашими комиссиями или еще раньше с нашими друзьями из всех стран мира»¹³. В подтверждение он цитирует слова самого Горбачева, сказанные в той беседе: «Мы переняли многое из того, что было создано социал-демократами и Социалистическим интернационалом, в том числе и из того, что разработали комиссии Брандта и Пальме»¹⁴. Эта встреча знаменательна тем, что разговор двух лидеров вышел на обсуждение идеологических проблем — на дискуссию о новом видении социалистической идеи и новых возможностей для развития отношений между КПСС и СДПГ, коммунистами и социал-демократами¹⁵.

Очередной шаг в этом направлении был сделан вскоре же: КПСС впервые получила приглашение прислать своих представителей на очередную сессию Совета Социнтерна в Мадриде (11-12 мая 1988 года). ЦК КПСС направил туда сотрудников Международного отдела — Александра Зотова и автора этих строк (тогда — консультантов отдела). Как сказал нам Вянянен, для Социнтерна принятие такого решения было «нелегким делом», учитывая неоднозначное отношение разных партий к контактам с коммунистами, но «протестов не поступило». Центральной на сессии была тема «европейского ответа» на меняющиеся отношения Восток-Запад, особенно ввиду перемен в Советском Союзе, сдвигов в советско-американских отношениях, трудностей в переговорном процессе в связи с начавшейся в США президентской предвыборной кампанией.

Участники дискуссии (представители 70 партий и организаций, включая гостей и наблюдателей) сконцентрировали внимание на процессах в Советском Союзе, с которыми, как можно было убедиться, они связывали надежды на новую роль Европы и европейской социал-демократии в международных делах. Некоторые, включая Вилли Брандта, Фелиппе Гонсалеса, Оскара Лафонтена, Нейла Киннока, посвятили значительную часть своих выступлений анализу «феномена Горбачева», процессов перестройки в Советском Союзе, ее перспектив и влияния на мировую и европейскую политику. Один из участников нам сказал: «вот видите, ваш Горбачев оказался главной фигурой в дискуссии».

Во вступительной речи Гонсалеса прозвучал такой пассаж: Горбачев «отключил автопилот», который вел Советский Союз десятилетиями, и дал новое направление советской политике. Гонсалес призвал к трезвой, объективной оценке перестройки, оценке фактов, а не намерений. Надо, говорил он, с пониманием отнестись к внутренним трудностям, с которыми сталкивается перестройка. Но при всех ее ограничениях и противоречиях, социал-демократы заинтересованы в ее дальнейшем продвижении: они ничего не теряют, но могут многое выиграть.

Брандт поделился с участниками встречи впечатлениями от встречи с Горбачевым. Беседа утвердила его во мнении, что появился исторический шанс для разоружения. Что касается перспектив перестройки, то в условиях, когда происходят изменения «революционного калибра», никто не знает, увенчаются ли они успехом. Но социал-демократы желают им успеха. Запад, добавил Брандт, имея в виду консервативные круги, не должен создавать впечатления, что он неуверен, колеблется в оценке советской перестройки, или хуже того — хочет остановить этот процесс. (Эти слова вызвали аплодисменты). Отдельное сообщение о встрече с Горбачевым Брандт сделал на закрытом заседании Президиума Социнтерна.

В тот день, когда Брандт открывал заседание Совета Социнтерна в Мадриде, в Москве состоялась встреча Горбачева с председателем СДПГ Хансом Йохеном Фогелем (он сменил Брандта на этом посту в 1987 году). Мы, говорил Фогель, «по-партийному» болеем за удачу перестройки, эта политика отвечает интересам СДПГ, и в пожелании удачи с ее стороны есть «свой эгоизм». Чем можем мы помочь? — спрашивал он. Фогель сообщил, что Фонд Фридриха Эберта (при СДПГ) готов выделить 20-30 мест для стажировки молодых советских менеджеров, советовал приглашать для работы в Советском Союзе опытных инженеров, мастеров из ФРГ. Хвалил документ «Спор идеологий и совместная безопасность», с которым, как выяснилось, Горбачев познакомился еще до его подписания.

В конце июня 1988 года открылась XIX партконференция КПСС. В дни работы конференции в Москве находился представитель СДПГ Линденберг — помощник Брандта. У меня была возможность поинтересоваться его впечатлениями. Говоря о перестройке, он не скрывал озабоченности тем, что решаются все вопросы одновременно. Ему казалось, что экономические решения недостаточно конкретны, особенно в том, что касалось реформы цен. Обеспокоенность вызывало и то, что в дискуссии о политической реформе на первый план выходила проблема многопартийности. Не перегружает ли это повестку дня? Личное мнение Линденберга было такое: однопартийность или многопартийность — не принципиальный вопрос, главное — независимая система общественного контроля за властью, а формы ее могут быть различными.

Переход к более активной фазе экономических и политических реформ стимулировал интерес в Советском Союзе к управленческому опыту социал-демократии. В июне 1988 году группа советских специалистов (Абалкин, Аганбегян и др.) побывала в Швеции с целью изучения опыта правительственной деятельности шведских социал-демократов. Группа представила подробный отчет и свои рекомендации, которые обсуждались на заседании Комиссии по совершенствованию управления, планирова-

ния и хозяйственного механизма. Комиссия одобрила программу организации работы по возможному использованию шведского опыта экономического и социального развития в отечественной практике. Новая встреча со шведами на эту тему состоялась в Москве в сентябре 1989 года; тогда было решено создать несколько совместных рабочих групп для конкретной проработки отдельных вопросов — таких, как реорганизация налоговой системы, развитие кооперации, формы собственности, политика ценообразования. Секретариат ЦК в декабре того же года принял постановление «Об изучении практического опыта социал-демократии», утвердил план мероприятий на ближайшие два года. (Осуществить этот план по понятным причинам не удалось).

Параллельно с развитием межпартийных контактов в советском общественном сознании усиливалась тяга к изучению западной социал-демократии как политического движения — для этого появились и новые возможности, и новые стимулы¹⁶. Еще в конце 70-х был создан Межведомственный совет по изучению социал-демократии, его возглавил профессор Александр Галкин. Совет ставил своей задачей стимулировать исследовательскую работу по изучению социал-демократии, содействовать преодолению устаревших, искаженных взглядов на нее, развивать сотрудничество с научно-теоретическими центрами, близкими к социал-демократии. В Совет вошли представители ряда академических институтов, в том числе Института научной информации по общественным наукам, где под руководством Бориса Орлова на протяжении многих лет велась работа по социал-демократической тематике и выпускались сборники информационно-аналитических материалов.

Свидетельством наметившегося перехода к новому качеству отношений стала дискуссия, организованная в декабре 1988 года в западногерманском городе Фройденбурге Академией имени Густава Хейнемана (просветительным центром при Фонде Фидриха Эберта). В ней приняли участие политики и исследователи от десяти западных социал-демократических и социалистических партий и от правящих партий Болгарии, Венгрии, ГДР, Советского Союза и Чехословакии. Обсуждение было посвящено проблемам, поставленным в упомянутом выше совместном документе СЕПГ-СДПГ «Спор идеологий и совместная безопасность». Речь шла о том, что этот документ не должен рассматриваться как немецко-немецкий, что он имеет международное значение. Социал-демократическую сторону вдохновило состоявшееся за неделю до встречи выступление Горбачева в ООН — они цитировали его слова: «Жизнь заставляет отбрасывать привычные стереотипы, устаревшие взгляды, освобождаться от иллюзий»¹⁷. Идеи документа СЕПГ-СДПГ оценивались под этим углом зрения. «Это

документ эры Горбачева», говорил Ян Веерсма (Партия труда Нидерландов). Ему вторил Эпплер (член Правления СДПГ): «Этот документ без Горбачева вообще не мог бы появиться».

Обозначился новый этап в межпартийных дискуссиях: сначала идеологические вопросы исключались из обсуждения; затем их стали включать, фиксируя прежде всего различия; теперь на первый план выдвигалось определение сферы согласия, и она стала расширяться. Некоторые участники встречи отмечали, что с этой точки зрения совместный документ СЕПГ-СДПГ уже отставал от развития событий, что надо идти дальше, к преодолению «образа врага» в восприятии друг друга. Вспоминается разговор с Томасом Майером (директором Академии и участником дискуссии). В марксизме, говорил он, заложено определенное противоречие — между стремлением к рациональной организации общества в его отношениях с природой и принципом свободного развития человека. Попытки разрешить это противоречие ведут к искажению социалистического идеала, оборачиваясь государственным авторитаризмом в одних случаях или анархизмом — в других. Выход в том, чтобы признать — это противоречие неустранимо. Стремиться надо не к какому-то конечному состоянию гармонии — цели недостижимой, а к тому, чтобы пытаться смягчить это противоречие. В частности, сочетая рынок и «рамочное планирование». Если согласиться с этим, говорил Майер, то «у нас будет общее социалистическое поле дискуссии».

Большое впечатление произвело предложение Юрия Красина (тогда ректора Института общественных наук) совместно отметить в 1989 году 100-летие II Интернационала — как «общее наследие». (Еще свежи были в памяти у многих уничижительные оценки II Интернационала в советской партийной пропаганде). К предложению Красина присоединился Отто Рейнгольд — ректор Академии общественных наук при ЦК СЕПГ. Эпплер сразу же поддержал эту идею, выразив уверенность, что Правление СДПГ одобрит ее.

Тогда же, в декабре 1988 года, в Бонне было подписано соглашение об открытии в Москве представительства Фонда Фридриха Эберта. Открытие московского представительства Фонда состоялось в апреле следующего года при участии председателя СДПГ Фогеля. А в мае 1989 года удалось провести в Москве международный семинар «Мир труда и судьбы человечества», приуроченный к 100-летию II Интернационала. За круглым столом в партийной гостинице «Октябрьская» (ныне гостиница «Арбат») собрались представители Советского Союза, стран Восточной Европы и западной социал-демократии (из Бельгии, Великобритании, Италии, ФРГ, Швейцарии, Швеции). Была довольно острая, но вполне дружественная дискуссия. Все говорили друг другу «товарищ» и откровенно, без экивоков излагали свои мнения.

Редакция журнала «Проблемы мира и социализма» (Прага) предложила швейцарскому социалисту Жану Зиглеру и автору этих строк продолжить диалог, вынести его на страницы журнала¹⁸. Диалог получился достаточно острым, поскольку Зиглер, будучи левым социалистом, не склонен был дипломатничать, предлагая для обсуждения самые трудные вопросы. Отдавая должное перестройке («захватывающий процесс, подобный извержению вулкана на застывшем, безмолвном леднике»), он не скрывал опасений, что она может выдохнуться, наталкиваясь на серьезные препятствия, преодолеть которые, как считал собеседник, невозможно, пока сохраняется однопартийная система. Но он же заявил следующее: «Как социал-демократ, мечтаю о таком времени, когда КПСС будет представлена в органах Социалистического интернационала».

Конечно, это было слишком смелое, нереалистичное предположение; но на состоявшийся вскоре XVIII конгресс Социнтерна (Стокгольм, июнь 1989 г.) были впервые в качестве наблюдателей приглашены представители КПСС, а также ПОРП, ВСРП и ИКП. От КПСС присутствовали Карен Брутенц (зам. заведующего Международным отделом ЦК КПСС), Виктор Рыкин (зав. сектором) и автор этих строк. Накануне открытия конгресса нас принял Брандт, которому было передано послание ЦК КПСС конгрессу¹⁹. Практически все, с кем мы беседовали, приветствовали наше участие, рассматривая это как логическое следствие развития отношений между Социнтерном и КПСС. Выступая с трибуны конгресса, лидер Доминиканской революционной партии Пенья Гомес не удержался от явной гиперболы: присутствие советских представителей, сказал он, «отражает процесс воссоединения социалистической семьи».

Тема перестройки в Советском Союзе, ее поддержки присутствовала в выступлениях почти всех ораторов. Отчетливо звучала мысль, что социал-демократия не может здесь быть лишь пассивным наблюдателем (в отличие от некоторых консервативных кругов); что речь идет и об ответственности социал-демократии, в частности — за то, чтобы реформы не свернули в русло капитализма (Нейл Киннок, Мишель Рокар). Обращал на себя внимание новый момент: осознание того, что такой поворот дела не был бы в интересах социал-демократов.

Дискуссия подтвердила, что с перестройкой, с реформами в странах Восточной Европы социал-демократия связывает надежды на расширение сферы своего влияния. При этом обозначилась и дифференциация позиций, отразившая расхождение между партиями и отдельными деятелями в оценке перестроечных процессов. Одни, отдавая должное «смелым реформам Горбачева», высказывались в триумфалистском тоне, говоря с нажимом о «крахе коммунизма» и торжестве идей демократического

социализма. В выступлениях других звучала озабоченность судьбой перестроечных процессов, говорилось о подстерегающих их опасностях, о необходимости содействовать тому, чтобы удержать эти процессы в социалистическом русле (Бар, Киннок, Сорса). Двойственное отношение социал-демократии к изменениям в Советском Союзе и странах Восточной Европы проявилось и в другом: с одной стороны, в желании поддержать уже возникавшие там социал-демократические группы и течения, с другой — в опасениях, как бы не подыграть тем самым экстремистским силам, не подорвать сложившееся сотрудничество с правящими партиями. На заключительной пресс-конференции Брандт подчеркнул: «социал-демократия не предназначена на экспорт».

Стокгольмский конгресс принял новую программу Социнтерна — Декларацию принципов, заменившую Франкфуртскую декларацию 1951 года. Новая декларация начиналась словами: «Идея социализма овладела воображением людей по всему миру, она породила успешные политические движения, решающим образом повлияла на улучшение жизни трудящихся и внесла вклад в формирование [облика] XX столетия»²⁰. Такого начала не было в предварительном проекте, с которым меня познакомил во Фройденбурге Т.Майер — один из главных авторов программы. Развитие событий на востоке Европы, в Латинской Америке и других регионах «третьего мира» внушало руководству Социнтерна оптимизм в отношении перспектив, открывавшихся перед социал-демократией. «Это был оптимистический конгресс», сказал нам Брандт в прощальной беседе.

Этот оптимистический настрой внешне окрашивал и встречу Горбачева и Брандта в Москве, куда последний приехал «для чтения лекций» в середине октября 1989 года, т.е. за несколько недель до падения Берлинской стены. Горбачев оспаривал мнение о том, что происходящее в странах Восточной Европы означает крах социалистической идеи; он говорил о возможном развитии социализма в контексте общего развития цивилизации и констатировал «наше сближение с социал-демократией». Откликаясь на это, Брандт выразил уверенность, что социализм, вопреки тем, кто возвестил о его конце, с исторической точки зрения «переживает новое начало». Естественно, он имел в виду то, что социал-демократы, в противоположность т.н. «реальному социализму», называли демократическим социализмом. (Стоит также напомнить, что немецкие социал-демократы не признавали советскую этатистскую систему социалистической, рассматривая ее как форму государственного капитализма, а коммунистическую идеологию — как искажение социализма).

Брандт предложил направить в Советский Союз делегацию Социнтерна, чтобы обсудить формы и тематику регулярного обмена мнениями не только

по вопросам мира и разоружения, но и по таким, как мировая экономика, экология, научно-техническая революция, отношения Север-Юг и т.п. (Делегация побывала в Советском Союзе в конце февраля 1990 года, она посетила, в частности, Прибалтику). Брандт также предложил, чтобы Горбачев и он сам открыли своими вступительными статьями первый номер нового международного журнала «Социализм будущего» («El Socialismo del Futuro»), инициативу издания которого — на нескольких европейских языках — проявили испанские социалисты²¹.

Но не только будущее социализма интересовало Брандта. Его беспокоили ближайшие перспективы. Он отдавал себе отчет в колоссальных трудностях, стоявших перед Горбачевым и его соратниками внутри страны. Серьезность намерений «первого человека в Кремле» вызывала у него «еще меньше сомнений, чем прежде», но остается ли еще у мирного обновления шанс на успех — в этом у него уверенности уже не было²².

Бурное развитие событий в Восточной Европе осенью 1989 года для многих, в том числе для немецких социал-демократов, оказалось неожиданным. Несомненно, в СДПГ рассчитывали на изменения в ГДР, других восточноевропейских странах и в Советском Союзе по социал-демократическому сценарию. Но надеялись, что это будет постепенный, эволюционный процесс, не ожидая крутой, революционной ломки. Хотя такой вариант не исключался. Заканчивая рукопись своих «Воспоминаний» летом 1989 года, Брандт высказал предположение, что однажды в Лейпциге, Дрездене и других городах ГДР «не сотни, а сотни тысяч людей выйдут на улицы», чтобы добиваться своих прав²³. Это произошло раньше, чем можно было предположить. Начавшийся процесс объединения Германии ослабил положение СДПГ. Она ориентировалась на более или менее длительный процесс, допуская возможность образования немецкой конфедерации где-то к концу 90-х годов. Между тем, правительство Гельмута Коля взяло курс на форсирование объединения. Это подняло популярность ХДС/ХСС среди населения обеих частей Германии, тогда как для СДПГ результаты общегерманских выборов в бундестаг 2 декабря 1990 года оказались разочаровывающими.

События в Восточной Европе не могли не отразиться на положении в КПСС, ускорив процесс внутреннего размежевания. Подготовленный к назначенному на июль 1990 года XXVIII съезду проект политической платформы под названием «К гуманному, демократическому социализму» нес на себе заметный отпечаток влияния социал-демократических идей. При обсуждении проекта на Пленуме ЦК в феврале встал вопрос о необходимости более четко сформулировать отношение к социал-демократии. В тексте проекта, опубликованном 13 февраля для общественного обсужде-

ния, об этом говорилось так: КПСС отклоняет «негативные догматические стереотипы в отношении других партий трудящихся, в том числе социал-демократических, вносящих свой вклад в прогрессивное развитие стран и народов».

В проекте платформы подтверждалась линия на дальнейшее развитие связей с социал-демократией, однако условия для этого становились все более сложными. Об этом шла речь на заседании Комиссии ЦК КПСС по вопросам международной политики 15 июня, т.е. незадолго до съезда²⁴. Там было сказано много правильных, но уже запоздалых слов о месте и роли социал-демократии в мире. Политический ландшафт в странах Центральной и Восточной Европы, да и в Советском Союзе, быстро менялся. Правящие компартии утрачивали влияние и власть. У западных социал-демократов появились там новые партнеры в лице социал-демократических партий и групп. Социнтерн, естественно, сочувствовал возрождению социал-демократии в этом регионе; одновременно его руководство с интересом, хотя и не без скептицизма, следило за трансформацией компартий в социал-демократическом направлении. Это обещало близкую встречу «со старыми и новыми друзьями», которые, заверял Брандт, могут рассчитывать «на нашу симпатию и поддержку»²⁵.

XXVIII съезд КПСС проходил в обстановке острой конфронтации реформаторского и ортодоксально-консервативного течений, но партийная дисциплина на этот раз еще сработала — новая политическая платформа, реформаторская по духу, была одобрена. Зарубежные гости на съезд не приглашались, но лидеры международной социал-демократии пристально следили за его работой. Об этом говорилось в послании Брандта Горбачеву по случаю съезда: «Вы должны знать, с каким вниманием объединенные в Социалистическом интернационале партии — и определенно не только они — следят за работой XXVIII съезда КПСС... Нам не пристало вмешиваться в ваши дискуссии, однако мы, конечно, с большим вниманием принимаем к сведению тот новый и разнообразный интерес, который проявляется к позициям социал-демократических партий и Социалистического интернационала»²⁶.

Приветствие делегатам съезда направил и Фогель. Оно гласило: «СДПГ с вниманием и симпатией следит за предпринимаемыми в СССР усилиями, направленными на коренное преобразование жизни общества, восстановление гуманистических традиций и подлинных демократических ценностей. Мы выражаем надежду на то, что этот съезд партии примет решения, реализация которых послужит на благо народов Советского Союза, будет способствовать преодолению раскола Европы и утверждению идеалов свободы, прогресса и справедливости».

Следующий съезд КПСС, чрезвычайный, должен был состояться осенью 1991 года, на нем предстояло обсудить проект новой партийной программы. Это была программа уже другой партии, программа скорее социал-демократического содержания²⁷. Дело шло к организационному размежеванию, в результате которого из реформаторского течения в КПСС могла бы возникнуть массовая партия на платформе демократического социализма. Стало бы возможным и ее присоединение к Социнтерну. Может быть, эту перспективу и имел в виду Горбачев, направляя в конце июня 1991 года послание Брандту по случаю 40-летия воссоздания Социалистического интернационала. «Сотрудничество КПСС с партиями Социалистического Интернационала, — говорилось в послании, — становится все более регулярным и содержательным. Надеюсь на его плодотворное продолжение в общем русле деятельности демократических сил ради мира и социального прогресса»²⁸.

В дни августовского путча в Москве Социнтерн, в отличие от многих зарубежных компартий, явно или неявно одобрявших действия ГКЧП, выразил солидарность с Горбачевым. Совет Социнтерна 20 августа выступил с заявлением, осудив организаторов путча в самых резких выражениях. Безоговорочную поддержку перестройки, демократического преобразования советского общества продемонстрировали партии Социнтерна. 17 сентября Москву посетила делегация Социнтерна во главе с Пьером Моруа. При встрече с Горбачевым Моруа выразил надежду на продолжение демократических реформ, на то, что процесс обновления советского общества «впишется в рамки социалистического движения, которое развивается в Европе и в мире»²⁹.

Развитие событий после путча, приведшее вскоре к распаду СССР, нанесло удар по этим надеждам — и по иллюзиям, которые разделяли обе стороны. Последствия распада Советского Союза оказались тяжелыми и для международной социал-демократии. Дискредитация так называемого «реального социализма» распространилась на понятие «социализм» вообще. В массовом сознании социализм отождествлялся с неэффективной государственной экономикой, централизованным планированием, господством одной партии, с полицейским государством. «Либерализм при таком отождествлении представлял как единственная экономическая, политическая и общественная альтернатива коммунизму, а социал-демократию в Восточной Европе в значительной степени, а в странах Западной Европы даже в ощутимых масштабах, воспринимали вкупе с терпящим крушение коммунизмом, поскольку кажущееся сходство основных идей и политического языка коммунизма и социал-демократии выставлялось как абсолютная истина. [...] Маятник резко откачнулся в противоположную сторону»³⁰.

Это в общем верно и в отношении России. Задним числом о перестройке можно сказать, что это был Социал-Демократический Проект, реализация которого прервалась в силу неблагоприятного стечения обстоятельств. Развитие связей между КПСС и социал-демократией, усилия по «реабилитации» социал-демократического движения, несмотря на их публичность, на широкое освещение в партийной печати, были все же верхушечными процессами, они вовлекли лишь узкий слой партийной и околопартийной интеллигенции. В начале 90-х маятник и у нас качнулся в сторону «либерального» проекта.

В дальнейшем, к концу 90-х годов, социал-демократия сумела в общем восстановить свои позиции в мире. В Социнтерне, куда входит уже более 170 партий и организаций, представлены ныне и 27 партий из 19 постсоциалистических стран. В частности, на последнем конгрессе (Сан-Пауло, октябрь 2003 года) в ряды Социнтерна принята в качестве консультативного члена Социал-демократическая партия России, созданная при непосредственном участии Горбачева. Но это уже другая история.

¹ Брандт В. Воспоминания. Пер. с нем. М.: Новости, 1991. С. 78.

² Там же, с. 79.

³ «Vorwärts», 24. Dezember 1970.

⁴ Брандт В. Ук. соч., с. 439.

⁵ Как вспоминал потом К.Сорса, в Вашингтоне «люди Рейгана» сначала воспринимали представителей Социнтерна крайне неприязненно: «нас клеймили как предателей Запада». Лишь позднее, не без содействия Джорджа Буша-старшего, тогда вице-президента США, отношение постепенно стало нормальным. // «Кансан Уутисет», 9.03.89.

⁶ «Правда», 10 мая 1985 года.

⁷ Брандт В. Ук. соч., с. 409.

⁸ Горбачев М.С.. Жизнь и реформы. Кн. 2. М.: «Новости», 1995. С. 484.

⁹ «Правда», 2 октября 1985 года.

¹⁰ Доклад «Комиссии Пальме» (Независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности) «Common Security» был опубликован в 1982 г. См.: Безопасность для всех. М.: Прогресс, 1982.

¹¹ Миллер С., Поттхофф Х. Краткая история СДПГ. 1848-1990. Пер. с нем. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 281.

¹² Брандт В. Ук. соч., с. 414.

¹³ Там же, с. 410. Независимая комиссия по проблемам международного развития под председательством Брандта («Комиссия Брандта») опубликовала два доклада об отношениях Север-Юг — в 1980 и 1983 гг.

¹⁴ Там же, с. 408.

¹⁵ В те дни, кстати, газета итальянских социалистов «Avanti!» опубликовала мою статью на эту же тему, дав ей такой броский заголовок: «Вот вам рука, товарищи из Социалистического интернационала» («Qua la mano, compagni dell'Internazionale Socialista»). Статью, однако, сопровождала многозначительная фотография: Брандт на фоне Берлинской стены. // «Avanti!», 10 aprile 1988.

¹⁶ Подробнее см.: Орлов Б.С.. Социал-демократия как объект научных исследований в России. М.: РАН ИНИОН, 2000.

¹⁷ Горбачев М.С. Выступление в Организации Объединенных Наций, 7 дек. 1988 г. // М.: Политиздат, 1988. С. 6.

¹⁸ См.: Коммунисты и социал-демократы: время собирать камни // «Проблемы мира и социализма», 1989, № 8.

¹⁹ Ранее такие послания направлялись XVI (Альбуфейра, 1983) и XVII (Лима, 1986) конгрессам.

²⁰ Socialist International. XVIII Congress. Stockholm, June 1989. London, 1989, p. 23. При этом о коммунизме там же говорилось: «Коммунизм утратил ту привлекательность, которую он имел для части рабочего движения и интеллигенции после Октябрьской революции и в период борьбы против фашизма. Преступления сталинизма, массовые репрессии и нарушение прав человека, как и нерешенные экономические проблемы, подорвали идею коммунизма как альтернативу демократическому социализму или модель для будущего». Ibid., p. 38. У нас Декларация (в русском переводе, с некоторыми сокращениями) была опубликована в журнале «Коммунист», 1989, № 16.

²¹ Первый номер журнала на испанском языке вышел в Мадриде весной 1990 года, он открывался статьями М.Горбачева «Будущий мир и социализм» и В.Брандта «Будущее демократического социализма». См. издание на русском языке: «Социализм будущего. Журнал политических дебатов». Том 1, № 1, 1990. На русском вышло всего три номера этого журнала.

²² Брандт В. Ук. соч., с. 509.

²³ Там же, с. 489, 505.

²⁴ О сотрудничестве КПСС с социал-демократией на современном этапе // «Известия ЦК КПСС», 1990, № 11.

²⁵ «Socialist Affairs», Issue 1/1990, pp. 4-5.

²⁶ «Правда», 13 июля 1990 года.

²⁷ См.: Горбачев М.С. Жизнь и реформы, кн. 2, с. 486.

²⁸ «Правда», 25 июня 1991 года.

²⁹ Цит. по: Горбачев М.С. Жизнь и реформы, кн. 2, с. 488.

³⁰ Майер Т. Трансформация социал-демократии. Партия на пути в XXI век. Пер. с нем. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 147.

«Наш выбор состоял в том, чтобы через демократизацию, эволюционные формы в рамках социалистического выбора очеловечить и обустроить страну».
(М.С.Горбачев. Из разговора с Э.Млынаржем)

Перестройка в зеркале современных интерпретаций

Борис Славин

Прошлое всегда было основой понимания настоящего и будущего. Это непосредственно относится и к перестройке, от которой многие политики, историки и идеологи сегодня ведут отсчет современности со всеми ее противоречиями и проблемами.

Прошло двадцать лет с начала перестройки, но идейная борьба по ее поводу не только не стихает, но, как показывают современные средства массовой информации, она нарастает с каждым новым поворотом истории и политики России. В фокусе этой борьбы оказываются вопросы сущности перестройки, ее опыта реформирования общества, места в истории и др. Одним словом, все говорит о том, что значение перестройки выходит далеко за пределы ее хронологических рамок второй половины 80-х годов.

Славин Борис Федорович — помощник Президента Горбачев-Фонда. В 1985 г. — заведующий кафедрой общественных наук ЦИУУ, доктор философских наук, профессор. С 1987–1991 гг. — сотрудник, а позднее заместитель директора Института теории и истории социализма ЦК КПСС, политический обозреватель и член редколлегии газеты «Правда».

Революция или контрреволюция?

Характерно, что к осмыслению сущности и опыта перестройки сегодня обращаются представители почти всех направлений современной идейной и политической жизни. Так, для идеологов и политиков консервативного толка, включая сюда откровенных державников и неосталинистов, перестройка является символом всех бед современной России, начиная с ликвидации Советского союза и реализации политики «шоковой терапии» и кончая разрушительными акциями международного терроризма. «Нынешние теракты и захваты заложников, — пишет бывший министр обороны России Игорь Родионов, — порождение «перестройки» и развала Советского Союза, войны за «самостийность» и «незалежность», которую начали национал-сепаратисты и поощряли Ельцин с Горбачевым»¹.

Как ни парадоксально, но о сугубо разрушительном характере перестройки говорят и современные неолибералы на Западе, считающие, что Горбачев «выкопал могилу коммунизму и проложил путь к распаду Советского Союза»². Аналогичную идею у нас развивает известный российский политолог Лилия Шевцова, считающая, что Горбачев «фактически ликвидировал возможность для существования русской цивилизационной модели как альтернативы либеральной демократии. Он осуществил то, что американский философ Френсис Фукуяма назвал «концом истории», имея в виду крах всех других цивилизационных сценариев и победу одного — либерализма»³.

Смыкаясь на общей оценке разрушительного характера перестройки, правые и левые радикалы различаются тем, что одни называют ее «революцией», а другие — «контрреволюцией», одни видят в ней прогресс, а другие тотальный регресс России. Так, бывший помощник Ельцина, а ныне руководитель исследовательского центра «Индем» Георгий Сатаров, выступая в Горбачев — фонде, прямо говорил: «Мы пережили, а может быть, еще и переживаем, революцию, которую начали Вы, Михаил Сергеевич»⁴. Противоположной оценки перестройки придерживается известный советский диссидент, а ныне теоретик и защитник «русского коммунизма» Александр Зиновьев, назвавший ее «катастрофой» и «советской контрреволюцией»⁵. Данный взгляд разделяют и многие представители современного коммунистического движения в России, считающие перестройку закономерным результатом «контрреволюции, которая произошла под флагом обновления советского общества и совершенствования социализма»⁶.

Таким образом, для левых и правых радикалов, для державных коммунистов и неолибералов перестройка, по сути своей, означает одно и то же

понятие — крушение советской модели социализма (коммунизма) и переход к современной модели либерального капитализма. Как мы видим, термины «революция» и «контрреволюция» имеют здесь сугубо оценочное значение: в одном случае позитивное, в другом — негативное.

Какова же на деле суть перестройки и ее место в истории страны?

Ответить на этот вопрос невозможно без общего понимания истории советского общества.

На наш взгляд, для истории советского общества характерна борьба двух основных тенденций: демократической и антидемократической. Первая тенденция выражала интересы большинства народа, прежде всего, трудящихся. Вторая проявляла, как правило, интересы отечественной бюрократии, паразитирующей на неразвитости советского общества.

Демократическая тенденция была связана с переходом страны от политики «военного коммунизма» к политике НЭПа, с ленинскими идеями его Политического завещания, в котором были намечены реальные пути демократического обновления Советского государства, обосновывалось новое, отличное от классического марксизма, видение социализма, развивались творческие идеи кооперирования и интенсивного культурного развития страны. Именно эта тенденция во второй половине XX века породила хрущевскую «оттепель» и горбачевскую перестройку.

Антидемократическая («авторитарная», «тоталитарная», — называть можно по-разному) тенденция, выражая, прежде всего, запросы советской бюрократии и некоторых маргинальных групп мелкой буржуазии, рабочих и интеллигенции, резко возобладали после смерти Ленина. В результате И.Сталин стал наиболее характерным носителем этой тенденции, рупором именно этих слоев общества. Данная тенденция и привела, в конечном счете, к созданию в СССР тоталитарного режима власти. С ней связаны трагические последствия форсированной индустриализации и преждевременной коллективизации сельского хозяйства, незаконные массовые репрессии 30-х годов, неосталинизм брежневской эпохи и его рецидивы в перестроечное и постперестроечное время.

Перестройка и порожденные ею обновленческие процессы второй половины 80-х годов, по сути своей, стали отрицанием и преодолением антидемократической тенденции, наиболее полно воплотившейся в сталинской модели тоталитаризма в нашей стране. В этом плане перестройку по праву можно назвать мирной антитоталитарной революцией, совершенной во имя демократических и социалистических идеалов. Поясним это более подробно.

Что бы ни говорили противники и мнимые друзья перестройки, противопоставляющие ее социализму, она исторически началась «сверху», с идеи возвращения общества к демократическим идеалам Октябрьской

революции. Как известно, эта революция сначала дала колоссальный всплеск демократии, проявившейся во всех сферах общественной жизни. Ее можно увидеть в деятельности масс, реализующих главные лозунги и декреты советской власти, связанные с установлением мира в стране, передачей земли крестьянам, фабрик и заводов рабочим, самоопределением наций и т.д. Демократия пробивала себе дорогу и после гражданской войны в новой экономической политике (НЭП), в развитии образования и культуры в последующие годы. Именно в это время расцветает социальное и художественное творчество народа, возникают и развиваются различные школы в поэзии, изобразительном искусстве, театре, кино. Вдохновленная идеалами Октябрьской революции, представители творческой интеллигенции создают целые пласты новой советской культуры, включая такие шедевры литературы и искусства, как поэма «Двенадцать» Блока, стихи и поэмы Маяковского, конармейские рассказы Бабеля, «Тихий дон» Шолохова, «Броненосец Потемкин» Эйзенштейна и др.

Известно также, что через определенное время влияние Октября резко ослабело, наступила реакция: «революция начала пожирать собственных детей». Это время (его справедливо называют «сталинским термидором») совпало с установлением тоталитарного режима власти. В первую очередь, этот режим был направлен против тех, кто делал революцию, то есть против так называемой «ленинской гвардии». Если не считать самого Сталина, то из активных и видных участников Октября, о которых говорил Ленин в своем Политическом завещании, к началу сороковых годов в живых не осталось ни одного. В этой связи, те, кто сегодня доказывает тождество таких политических фигур, как Ленин и Сталин⁷, ставят на одну доску людей, стоящих по разную сторону баррикад в вопросах социализма и интернационализма, образования СССР и ликвидации бюрократического госаппарата и т.д. Тем самым они возрождают давно забытую сталинскую версию двух вождей, позволяющую говорить о том, что «Ленин — это Сталин вчера», а «Сталин — это Ленин сегодня». Вместе с тем, все больше появляется фактов о том, что одна из этих фигур была палачом, а другая его жертвой как в политическом, так и в физическом смысле слова.

Сталинский тоталитаризм многие годы уничтожил надежду на создание подлинно демократического и социалистического общества в стране. Используя сугубо мобилизационные методы для осуществления индустриализации и ведения войны, он в тоже время не сумел подготовить советское общество к новейшему этапу научно-технической революции, требовавшей свободного творчества и всеобщей демократии. В итоге система сталинского тоталитаризма привела к стагнации СССР во второй половине XX века, нанесла глубокую и до сих пор незажившую рану всему левому движению в мире.

Как известно, становление сталинского тоталитаризма проходило в острой борьбе политической власти сначала с «левой», а затем с «правой» оппозициями. В обществе не было ни одного класса, ни одного крупного социального слоя, который бы не испытал на себе последствия этой борьбы. Установление и укрепление сталинского тоталитарного режима было следствием усталости определенных социальных групп общества от революционных потрясений и гражданской войны. Эта усталость проявлялась особенно наглядно либо в одобрительном, либо в безразличном отношении многих советских граждан к процессам уничтожения участников революции в 30-е гг. В тоже время нельзя забывать, что тысячи людей, которые находились и боролись в недрах Гулага, были фактически политической оппозицией Сталину и его курсу на свертывание демократии в стране. Это были люди, которые до конца верили в идеалы революции и социализма.

Следует подчеркнуть, что социализм, по сути своей, склонен к демократии, а не к тоталитаризму. Тоталитаризм есть извращение и антипод социализма. Его социальной опорой, повторим, является бюрократическая каста. Но поскольку бюрократия не есть самостоятельный класс общества, постольку она вынуждена обслуживать интересы либо труда, либо капитала. Длительное существование тоталитарного режима в условиях социалистического строительства невозможно: он рано или поздно должен выродиться. Это вырождение должно привести либо к политической революции и утверждению подлинно социалистической демократии, либо венчаться контрреволюцией, приводящей к утверждению «варварского капитализма» с его резким обнищанием трудящихся и социальной поляризацией общества. Как это происходит на практике, можно увидеть на истории перестройки и постперестроечной России.

На наш взгляд, наиболее объективно и исторично понимание перестройки как процесса окончательного освобождения советского общества от любых проявлений тоталитаризма сталинского толка и решительного перехода к модели гуманного демократического социализма. Не случайно именно эти характеристики социализма легли в основу Платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии. Понимание Перестройки в этом смысле принципиально противоположно ее современным неолиберальным и державно-коммунистическим толкованиям. На наш взгляд, *перестройка не была ни буржуазно-либеральной революцией, ни контрреволюцией антисоциалистического толка. Она, по сути своей, была революционным обновлением советского общества, реализующим, демократические и социалистические идеалы свободы, справедливости солидарности и гуманизма. Говоря коротко, перестройка была первой в мире антитоталитарной политической революцией в обществе, строящем социализм.*

Не надо догм

В нашей стране нередко происходят странные вещи: не успеют устареть старые догмы и мифы, как на их место водружаются новые. Такими новейшими догмами и мифами является отождествление тоталитаризма со всей историей советского общества, включая перестройку, Горбачева с Ельциным, перестроечного времени с постперестроечным и т.д. Однако, нет ничего более далекого от истины. Постараемся это обосновать.

В свое время, проявляя «новаторство», некоторые российские историки совершенно некритически заимствовали понятие «тоталитаризм» для характеристики строя и истории советского общества у таких консервативно настроенных западных исследователей, как А.Улам, Р.Пайпс, З.Бжезинский и др.⁸ По нашему мнению, это было ошибкой, ибо понятие «тоталитаризм» применимо, прежде всего, к характеристике режима политической власти, а не социально-экономического строя общества или его истории. Если говорить об СССР, понятие «тоталитаризм», относится, прежде всего, к господству сталинского политического режима, а не ко всей истории советского общества. Истина конкретна. За временными рамками сталинского тоталитаризма мы имеем дело с другими политическими режимами: авторитарно-демократическим правлением Хрущева, авторитаризмом Брежнева и переходом от авторитаризма к демократии во время горбачевской перестройки. Те же, кто, подобно В.Новодворской, отождествляет перестройку с господством сталинского тоталитаризма, игнорируют тот очевидный факт, что она была его прямым историческим отрицанием и преодолением.

Конечно, сталинский тоталитаризм был долгие годы присущ советскому обществу. Тем не менее, рассматривать советскую историю как непрерывную линию становления и утверждения тоталитаризма методологически ошибочно. Это значит абстрагироваться от противоречий и острой политической борьбы различных социальных сил, партий и фракций, что составляет существенный элемент советской истории. Особенно неплодотворен такой подход в исторической науке, ибо ведет не к изучению реальных фактов общественной жизни, а к подгонке их под заранее заданную концепцию. Отметим, в этой связи, что известные американские историки Роберт Такер и Стив Коэн, специализирующиеся на изучении таких политиков, как И.Сталин и Н.Бухарин, считают концепцию тоталитаризма малоэффективным инструментом исторического познания. По их мнению, эта концепция слишком груба, чтобы на ее основе понять сложную и противоречивую картину советской истории, в частности, взаимоотношение власти и оппозиции и т.д.⁹

Повторим еще раз: перестройка является не продолжением, а прямым отрицанием и преодолением сталинского тоталитаризма. Исторически ей

предшествовала острейшая борьба двух выше названных тенденций. И результаты ее известны: на смену сталинскому режиму самовластия приходит хрущевская «оттепель», надломившая тоталитаризм, затем она сменяется «заморозками» брежневского авторитарного режима власти, сделавшего попытку воскресить сталинские порядки. Однако сделать это в полной мере ему было уже не под силу: сталинизм как явление противоречил вызовам новейшего времени, наступающей новой постиндустриальной эпохе. Вот почему брежневский авторитаризм со временем уступает место демократической перестройке, которую осуществили М. Горбачев и его команда.

Анализируя историю перестройки, мы исходим из принципиальной возможности реформирования того общества, той системы, которая сложилась к середине 80-х годов прошлого века. Здесь мы полностью согласны с позицией и аргументами американского профессора С. Коэна, позитивно отвечающего на вопрос: можно ли было реформировать советскую систему?¹⁰ Разумеется, что из похожей политической и методологической позиции исходили и сами сторонники перестройки, начавшие с первых своих шагов решительно освобождаться от остатков сталинизма, существовавших в то время. Однако после прекращения перестройки среди ее бывших сторонников получила хождение идея (ранее высказываемая только противниками перестройки) о якобы принципиальной неререформируемости той системы, которая досталась Горбачеву в наследство от доперестроечных времен. Так, по мнению известного академика, которому в СМИ безосновательно приписывается роль «архитектора перестройки», советская система «заржавела настолько, что все новое было для нее враждебно. Самообновиться она не могла. Чего не дано, того не дано».¹¹ Более мягкой позиции придерживается академик Т.И. Заславская, которая считает, что задача радикальной перестройки советского общества изнутри тогда казалась возможной: «уж очень остра была общественная потребность в переменах. Но сейчас понимаю, что эта задача была практически неразрешима»¹².

Идея принципиальной неререформируемости советского общества сегодня является общим местом, на основе которого некоторые политологи и историки пытаются объяснить и распад Союза, и поражение перестройки. Думается, что одно время к этой точке зрения был близок и М.С. Горбачев, утверждавший в середине 90-х годов XX века, что проблема реформирования или неререформирования советского общества «пока остается открытой».¹³ Лишь позднее, после всесторонних размышлений, он приходит к выводу, что «неререформируемых общественных систем не бывает: иначе не было бы, вообще, прогресса в истории. Что касается собственно процесса перестройки, то следует учитывать, что он был, с одной стороны искус-

ственно прерван путем, с другой, не следует забывать, что перестройка длилась почти шесть лет и за этот срок ею было сделано много полезного и исторически значимого». ¹⁴ По нашему мнению, прибегая к догме о «нереформируемости советского общества», ее носители не замечают, что впадают в неразрешимое противоречие с действительностью и с самими собой. Тем самым они фактически превращают всю перестройку в бесплодный исторический выкидыш. Если советское общество было нереформируемо, то зачем было вообще начинать перестройку?!

На наш взгляд, не следует забывать, что перестройка возникла как требование исторической необходимости. Эта необходимость ощущалась задолго до формального начала перестройки в 1985 году. По образному выражению М.С. Горбачева советское общество «было буквально беременно перестройкой». Тут были объективные причины, о ней криком кричала интеллигенция, требовавшая свободы слова, политического и идейного плюрализма, к ней призывали рабочие, видящие незаслуженные привилегии партгосноменклатуры, ее желало абсолютное большинство советских людей, разделяющих идеалы социальной справедливости и социализма.

Была ли теория перестройки?

Говоря о генезисе перестройки, следует напомнить, что идея обновления советского общества у М.С. Горбачева зародилась в ходе изучения последних работ Ленина, о чем он сам неоднократно говорил и писал. ¹⁵ Как известно, в этих работах Ленин под влиянием НЭПа высказал неклассическую идею о новом, во многом рыночном видении социализма. Он доказывал необходимость политической реформы, ведущей к демократизации партийного и государственного аппарата, добивался от своих соратников реального понимания обстановки внутри страны и нового соотношения социально-политических сил на мировой арене, сложившихся после спада первой волны социальной революции. В этой связи правы те исследователи, которые считают, что первоначальный замысел перестройки состоял в своеобразном возвращении к ленинским идеям и нормам государственной жизни, устранению сталинских деформаций советского общества.

Подтверждают это и конкретные шаги перестройки, проходившие под знаком возрождения идеалов Октября и ленинских взглядов на социализм периода НЭПа. Об этом, в частности, свидетельствуют многие факты того времени, связанные с продолжением политической линии XX съезда КПСС, осудившего «культ личности» Сталина, реабилитацией многих исторических фигур — соратников Ленина (Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова, Пятакова) и всех других незаконно репрессированных граждан,

возвращение «с полок» запрещенных кинофильмов, публикация остросоциальных произведений Рыбакова, Шатрова, Дудинцева, Бека, переиздание «диссидентской» и эмигрантской литературы, трудов дореволюционных русских историков, публицистов и мыслителей, подвергшихся в свое время остракизму.

Следует подчеркнуть, что провозглашенные на первых порах идеи перестройщиков о необходимости ускорения научно-технического прогресса и борьбы с бюрократизмом были поддержаны почти всем населением страны. Заслуга Горбачева и его окружения состояла в том, что они раньше других осознали необходимость полного освобождения советского общества от остатков тоталитарного режима власти в лице бюрократическо— командной системы управления. Они существенно продвинули общество вперед, начав его радикальное обновление на принципах свободы, демократии и гуманизма, трансформируя авторитарную модель «развитого социализма» брежневской эпохи в «демократический социализм» эпохи Горбачева. Отсюда понятен и знаменитый лозунг той поры: «Больше демократии, больше социализма!».

И это был не только лозунг, отнюдь не повторение требований чехословацких реформаторов о «социализме с человеческим лицом»: это была последовательная политика, проводящая данные лозунги и требования в жизнь. Уже вскоре демократии в стране стало гораздо больше, чем было «до» и даже «после» перестройки. Достаточно вспомнить, в этой связи, атмосферу первого съезда народных депутатов, бесконечные дискуссии политиков, многотысячные митинги и демонстрации граждан, возрастающую активность средств массовой информации, чтобы ощутить и понять сугубо революционный характер перестройки. Атмосфера, рожденная перестройкой, на самом деле во многом напоминала атмосферу революционных событий 1917 года. Не случайно в это время стали проводить параллели между перестройкой и Октябрьской революцией. В них было общее не только по форме, но и по содержанию: в то время миллионы людей стали активными участниками общественных преобразований. Благодаря им перестройка стала своеобразной политической весной в истории советского общества. Не случайно, поэт Е.Евтушенко в то время сказал: «Мы все в партии Перестройка».

До сих пор бытует мнение, что у перестройщиков не было никакой идеологии, никакой стратегии обновления советского общества. В свое время данную точку зрения наиболее наглядно выразил писатель Бондарев, сравнив перестройку с самолетом, который не знает куда лететь и где произвести посадку. Сегодня аналогичные взгляды высказывают многие критики перестройки справа и слева, считая ее «ездой в незнаемое». По мнению

М.Коробковой «Генсек уже был обречен на неудачу с перестройкой, потому что не видел ее научно обоснованной перспективы, не знал ответов на важнейшие вопросы. Что нужно перестраивать? Кто объяснил суть «нового мышления»?¹⁶ Тем не менее, эти взгляды далеки от объективности. Они верны лишь в той части, что теория перестройки не могла появиться сразу в готовом виде в голове ее архитектора, а вырабатывалась постепенно на основе практического движения. Однако уже к концу 1988 года концепция перестройки, в основном, сложилась, что позволяло ее инициаторам и сторонникам с полным сознанием реформировать общество.

Это подтверждается многими официальными и неофициальными материалами и документами перестройки. Приведу в этой связи малоизвестный факт, связанный с написанием и подготовкой к изданию брошюры М.С. Горбачева «О социализме». Так, в августе 1988 года в разговоре со своим помощником М.Горбачев говорил, что он категорически не согласен с теми, кто утверждает, что мы не имеем теории и политики перестройки. При этом он подчеркивал: «Мы их имеем. Суть их в том, чтобы раскрыть потенциал социалистического строя, освободиться от деформаций, последствий культа, застойного периода, от всего того, что тормозило и мешало развитию социализма и привело к тяжелой предкризисной ситуации все наше общество.

Сердцевина нашей нынешней концепции в том, чтобы вернуть человека как главное действующее лицо в политический процесс, в экономику, в духовную сферу, до конца довести работу, которую начал Октябрь 1917 года. Преодолеть полосу отчуждения человека от производства, от власти, от культуры. Из этого вытекала необходимость перестройки, демократизации гласности, а затем и политической реформы, иначе говоря, необходимость коренного пересмотра политической системы, коренных изменений в промышленности, на транспорте, в торговле, в бытовом обслуживании». Примечательно, что в этом разговоре М.Горбачев называет перестройку «нашей новой революцией», совершившей «прорыв» не только в практике, но и «в области общественной мысли, в теории».¹⁷ Осмысливая суть концепции перестройки уже в постперестроечное время в разговоре со своим другом и участником «Пражской весны» Зденеком Млынаржем, М.С.Горбачев скажет: «Концепция перестройки была нацелена на глубокое, качественное изменение общества через соединение социализма с демократией. Эта была главная, гуманная цель».¹⁸ Позже в политику перестройки вносились коррективы, «но замысел, цель нашей концепции оставались первоначальными»¹⁹.

Анализируя эволюцию и политическую направленность процессов перестройки, приходишь к выводу о том, что к концу 80-х годов обновлен-

ческие процессы советского общества обрели во многом социал-демократический характер. Об этом свидетельствуют не только многочисленные контакты Горбачева с лидерами европейской социал-демократии (см. его встречи с Брандтом, Лафонтемом, Гонзалесом и др.), не только сотрудничество КПСС и социал-демократических партий по вопросам войны и мира, стратегии и тактики международного рабочего класса, но и многочисленные результаты самой перестройки, связанные, с одной стороны, с допущением частной собственности в экономике, с другой, с разработкой сильной социальной политики государства. О социал-демократическом характере обновленческих процессов говорил и подготовленный для предстоявшего XXIX съезда КПСС новый проект программы КПСС, в котором давалась критика прежних казарменных представлений о коммунизме и развивалась мысль о новом демократическом видении социализма. В своем докладе по поводу этой программы М.С.Горбачев говорил:

«Схемы прошлого довлеют над общественным сознанием, мешают понять смысл происходящих изменений.

Проиллюстрирую это на вопросе о так называемой социал-демократизации КПСС. Такие обвинения раздаются в наш адрес со стороны представителей, я бы сказал, коммунистического фундаментализма, неспособных вырваться из круга догматических представлений. Но они находят отклик и у части коммунистов, всерьез опасющихся «социал-демократизации» партии.

Опасения эти базируются на идеологических расхождениях, возникших еще в годы революции и гражданской войны. Тогда коммунисты и социал-демократы оказались по разные стороны баррикад. Пусть историки разбираются в перипетиях того времени. Но совершенно очевидно, что критерии возникшего тогда противостояния — отношение к насилию, к диктатуре пролетариата и демократии, роль социалистического сознания и политического авангарда — утратили прежнее значение.

Мы изменились, изменилась и социал-демократия. Ход истории снял многие проблемы, вызвавшие размежевание в рабочем и демократическом движении, среди сторонников социализма. И те, кто сегодня пугает «социал-демократизацией», только, отвлекая внимание от главного противника — антисоциалистических и национал-шовинистических течений». ²⁰

В этом же русле М.С.Горбачев рассматривал и предложения отдельных коммунистов о переименовании КПСС в социалистическую или социал-демократическую партию. Но, по мнению М.С. Горбачева, этот вопрос мог быть решен только съездом или общепартийным референдумом.

В свою очередь, документы перестройки свидетельствуют также о том, что социал-демократическое видение перестройки не следует интерпрети-

ровать в сугубо либеральном духе, как это делают сегодня некоторые либеральные идеологи и смыкающиеся с ними неосталинисты, доказывая, что конечной целью перестройки был переход к капитализму.

Историческая истина не нуждается ни в улучшении, ни в ухудшении. Теория перестройки, на наш взгляд, развивалась в рамках концепции раскрытия демократического «потенциала социалистического строя», «социалистической перспективы» или «социалистического выбора». В одной из диктовок своей статьи М.С.Горбачев говорил, характеризуя идейные искания последних лет перестройки: «В чем только не ищут выхода? И в восстановлении полностью порядков, существовавших при царе, включая монархию. И в возрождении духовности только на один манер — через передачу монополии на духовность церкви, религии. И в насаждении капиталистических порядков, что называется, «в чистом виде», где каждый за себя, и слава тому, кому улыбнется удача, а остальные пусть выкарабкиваются, как смогут.

Иронизируют по поводу социалистического выбора, не видя того, что отторжение социализма в массовом сознании произошло потому, что социализм предстал в образе сталинизма. Но это — явление преходящее. И следующее поколение наверняка вернется к этой великой идее и надежде. Право и обоснованность этой идеи, ее укорененность в объективной логике человеческой истории признают даже антикоммунистические авторитеты — крупные ученые, известные философы».²¹

Актуальны эти слова и сегодня. В этой связи, нам трудно согласиться с некоторыми современными утверждениями о том, что «в основе конечного замысла перестройки внутри страны» лежала идея создания «новой цивилизации будущего» на основе преодоления «дихотомии социализма и капитализма»²².

Конечно, нет сомнений в плодотворности этой идеи, самой по себе, тем не менее, понятие «новой цивилизации», использованное М. С. Горбачевым для обозначения общей перспективы развития человечества, на наш взгляд, является продуктом не столько перестроечного, сколько постперестроечного времени. Если быть более точным, то подход к этой идее в самом общем виде М.С. Горбачев наметил летом 1991 года в Лондоне на встрече «7+1», когда сказал, что обновленный союз будет строиться и функционировать на «общецивилизационных принципах». Развивая эту мысль позднее, он стал говорить о «новом концептуальном видении будущего». Весной 1992 года, выступая в Мюнхенском театре «Каммершпиле» М.С.Горбачев уже конкретно сказал: «Я думаю, что поиски будут идти уже не на противопоставлении: что лучше — капитализм или социализм. Нам нужна новая цивилизация, которая отвечала бы уже критериям XXI

века»²³. Раскрывая содержание этого нового понятия, он вскоре скажет о «переходе к новому «сожительству народов» с более высоким «качеством межличностных отношений, общественного устройства, взаимозависимости государств и народов».²⁴

Затем понятие «новая цивилизация» конкретизировалось по мере переосмысления М.С.Горбачевым формационной теории марксизма и практики ельцинских радикальных реформ.²⁵ Характерно, что в последнее время М.С. Горбачев стал трактовать «новую цивилизацию» как реальную альтернативу существующему конфронтационному миру. По его мнению, эта цивилизация будет складываться из реальных тенденций постиндустриального или информационного общества, в ней будут окончательно преодолены крайности коммунистического и неолиберального фундаментализма. Эта цивилизация «включит в себя лучшее, что накопило человечество за свою долгую и противоречивую историю», в ней на деле будут реализованы многие «общечеловеческие, либеральные и социалистические ценности».²⁶

Подчеркнем еще раз: на наш взгляд, концепция и теория перестройки не выходили и не могли в то время выйти за рамки понятия «социалистический выбор». Об этом свидетельствуют и политические взгляды самого М.С. Горбачева, который до сих пор остается приверженцем социалистической идеи. На мой взгляд, ошибаются те, кто видит в Михаиле Горбачеве либо радикального либерала, полностью отказавшегося от социалистических идеалов, либо ортодоксального коммуниста, ничему не научившегося за время перестройки. Как руководитель ведущей в мире коммунистической партии, как человек чувствующий вызовы и потребности времени, он, конечно, не мог не меняться идейно по ходу перестройки. По его собственному выражению за эти годы он прожил «несколько жизней, а не семь лет».²⁷ В тоже время, его биография свидетельствует о том, что он до сих пор во многом остается человеком левых взглядов, считающим социалистическую идею важнейшей ценностью современного мира. Даже драматические события форосского пленения не изменили этих взглядов. Вот слова, произнесенные им на пресс-конференции сразу после возвращения из Фороса : «Я отношусь к людям, которые никогда не скрывали своих позиций. Являюсь убежденным приверженцем социалистической идеи...».²⁸ Спустя десять лет, обращаясь уже к членам созданной им новой социал-демократической партии, он повторит слова своего покойного друга Брандта о том, что «человек, не выговаривающий слово «социализм», не может называться социал-демократом».

Достижения, ошибки и причины срыва перестройки

Существует стойкий миф о перестройке, как «времени упущенных возможностей». Этот миф призван дискредитировать реальные достижения перестройки, которые составляют ее специфическое содержание.

Да, в годы перестройки были упущения и даже ошибки, но они не могут определять содержание всех обновленческих процессов, проведенных командой М.С.Горбачева во второй половине 80-х годов. Несмотря на сжатые исторические сроки преобразований, последней удалось сделать многое. Так, перестройщики не только реализовали идеи, о которых говорил Ленин в своих последних работах: они пошли дальше и начали реформировать все сферы советского общества. В итоге им удалось качественно преобразовать как внутреннюю, так и внешнюю политику страны.

В частности, они вплотную подошли к созданию социально ориентированной рыночной экономики, доказав, что социализм не противоречит рынку, но и не сводится к нему. Рынок — это сфера экономики: он не может и не должен определять развитие социальной сферы, политику и идеологию общества.

Перестройщикам удалось не только провозгласить, но и на деле добиться гласности и свободы слова. Они отменили цензуру, внедрили плюрализм в политическую жизнь и духовную сферу общества, начали демократизацию Советов и обновление правящей партии. На этом пути они встретили отчаянное сопротивление реформам со стороны консервативных сил в партии и государстве. В этом плане реформаторы, как и их исторические предшественники — парижские коммунары, буквально «штурмовали небо». В результате они провели первые альтернативные выборы в стране, создали парламентскую систему с действующей оппозицией и независимыми средствами массовой информации. Только на центральном телевидении тогда возникло несколько независимых и оппозиционных программ: «Пятое колесо», «Взгляд», «600 секунд» и др.

Во время перестройки началась на деле реализация основных прав и свобод человека. Наряду с такими правами, как право на труд, отдых, образование и т.д., началось осуществление таких нетрадиционных для Советского Союза политических прав и свобод, как свобода собраний, митингов и демонстраций, создание политических организаций и партий, проведение демонстраций и митингов, свободный выезд граждан за границу, реализация свободы совести и др. Много было сделано в сфере развития экономической демократии: начали функционировать советы трудовых коллективов, выборы директоров предприятий, развивалось производственное самоуправление. После проведения всеобщего референдума о со-

хранении Союза в повестку дня был поставлен вопрос о новом Союзном договоре, на деле расширяющем самостоятельность и права союзных республик.

Особенно много полезного для страны и всего мира было сделано реформаторами во внешней политике СССР. На основе «нового мышления» была реально отодвинута угроза мировой ракетно-ядерной войны, ограничены испытания ядерного оружия, начат процесс разоружения и т.д. Многие страны и народы вздохнули с облегчением. Все эти факты полностью опровергают не только теорию «упущенных возможностей», но и догму о принципиальной неререформируемости советской государственной системы.

В ходе перестройки удалось качественно изменить и демократизировать существующее общество, придать ему новое сугубо демократическое измерение в полном соответствии с социалистическими ценностями. Несмотря на сопротивление различных политических сил, перестройке, в конечном итоге, удалось сделать главное — создать реальные предпосылки для функционирования в советской стране модели демократического социализма. В этом, на наш взгляд, и состоит ее историческое значение.

Почему все же произошел срыв и прекращение перестройки?

Существует два противоположных ответа на этот вопрос. Одни считают, что это произошло потому, что ее главный архитектор Михаил Горбачев не смог вовремя отказаться от своей «социалистической перспективы» и решительно перейти к либерализму, как это сделали Б.Ельцин и Е.Гайдар, начавшие в России «радикальные реформы». В этом отношении характерно критическое отношение Л.Шевцовой к личности М.Горбачева в конце перестройки.²⁹ Другие, напротив, обвиняют советскую элиту времен М.С. Горбачева в предательстве дела социализма и преднамеренном развале Союза.³⁰ Как мы видим, и те, и другие одинаково переоценивают чисто субъективные причины и тенденции общественного развития, забывая о том, что история не есть функция мировоззрения той или иной личности, будь эта личность малая или великая.

На наш взгляд, срыв и прекращение перестройки произошли потому, что КПСС в целом, как правящая политическая партия к началу реформ оказалась не на высоте тех исторических задач, которые надо было решать, отвечая на вызовы времени. Говоря словами Ленина, она во многом оказалась в положении «зазнавшейся партии», не способной вести за собой широкие массы трудящихся. Вот почему после ее фактического запрета Борисом Ельциным, не было сколько-нибудь значимых протестов не только со стороны рядовых граждан, но и самих членов партии.

Жизнь показала, что политические преобразования в стране, где коммунистическая партия составляла политический, организационный и идей-

ный стержень общества, надо было начинать перестройку с самой правящей партии и, прежде всего, с ее бюрократического аппарата, который оказывал значительное сопротивление обновленческим процессам в стране. Факты истории показывают, что именно этот аппарат оказал значительную поддержку ГКЧП во время августовского путча. Здесь корениться одна из серьезных ошибок инициаторов перестройки, которые явно запоздали с обновлением и демократизацией правящей партии, в частности, с разделением ее на социал-демократическое и консервативное коммунистическое крыло, которое в последние годы перестройки четко обозначалось в КПСС, особенно в связи с созданием РКП.

Были и другие, не менее значительные ошибки в осуществлении перестройки, которые, относились к технологической и экономической сферам общества.

Следует отметить, что в наследство от прошлого перестройщикам достался комплекс сложнейших внутренних проблем, которые требовали особого к ним внимания. К ним, прежде всего, относились проблемы роста производительности труда и подъема жизненного уровня народа.

Реформаторы, верно определив цель перехода к постиндустриальному обществу, тем не менее, не сумели добиться роста производительности труда на основе научно-технического прогресса и обновления производственного потенциала страны. В самом начале перестройки эта проблема была ими поднята, но вскоре оттеснена другими проблемами. В то же время, без резкого подъема производительных сил, производительности труда, нельзя было на равных конкурировать с развитыми странами мира, которые к тому времени, освоив результаты современной научно-технологической революции, вступили в новую постиндустриальную эпоху. СССР к тому времени, в основном, продолжал оставаться сугубо индустриальной державой с экстенсивной экономикой и непомерно разросшимся военно-промышленным комплексом. Сопротивление высших военных чинов и части консервативной партийной номенклатуры помешало перестройщикам в должной мере осуществить намеченную конверсию военной промышленности, что усугубляло тяжелое экономическое положение в стране, сложившееся к концу 80-х годов.

В этой связи, следует отметить, что наличие мощного военного потенциала СССР в эти годы полностью опровергает мнение таких западных экспертов, как Г.Киссинджер, о том, что «перестройка есть результат победы Запада в «холодной войне».

На мой взгляд, роль внешних факторов в эволюции советского общества, конечно, нельзя сбрасывать со счета, но их историческое значение не следует преувеличивать. СССР как ядерная держава в 80-е годы был

намного сильнее, чем после мировой войны. И хотя бремя гонки вооружений было на самом деле тяжелым для советского народа, считать его непосредственной причиной гибели СССР и перестройки есть заблуждение, основанное на абсолютизации роли военной силы в международных отношениях.

Сосредоточившись, в основном, на политических преобразованиях, перестройщики не смогли в полной мере решить экономические проблемы, доставшиеся им от прошлого. За отведенное им краткое историческое время, они не сумели поднять падающую экономику и связанный с нею жизненный уровень народа. По мере возрастания сопротивления противников перестройки, реализация программы перехода к рынку затягивалась. Особенно это проявилось в сельском хозяйстве. С одной стороны, традиционные формы ведения сельского хозяйства себя во многом исчерпали, а созданные в ходе перестройки частные, кооперативные и арендные предприятия, в силу разных причин, не давали должной отдачи. Что касается организации фермерского движения, то на местах оно нередко встречалось в штыки. В некоторых деревнях начал гулять «красный петух»: горели, как правило, фермерские хозяйства.

В результате сопротивления антиперестроечных сил и упущений в политике реформ в стране возникли экономические и финансовые трудности. Обещанная Западом помощь опаздывала, начались перебои в снабжении населения необходимыми товарами, что оттолкнуло от перестройки значительные массы людей. В итоге реформаторы лишились своей массовой социальной опоры. Недовольные материальными результатами перестройки, многие люди, включая интеллигенцию, стали переходить на сторону ее противников, пополняя радикальные течения справа и слева. Одним словом, ход перестройки подтвердил старую истину: политические свободы в обществе с необходимостью должны подкрепляться улучшением материального положения народа. В противном случае происходит срыв реформ.

Однако, перечисленные выше ошибки и упущения отечественных реформаторов могли быть исправлены, если бы перестройку не прервал Августовский путч 1991 года, который организовали консервативно-бюрократические силы, видевшие в продолжении перестройки прямую угрозу собственному существованию.

Как известно, к началу 90-х годов сложились три основные социально-политические силы в стране: сторонники перестройки, консерваторы и неолибералы, называвшие себя «радикальными демократами».

Сторонники перестройки выступали за полную реализацию своей стратегии создания в стране модели обновленного или демократическо-

го социализма; консерваторы звали назад к доперестроечным временам, считая перестройку «уничтожением» существующего общественного строя; неолибералы, напротив, требовали как можно скорее покончить с «социалистическим экспериментом» и решительно двигаться к капитализму. А. Гайдар, осмысливая позднее данную стратегию, скажет: «Главный вопрос — какой капитализм мы получим: бюрократический, коррумпированный..., или цивилизованный».³¹ В итоге, консерваторы и неолибералы, ориентируя советское общество в прямо противоположных направлениях, сделали все, чтобы разорвать его на части, и тем самым сорвать перестройку.

Особенно острой стала борьба названных политических сил во время Августовского путча, когда в течение трех дней произошло три характерных поворота истории. Первый поворот был совершен консерваторами в лице ГКЧП, организовавшего в столице смену политической власти и объявившего недееспособным президента СССР М.С. Горбачева. В ответ выступили все демократические силы, которые не хотели возврата к доперестроечным временам. Они остановили путчистов и освободили президента из «форосского плена». Наконец, третий поворот истории проявился в закулисных действиях радикал-демократов, группировавшихся вокруг Бориса Ельцина, который за время путча успел переподчинить себе основные государственные институты союзной власти, так что вернувшийся из Фороса Михаил Горбачев был вынужден специальными указами возвращать себе власть и контроль над страной.

Этот малоисследованный период жизни общества был фактически периодом двоевластия союзного и российского президентов. В это время резко усилилась борьба республик с центром, началось их прямое дистанцирование от него (несанкционированный уход из Союза прибалтийских республик, проведение референдума о независимости Украины, затягивание президентом России и другими руководителями республик принятия уже парафированного ими Союзного договора и т.д.). В итоге последовательные усилия М.С. Горбачева, направленные на сохранение Союза, не достигли цели. Последний период перестройки и истории СССР закончился роспуском Союза, который осуществили по обоюдному сговору в Беловежской пуще три республиканских президента: от России — Ельцин, от Украины — Кравчук, от Белоруссии — Шушкевич. Эти имена стали символом распада и трагедии многих народов некогда великой страны, определявшей движение мировой истории в XX веке.

Роспуск Союза и срыв перестройки, на наш взгляд, стали результатом единых действий двух противоположных политических сил — консерваторов и неолибералов. Характерно, что именно эти силы солидарно голосова-

ли за ратификацию Беловежских соглашений в российском парламенте. В итоге из сотен российских депутатов только несколько человек проголосовало «против».

Итак, перестройка закончилась роспуском Союза, то есть исчезновением того объекта, который подлежал реформированию. Известное выступление М.С.Горбачева по ТВ 25 декабря 1991 года о сложении с себя полномочий президента СССР фиксирует эту границу с точностью до минуты. Хочется подчеркнуть, что здесь мы говорим о сугубо формальной границе окончания перестройки. За рамками этой границы существует идейно-политическое влияние перестройки, которое, на мой взгляд, будет сохранять свою актуальность до тех пор, пока ее стратегия — создание демократического и гуманного социализма в России, не будет воплощена в жизнь.

Перестройка и постперестройка. Горбачев и Ельцин

Может быть, самой несправедливой версией перестройки является ее полное отождествление с постперестроечным временем. В рамках этой версии утверждается, что Борис Ельцин продолжил и развил то, что начал Михаил Горбачев. Наиболее воинственно данную точку зрения отстаивает д.и.н. Игорь Фроянов, проповедывающий теорию заговора по отношению к перестройщикам и считающий, что «Ельцин шел по пути, указанному Горбачевым».³²

При таком огульном отождествлении Горбачева с Ельциным, перестройка превращается в сплошной негативный процесс, который не заканчивается с уходом Горбачева, а продолжается, с неизбежностью превращаясь в политику неолиберального фундаментализма, со всеми вытекающими отсюда разрушительными социально-экономическими последствиями: небывалым падением жизненного уровня людей, социальным расколом общества на меньшинство сверхбогатых и большинство бедных и нищих людей, ростом преступности и детской беспризорности, и т.д.

Однако любому носителю незамутненного сознания должно быть понятно, что на самом деле между перестройкой Михаила Горбачева и постперестройкой Бориса Ельцина имеются существенные качественные различия. Не меньшие различия присущи и этим двум политическими деятелям.

Так, перестройщики никогда не ставили своей конечной целью — построение капитализма в стране, или копирование американской модели функционирования общества. Как мы уже отмечали, они пытались, особенно в первые годы перестройки, выявить и раскрыть в СССР демократический

«потенциал социалистического строя», дополнив его преимуществами социально ориентированной рыночной экономикой, которая наиболее характерна для стран Западной Европы, руководимых социал-демократами. Последователи Бориса Ельцина, напротив, словами своего лидера задолго до путча заявили о том, что «Россия сделала свой окончательный выбор. Она не пойдет по пути социализма, она не пойдет по пути коммунизма, она пойдет по цивилизованному пути, который прошли Соединенные Штаты Америки».³³

Уже много раз доказано, что «после того» не означает «вследствие того». Период радикальных реформ Ельцина — Гайдара есть не продолжение перестройки, а ее отрицание — как по социально-политическому содержанию, так и по методу общественных преобразований. Не следует забывать, что перестройка замысливалась и осуществлялась в интересах абсолютного большинства людей, о чем до самого последнего времени не уставал говорить Горбачев.³⁴ Что касается, «радикальных реформ» Ельцина, то они проводились в узких интересах кланов и групп, пришедших к власти после провала Августовского путча и роспуска СССР «беловежскими сидельцами».

Существует глубокое различие между перестройкой и постперестройкой и в методах реформирования общественных отношений. Так, опираясь на результаты общесоюзного референдума 1991 года, перестройщики стремились избегать крайних и, прежде всего, силовых методов решения накопившихся проблем, особенно в сфере социальных и национальных отношений. Сторонники неолиберального фундаментализма в окружении Бориса Ельцина, напротив, игнорируя результаты общесоюзного референдума, включали в свои действия многие радикальные акции, в том числе силовые. Отсюда такие авантюры, как развал Союза, инициирование и проведение «шоковой терапии» и «ваучерной приватизации», расстрел «Белого дома», развязывание войны в Чечне и т.д.

Различие исторических периодов Перестройки и Постперестройки проявляется и в различии самих политических фигур Михаила Горбачева и Бориса Ельцина. Они не случайно разошлись друг с другом как в понимании существа реформирования российского общества, так и в методах его реформирования. Главное их расхождение, конечно, касается вопроса о понимании целей реформ и тех интересов, ради которых они должны проводиться. Как уже отмечалось, в реформировании советского общества Горбачев, в противоположность Ельцину, всегда пытался исходить не из личных, а из общественных интересов. Что касается политики Бориса Ельцина, то в ней всегда доминировали интересы известных олигархических кланов или выгоды «семьи».

Отличающиеся друг от друга в понимании существа и методах реформирования общества, Ельцин и Горбачев резко отличаются друг от друга и в личностном плане. Один авторитарен, другой демократичен, один считается только с собой, другой прислушивается к мнению других, один — злопамятен до мелочей и не прощает ошибок даже своим прежним единомышленникам, другой готов простить ошибки не только своим друзьям, но своим бывшим противникам.

Что бы ни говорили сегодня либералы о недостаточности развития демократии в годы перестройки, это не идет ни в какое сравнение с тем, что они сделали, создав систему олигархического капитализма, полностью отодвинувшую массы от участия в управлении обществом и государством. Во времена ельцинского правления нарушение прав человека, особенно в социально-экономической сфере (право на труд и его своевременное вознаграждение, право на жилье, образование и медицинское обслуживание) стало обыденным явлением. Не лучше обстояли дела и в духовной сфере, в частности со свободой слова и независимостью СМИ. В стране, по сути дела, утвердился новый авторитаризм, прикрытый демократической риторикой. Многие пороки того времени продолжают существовать и даже усиливаться сегодня.

Все это делает перестройку весьма актуальными явлением.

Думается, история XX века должна многому научить политическую элиту России. Например, она пыталась строить социализм с явно «человеческим лицом» и он был отвергнут массами в годы «оттепели» и перестройки. Она создала при Ельцине «дикий» или «криминальный капитализм», и он тоже не принимается народом. Следовательно, остается «третий путь», перед выбором которого сегодня оказался президент В. Путин и его окружение. Альтернатива этого выбора такова: либо Россия пойдет по отыгранным историей неолиберальным колеям, что рано или поздно заведет ее в тупик, либо она встанет на перспективный «третий путь» общественного развития, главными ориентирами которого являются свобода, справедливость и интересы большинства, — путь, начало которого положила перестройка.

¹ Цит. по газете «Завтра», № 38, 2004, с.5.

² «Нью-Йорк таймс», 10.10 2004 г.

³ См.: Материалы конференций Горбачев–Фонда. Конференция: «Перестройка — наше прошлое или будущее?» 1 марта 2001 г. Сайт Горбачев–Фонда: http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=332).

⁴ См.: Горбачев-фонд. Семинар «Идеологические предпочтения населения России: новые тенденции» 16 ноября 2000 г. Сайт Горбачев-Фонда: http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=331.

⁵ Зиновьев А.А. Русская трагедия. Гибель утопии. М.: Алгоритм, 2002, с. 244-246.

⁶ Программа ВКПБ. В сб. «Материалы первого (Учредительного) Съезда Всероссийской Коммунистической Партии Будущего». М.: 2004, с.28-29.

⁷ См., например, Яковлев А.Н. Омут памяти. От Столыпина до Путина. В 2-х книгах М.: «Вагриус», 2001.

⁸ См. работы Д. Волкогонова, А. Яковлева, С. Кулешова, М. Геллера, Р. Пихоя и др. Анализ этих работ см.: Маслов Д.В. Историографические и методологические основы исследования состояния советской системы. Сергиев Посад, 2004.

⁹ Коэн С. Переосмысливая советский опыт. Политика и история с 1917 года. Chalidze publications. 1986, с.46-47.

¹⁰ Коэн С. Можно ли было реформировать советскую систему? «Политический журнал», 17. 01. 2005.

¹¹ Яковлев А.Н. Омут памяти. От Столыпина до Путина. Книга вторая. М.: «Вагриус», 2001, с. 27.

¹² См.: Материалы конференций Горбачев — фонда. Конференция: «Перестройка — наше прошлое или будущее?» 1 марта 2001г. Сайт Горбачев—Фонда: http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=332.

¹³ Неоконченная история. Беседы Михаила Горбачева с политологом Борисом Славным. М.: Олма-пресс, 2001, с.37.

¹⁴ Неоконченная история. Три цвета времени. Беседы Михаила Горбачева и политолога Бориса Славина. 2-ое изд. М.: Международные отношения, 2005, с. 208.

¹⁵ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн.1, М.:1995, с. 314-315, 365-367 и др.

¹⁶ М.Коробкова. Так что же социализм? // «Литературная газета». №5, 2005, с.11.

¹⁷ См.: Архив Горбачев—Фонда. Фонд № 2 Материалы А.С.Черняева, Оп. № 2. Разговор Горбачева с Черняевым насчет брошюры «О социализме», 7 августа 1988 года. Крым, Форос, дача «Заря».

¹⁸ См.: Михаил Горбачев — Зденек Млынарж. Диалог о перестройке, «Пражской весне» и о социализме. Рукопись книги. Архив Горбачев—Фонда, фонд № 1, опись № 3.

¹⁹ Там же.

²⁰ О проекте новой Программы КПСС. Доклад М. С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС 25 июля 1991 года. См.: «Правда» 26.07.1991.

²¹ См.: Архив Горбачев—Фонда. Запись А. Черняевым диктовки статьи М.С.Горбачева 02.08.1991 года.

²² См.: выступления В. Загладина и В. Медведева в Горбачев-фонде на «круглом столе» 26.11.2004 «Некоторые проблемы освещения истории Перестройки в учебниках». Сайт Горбачев-Фонда: http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=449.

²³ См.: Архив Горбачев-Фонда, Фонд № 1, Оп. № 4, 08.03.1992.

²⁴ Горбачев М.С. Выступление на международной конференции по проекту «К новой цивилизации» // Труды Фонда Горбачева, т.1, М.:2000,с.9,13.

²⁵ См.: М.С.Горбачев. К глобальному гуманизму. Выступление на XIX конгрессе Социал-интерна 16 сентября 1992 года. Годы трудных решений. М., 1993, с. 330 и др.

²⁶ Неоконченная история. Три цвета времени. Беседы Михаила Горбачева и политолога Бориса Славина. 2-ое изд., с.183-189.

²⁷ См.: его выступление в Мюнхенском театре «Каммершпиле» от 8 марта 1992 г. Архив Горбачев-Фонда, Фонд № 1, Оп. № 4, 08.03.1992.

²⁸ «Правда», 22 августа 1991.

²⁹ См. Горбачев-фонд. Выступление Л.Шевцовой на конференции «Перестройка — наше прошлое или будущее?» 1 марта 2001 г. Сайт Горбачев-Фонда: www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=332.

³⁰ Зюганов Г.А. О русских и России. М.: Молодая гвардия, 2004, с.67,178-180 и др.

³¹ Гайдар Е. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1997, с.9.

³² И. Фроянов. Архитектура разрушения // «Литературная газета». №5, 2005, с.11.

³³ См.: его выступление в Нью-Йоркском университете. Цит. по газете «Правда», 9 июля 1991 года.

³⁴ См.: Архив Горбачев-Фонда. Беседы М.С.Горбачева с В.Медведевым и А.Черняевым во время пребывания в Форосе 7, 10 и 13 августа 1991 года.

ПЕРЕСТРОЙКА, КАК ОНА ВИДЕЛАСЬ ИЗ ВАШИНГТОНА (1985-1991 гг.)

Джек Ф. Мэтлок

Несмотря на то, что некоторые аналитики из разведки предсказывали, что преемником Константина Черненко на посту Генерального секретаря ЦК КПСС станет Виктор Гришин, большинство американских официальных лиц не удивились, что после смерти Черненко в марте 1985 года Центральный Комитет избрал на этот пост Михаила Горбачева. Было ясно, что руководители брежневского поколения уже не способны решать проблемы страны. А проблем становилось все больше. Казалось очевидным, что избрание лидера, представлявшего более молодое поколение, отвечало интересам страны, что без этого невозможно вернуть Советскому Союзу ту динамику, которая была ему присуща в предыдущие периоды его истории. Складывалось впечатление, что Михаил Горбачев — наиболее естественная кандидатура на пост руководителя страны. Он был почти на тридцать лет моложе большинства членов Политбюро и удовлетворял минимальным, как у нас считалось, требованиям, чтобы стать Генеральным секретарем ЦК КПСС, будучи членом, как Политбюро, так и Секретариата ЦК. Более того, он, по-видимому, неофициально выполнял функции «второго секретаря», поскольку говорили, что в отсутствие Черненко он председательствовал на заседаниях Политбюро.

Джек Ф. Мэтлок — видный американский дипломат, в 1983-1987 гг. главный советник президента Рейгана по вопросам отношений с Советским Союзом, в 1987-1991 гг. посол США в Советском Союзе.

Но не все аналитики были уверены, что именно Горбачев станет преемником Черненко. Избрание Черненко после смерти Андропова, казалось, свидетельствовало о том, что представители брежневской генерации будут до самой смерти цепляться за власть, игнорируя реальные интересы страны. Однако визит Горбачева в Лондон в декабре 1984 года наводил на мысль, что советское руководство, возможно, готовилось сделать Горбачева следующим генеральным секретарем.

Президент Рональд Рейган был рад тому, что руководителем Советского Союза стал Горбачев. Начиная по крайней мере с 1983 года он надеялся встретиться с действующим советским лидером и начать процесс преодоления разногласий и прекращения гонки вооружений. Однако из-за слабого здоровья предшественников Горбачева, а также из-за отсутствия гибкости во внешней политике, которую они проводили, такая встреча была невозможной. Но поскольку было известно, что Горбачев моложе, чем его предшественники, что он здоров и полон энергии, у Рейгана появилась надежда, что они скоро встретятся. Он направил в Москву на похороны Черненко вице-президента Джорджа Буша и государственного секретаря Джорджа Шульца. Во время встречи с Горбачевым они передали ему приглашение Рейгана посетить Вашингтон.

По возвращении в Вашингтон вице-президент Буш и государственный секретарь Шульц доложили, что Горбачев оставил у них впечатление внятного и хорошо информированного человека. Понятно, что Горбачев ни словом не обмолвился о том, что готов как-то изменить советскую внешнюю политику, но казалось, что в отличие от своих непосредственных предшественников этот человек умеет думать сам, а не просто зачитывать по бумажке подготовленные для него заявления. Буш и Шульц согласились с оценкой, которую дала Горбачеву премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер после его визита в Лондон: с этим человеком Запад может иметь дело.

Никто не строил иллюзий, что с Горбачевым будет просто. Напротив, некоторые полагали, что он будет жестче, чем его предшественники. Когда в апреле 1985 года посол США в Москве Артур Хартман информировал президента Рейгана, он доложил ему, что Горбачев «человек узкий, с закостенелыми взглядами», и вообще в течение какого-то времени он будет заниматься укреплением своей власти. Шульц заметил, что Горбачев может оказаться «опаснее» своих предшественников, поскольку у него нет некоторых недостатков, которые были им присущи. После этой встречи Рейган записал в своем дневнике, что «с Горбачевым будет не легче, а то и труднее, чем с другими их лидерами».

Несмотря на это, Рейган очень хотел встретиться с Горбачевым и начать диалог, поскольку был убежден, что интересам Советского Союза

отвечало бы прекращение гонки вооружений, открытие страны внешнему влиянию и реформы, которые делали бы ее более демократичной и менее опасной для соседей. Он надеялся, что сможет встретиться с Горбачевым в Вашингтоне и кое-что показать ему Соединенные Штаты, но когда Горбачев вместо этого предложил встретиться в другом месте, Рейган согласился встретиться в ноябре 1985 года в Женеве.

И хотя состоявшаяся в Женеве встреча на высшем уровне не решила ни одной из «больших» проблем отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом, Рейган считал, что встреча прошла успешно. Горбачев понравился Рейгану, несмотря на различия между ними, и у него появилась надежда, что в конечном счете они сумеют найти общий язык. Он также считал важным, что Горбачев готов пойти на более широкие и интенсивные контакты между американскими и советскими гражданами, чего не допускали его предшественники. Соглашение о расширении обменов, подписанное в Женеве, со временем очень способствовало тому, чтобы уменьшить непонимание и недоверие в отношениях между простыми гражданами США и СССР.

В 1985 году о перестройке еще прямо не говорили; американцы следили за антиалкогольной кампанией и «ускорением». И хотя цель первой была похвальной — здоровье людей в СССР улучшилось бы, если бы меньше пили, — эту кампанию осуществляли неэффективными методами. Складывалось впечатление, что советские чиновники ничему не научились на примере провала «сухого закона» в США в 20-е годы. Что касается ускорения, то в отсутствие должных материальных стимулов советские граждане сопротивлялись попыткам заставить их интенсивнее работать. Американские аналитики отмечали, что решения советского руководства не дали желаемого результата, но что в течение 1985 года Горбачев укрепил свою власть достаточно для того, чтобы при желании впоследствии пойти на более серьезные реформы.

Проанализировав новую Программу КПСС, принятую XXVII Съездом партии в марте 1986 года, ЦРУ отметило, что эта программа «открывает для Горбачева новые возможности» и «ясно говорит о необходимости новой политики по выводу страны из застоя, но не дает конкретного плана действий». В докладе ЦРУ также отмечалось, что «судя по программе, партийное руководство считает укрепление экономической базы страны важным фактором улучшения перспектив во внешней политике». Одной из характерных черт Программы 1986 года, наводивших на мысль о приоритете экономических проблем, было то, что там раздел, посвященный внутренней политике, шел перед разделом о внешней политике, тогда как в Программе 1961 года на первом месте была внешняя политика¹.

В течение 1986 года политика гласности привлекала к себе больше внимания, нежели перестройка, да и само это слово использовалось лишь изредка. В августе ЦРУ подготовило доклад, в котором содержался следующий вывод:

Горбачев явно полагает, что более откровенный разговор в СМИ о внутренних проблемах страны поможет мобилизовать общественность на поддержку таких его политических инициатив, как борьба с пьянством, коррупцией и преступностью, и придаст легитимность обсуждению экономической реформы.

Горбачев также использует гласное обсуждение недостатков, присущих элите, чтобы заставить чиновников вести себя в соответствии с новыми стандартами, которые он задает.²

При этом в докладе отмечалось, что «существуют четкие границы, в пределах которых Горбачев стремится к гласности. Как и следовало ожидать, в советских средствах массовой информации отсутствует критика его руководства». В докладе также указывалось на то, что гласность «таит в себе серьезную опасность для режима и лично для Горбачева. Вынесение социальных проблем на обозрение общественности может стимулировать процесс социального брожения в среде интеллигенции и критику снизу, которые могут выйти из-под контроля».

В сентябре 1986 американское разведывательное сообщество выпустило документ «Согласованная разведывательная оценка», в котором прогнозировалось, какую политику будет проводить Горбачев в отношении США в ближайшие два года (1986–88). Был сделан вывод, что «режим Горбачева ставит цель воссоздать отношения с США по типу разрядки, чтобы уменьшить бремя соперничества в вооружениях и, соответственно, облегчить выполнение задачи экономического возрождения страны». Признавалось, что этот путь будет нелегким и вызовет споры в Москве, но, как предсказывалось в документе, «у Горбачева достаточно сильные политические позиции, чтобы сформировать в Политбюро консенсус в поддержку инициатив и решений, к которым он склоняется в отношениях с Соединенными Штатами»³.

Месяцем позже состоялась двухдневная встреча Рейгана с Горбачевым в Рейкьявике, в Исландии. На этих переговорах речь в основном шла о ядерном оружии и противоракетной обороне. Они почти пришли к согласию об уничтожении ядерного оружия в течение ближайших десяти лет. Однако оба руководителя отказались принять ключевые элементы в позициях друг друга и, по первому впечатлению, встреча закончилась неудачей.

неудачей. Однако, оглядываясь назад, можно сказать, что на этой встрече произошел поворот в личных отношениях между Рейганом и Горбачевым; поскольку каждый из них пришел к пониманию, что партнер по-настоящему заинтересован в прекращении гонки вооружений, особенно ядерных⁴.

Пленум Центрального Комитета, который много раз откладывали, был наконец созван в январе 1987 года, и он убедил аналитиков из американской разведки в том, что Горбачев действительно имеет в виду «системные преобразования» в Советском Союзе. (Прежде аналитики считали, что его намерения ограничиваются изменениями, которые не затрагивают советскую систему власти.) В докладе, представленном 11 марта 1987 года, то есть почти через полтора месяца после Пленума ЦК (а это наводит на мысль, что выводы доклада были сделаны в результате острой дискуссии), ЦРУ пришло к следующим выводам:

Горбачев пытается вдохнуть новую жизнь в институциональную структуру страны, чтобы устранить препятствия на пути успешного осуществления экономических реформ. Он ясно дал понять, что не имеет намерения ограничивать монополию партии на политическую власть или полномочия высшего руководства внутри партии. Его предложения были скорее направлены на придание системе большей энергии путем организации народного давления на консервативных чиновников на низовом уровне и создания у населения ощущения участия в политическом процессе...

Пленум четко показал, что теперь инициатива находится в руках у Горбачева и что в политическом отношении он достаточно силен, чтобы открыто добиваться крупных изменений политического курса и системных преобразований. Однако, перейдя в наступление, он повышает риск прямого столкновения с более консервативными элементами. [...] Его программа и его собственное политическое будущее переплелись как никогда тесно⁵.

Следующий Пленум Центрального Комитета, состоявшийся в июне 1987 года, стал еще одним шагом в принятии программы Горбачева. ЦРУ сообщало, что «в июне на Пленуме Центрального Комитета и на сессии Верховного Совета Генеральный секретарь Горбачев одержал крупную политическую победу, добившись одобрения рубежной программы комплексной экономической реформы, а также изменений в руководстве, что даст ему возможность лучше контролировать политическую повестку дня». ЦРУ отметило, что решение о проведении партийной конференции в 1988 году «вероятно, позволит ему еще более упрочить свои позиции в Центральном Комитете, где его сторонники ведут борьбу с консерватора-

ми брежневской поры, которые хотят ограничить масштабы реформ и замедлить их ход». Далее в докладе ЦРУ говорилось:

Одобрение Пленумом директив в отношении комплексного пакета мероприятий по экономической реформе вместе с ратификацией Верховным Советом нового Закона о государственном предприятии знаменуют водораздел в горбачевских поисках «нового экономического механизма». Прежде он вводил ограниченные и некомплексные экономические реформы, и критики в СССР и за его пределами настаивали на необходимости всеобъемлющего подхода. Новая программа [...] направлена на то, чтобы резко уменьшить жесткий контроль Центра над экономической деятельностью...

Приветствуя июньские решения 1987 года как «водораздел», ЦРУ предостерегало, что «при всей своей внушительности, они [достижения Горбачева] не гарантируют, что он долго пробудет на своем посту, равно как и не гарантируют успех экономической реформы. [...] В Политбюро и в Центральном Комитете все еще сохраняются консервативные силы, и некоторые руководители, которые раньше были союзниками Горбачева, считают, что он слишком торопится в своих действиях. В первую очередь не хочет изменений огромная государственная бюрократия»⁶.

В декабре 1987 года, за несколько недель до приезда Горбачева в Вашингтон, разведывательное сообщество выпустило документ «Согласованная разведывательная оценка». В нем содержалась всесторонняя оценка советской политики и прогноз политической жизни на предстоящие годы. Документ начинался с привлекавшего внимание заявления о том, что «Михаил Горбачев поставил на карту собственное будущее, предприняв смелую попытку вдохнуть новую жизнь в советское общество, усилить позиции Москвы в конкуренции с Западом и более активно продвигать советское влияние на глобальной арене. Реформы, за которые он выступает [...] потенциально способны привести к самым крупным изменениям в советской политике и в советских институтах за весь период после мобилизационных мер, введенных Сталиным в конце 20-х годов». Далее в докладе следующим образом описано «видение Горбачева»:

Мы полагаем, что Горбачев убежден в том, что сумеет осуществить значительные изменения в системе, а не просто слегка подправить ее, поскольку он ставит перед собой далеко идущие внутривнутриполитические и внешнеполитические задачи. *Для того, чтобы активизировать общество и оживить экономику, он:*

— Провел серьезную ротацию в партийном и государственном аппарате, чтобы укрепить свою власть и подготовить почву для осуществления своей далеко идущей политики.

— Намеревается перестроить основные институты сталинской системы. Он хочет создать «промежуточную систему», которая сохранит сущностные черты ленинской системы (верховенство коммунистической партии и стратегический контроль над основными направлениями экономики), одновременно встраивая в нее подходы, невиданные в СССР с 20-х годов, в частности политическую атмосферу большей терпимости к разнообразию мнений и их обсуждению, менее репрессивную среду существования для советских граждан, больший простор для рыночных сил в экономике и в определенной степени — экономическую конкуренцию.

Но хотя в документе содержался вывод, что Горбачев ставит перед собой цель радикального преобразования советского общества, одновременно в нем была высказана мысль о том, что во внешней политике Горбачев оставил традиционно советские задачи: «Прежде всего повышение безопасности советской территории, расширение советского влияния в мировом масштабе, а также продвижение коммунизма и оттеснение капитализма по всему земному шару». При этом в докладе выражалось мнение, что Горбачев хочет изменить стратегию и тактику Советского Союза, чтобы обеспечить выполнение этих задач: «Он считает, что более прагматический подход к идеологии, более гибкая и готовая к компромиссам дипломатия в отношениях с Западом, коммунистическим блоком, Китаем и третьим миром при соответствующем уменьшении фактора военного устрашения как инструмента внешней политики будут содействовать достижению поставленных им задач»⁷.

Дав такое определение целей Горбачева, авторы доклада оценивают, насколько вероятно, что Горбачев выполнит задуманное. По их мнению, наиболее вероятным результатом могло стать *обновление существующей системы*. Далее в докладе говорилось, что, учитывая препятствия на пути перемен, «маловероятно, что Горбачеву удастся пойти дальше *оздоровления* и провести так называемую *системную реформу*». Однако примечательно, что вероятность системной реформы полностью не исключалась: шансы на ее осуществление оценивались как один к трем. Что касается других возможностей, то в докладе содержался вывод, что возврат к более авторитарному неосталинистскому режиму менее вероятен, нежели проведение системной реформы, и затем указывалась: «Мы считаем, что на противоположном краю спектра шансы осуществить поворот к *демок-*

ратическому социализму, подразумевающему более радикальное, чем при системной реформе, движение к рыночной экономике и плюралистическому обществу, при всех обстоятельствах будут фактически равны нулю».

Доклады разведки, естественно, принимались во внимание при формировании позиции официальных лиц, отвечавших за разработку политики, но безусловными и окончательными они не считались. И президент Рейган, и государственный секретарь Шульц в своих суждениях все больше исходили из опыта личных контактов с советскими руководителями, в частности, разумеется, с Генеральным секретарем Горбачевым и с министром иностранных дел Эдуардом Шеварднадзе. По мере того, как эти контакты становились более частыми и активными, крепла уверенность в том, что Михаил Горбачев действительно принадлежит к совершенно иному типу советского руководителя и действительно нацелен на фундаментальную реформу, а может быть, и на движение к «демократическому социализму», хотя, по мнению американского разведывательного сообщества, это было практически невозможно.

На Рейгана произвело впечатление то, что Горбачев пошел на соглашение об уничтожении ядерных ракет средней дальности и на шаги, позволившие открыть советские средства массовой информации для серьезных дискуссий, а общество — для более близких контактов советских граждан с людьми на Западе. И хотя некоторые советники говорили Рейгану, что Горбачев хочет реформировать Советский Союз только для того, чтобы сделать его сильнее и эффективнее в проведении своей традиционной внешней политики, Рейган понимал, что новый Советский Союз, пусть даже более сильный, не будет представлять угрозы для США или для своих соседей, а скорее станет партнером в деле экономического развития и сохранения мира. Поэтому он рассчитывал увидеть признаки того, что Горбачев намеревается использовать перестройку для демократизации Советского Союза.

Самые убедительные признаки этого появились в мае 1988 года, когда Центральный Комитет КПСС выступил с «Тезисами» к XIX партийной конференции. В то время я уже год проработал послом США в Москве. В день, когда были опубликованы «Тезисы», я был в Финляндии, в Хельсинки, где помогал президенту Рейгану готовиться к визиту в Москву. Прочитав «Тезисы», я понял, что теперь уже не может быть никаких сомнений в решимости Горбачева осуществить фундаментальную реформу советской системы. Я охарактеризовал «Тезисы» президенту Рейгану и заметил, что если Горбачев сможет провести в жизнь содержащиеся в них идеи, «Советский Союз уже никогда не вернется к прошлому». Рейган согласился с этим, и через несколько дней, когда в Москве его спросили, продолжает ли он считать Советский Союз «империей зла», он ответил: «Нет. Теперь не то время. Та эпоха ушла».

А когда его спросили, кто изменил ситуацию, он без колебания ответил, что заслуга в этом принадлежит Горбачеву как руководителю страны.

Аналитики из американской разведки уделяли главное внимание ходу политической борьбы, вопросам экономической эффективности, военной доктрины и размещению ракет. При этом они мало интересовались идеологией. Зато президент Рейган живо интересовался идеологией, ибо он был убежден, что именно идеология была первопричиной напряженности периода холодной войны. Конечно, гонка вооружений и геополитическое соперничество были серьезными проблемами, и их необходимо было решить, но без изменений в идеологии было бы трудно навсегда покончить с холодной войной. Рейган часто говорил: «Государства не боятся друг друга, потому что они вооружены. Они вооружаются, потому что боятся друг друга». Прежде всего он хотел уменьшить то колоссальное недоверие, которое породила холодная война.

Будучи послом в Советском Союзе, я понимал, что идеология важна, пусть даже она перестала быть той мощной движущей силой, какой была в годы большевистской революции и при Сталине во время коллективизации. Не случайно брежневское руководство в 70-е годы, в период разрядки, заявило, что разрядка относится к отношениям между государствами с различными общественными системами, но не к идеологии. В частности, внешняя политика Советского Союза продолжала исходить из принципов «классовой борьбы на международной арене», что подразумевало недопустимость компромисса с «буржуазными» или «империалистическими» государствами — речь могла идти лишь о временном перемирии до тех пор, пока у Советского Союза не будет достаточно сил для выполнения своего интернационального долга в деле распространения «социализма» в его советском понимании.

По этой причине внимание американского посольства привлекли споры по поводу «общечеловеческих интересов», которые развернулись в советском руководстве в 1988 году. По большей части такие споры велись за закрытыми дверями, но иногда они становились достоянием гласности. Так было, когда газета «Советская Россия» опубликовала статью Нины Андреевой в защиту сталинизма, а Александр Яковлев и Егор Лигачев выступили с противоречащими друг другу заявлениями по этому вопросу. В беседе с министром иностранных дел Эдуардом Шеварднадзе, которая была посвящена другим вопросам, я упомянул об этой полемике. Он заверил меня, что Советский Союз больше не считает классовую борьбу на международной арене основой своей внешней политики. По сути дела, выступая в ООН 7 декабря 1988 года, Горбачев дал такие же заверения, сказав, что свободу выбора народов нельзя ограничивать.

После выступления в ООН Горбачев встретился с Рейганом и только что избранным президентом Джорджем Бушем на Губернаторском острове в Нью-Йоркской гавани. У меня было впечатление, что в идеологическом отношении эта встреча положила конец холодной войне. Рейган сказал Горбачеву, что будет молиться за то, чтобы его преемник продолжил политику им политику поиска договоренностей с Советским Союзом, и сделал запись в дневнике: «Встреча прошла с огромным успехом [...] Из сказанного Горбачевым можно сделать вывод, что он рассматривает нас как партнеров в деле строительства более совершенного мира».

Но хотя дух взаимоотношений между США и Советским Союзом изменился, оставалось еще много проблем, разделявших сверхдержавы. Европа по-прежнему была разделена на противостоящие военные блоки. Была разделена и Германия, в западной части которой были размещены американские войска, входящие в НАТО, а в восточной — советские войска, входящие в Варшавский Договор. Продолжались переговоры по соглашениям о сокращении стратегических ядерных вооружений и обычных сил в Европе, но перспективы их завершения были неясными. И хотя советские войска уходили из Афганистана, продолжались «непрямые конфликты» в Африке и Центральной Америке. Тем не менее заявление Горбачева в ООН о том, что СССР намерен сократить численность своих вооруженных сил на полмиллиона человек, произвело сильное впечатление на западные правительства и на общественность в Европе и в США.

В январе 1989 года, когда президент Буш вступил на свой пост, он объявил о том, что сформулирует свою политику в отношении Советского Союза после того, как проведет анализ прежней политики. Он намеревался и дальше в основном продолжать политику Рейгана (которую он поддерживал, будучи вице-президентом), но в то же время считал нужным убедить деятелей правого крыла республиканской партии в том, что он не проявляет «мягкотелости» и проводит собственную политику, а не просто продолжает то, что выработал его предшественник. Его главные советники находились под меньшим впечатлением от реформ Горбачева, чем в свое время президент Рейган и государственный секретарь Шульц. Это были «реалисты», которые обращали больше внимания на нерешенные вопросы холодной войны, чем на сдвиги в установках, произошедшие в 1987 и 1988 годах.

Незадолго до того, как Джордж Буш вступил на пост президента, американское разведывательное сообщество представило оценку перспектив экономической реформы в Советском Союзе. В докладе, озаглавленном «Экономическая программа Горбачева: предстоящие трудности», говорилось, что экономические результаты перестройки в лучшем случае можно охарактеризовать как скромные. Авторы предсказывали, что предстоит

трудный путь. Хотя сама политика, возможно, была перспективной, в условиях «раздраженного общества и скептически настроенной бюрократии» будет очень трудно добиться «увеличения производства потребительских товаров и услуг». Несмотря на такую пессимистическую картину, авторы признавали, что «Горбачев часто справлялся с неудачами, идя на радикальные шаги, и мы не можем исключить попытки быстрого перехода к рыночной экономике в государственном секторе»⁸.

Когда президент Буш объявил о том, что будет проведен анализ политики США в отношении Советского Союза, я послал ему из американского посольства в Москве три длинные телеграммы, в которых последовательно рассматривались внутренние события в Советском Союзе, советская внешняя политика и предложения, касающиеся политики США⁹. Некоторые чиновники из новой американской Администрации внушали президенту Бушу, что Горбачев рассчитывает наладить советскую экономику только затем, чтобы более эффективно бороться с США, и что самого Горбачева могут скоро отстранить от власти, если он не сменит курс, то есть произойдет то же самое, что было с Никитой Хрущевым, которого свергли в 1964 году. Цель моих телеграмм состояла в том, чтобы опровергнуть оба эти утверждения. Я предсказывал, что Горбачев, вероятнее всего, останется на своем посту в течение всего срока работы администрации Буша и даже дольше и что реформы, которые он проводит, приведут к глубоким изменениям в Советском Союзе. Однако у меня не было большой веры в то, что реформы существенно улучшат советскую экономику. Я также предсказывал проблемы в связи с появлением в Советском Союзе нарастающих признаков национальных конфликтов. Что касается политики США, то я рекомендовал следующее: «Перед нами открылась историческая возможность проверить, насколько Советский Союз стремится перейти к новым взаимоотношениям с остальным миром, и укрепить те тенденции в Советском Союзе, которые ведут к "более гражданской" экономике и более плюралистическому обществу». Политика США, писал я, должна быть направлена на поддержку перестройки, потому что демократизация советской политической системы и общества отвечает интересам США.

Не все американские официальные лица разделяли позицию посольства в Москве. Вот что сказано в документе «Согласованная разведывательная оценка», выпущенном в апреле 1989 года, о разногласиях между аналитиками в Вашингтоне:

- Некоторые аналитики рассматривают нынешние изменения в [советской] политике, как тактические, продиктованные необходимостью сделать передышку в соперничестве. Они считают, что

идеологические императивы марксизма-ленинизма и его враждебность к капиталистическим странам живучи. Они указывают на провал предыдущих попыток осуществить реформу и отмечают преходящий характер прежних «периодов разрядки». Они считают, что есть серьезный риск того, что Москва вернется к традиционно воинственной линии поведения, когда будут осуществлены задуманные положительные сдвиги в экономике.

- Другие аналитики полагают, что политика Горбачева отражает фундаментальное переосмысление национальных интересов и идеологии, а не только тактические соображения. Они утверждают, что пересматриваются такие идеологические положения марксизма-ленинизма, как классовая борьба и враждебность между капитализмом и социализмом. Они считают, что вывод войск из Афганистана и сдвиг в сторону терпимого отношения к разделению власти в Восточной Европе являются историческими сдвигами в представлениях Советского Союза о его национальных интересах. Они полагают, что преобразования, проводимые Горбачевым, способны дать достаточный импульс, чтобы сдвиги в поведении Советского Союза приобрели долгосрочный характер¹⁰.

Анализ политики, предпринятый президентом Бушем, длился несколько месяцев, но его встреча с Горбачевым на Мальте в декабре 1989 года дала новый импульс отношениям. Оба руководителя согласились с тем, что их страны перестали быть врагами, и Горбачев заверил Буша, что не станет вмешиваться в дела Восточной Европы, чтобы сохранить тамошние непопулярные режимы. Тем временем политические реформы в Советском Союзе разворачивались полным ходом, прошли выборы на альтернативной основе, был создан парламент, наделенный реальной властью (Съезд народных депутатов и его Верховный Совет), все больше ограничивалось право партийных чиновников на местах вмешиваться в решение хозяйственных вопросов. В отдельных республиках, в особенности в трех республиках Прибалтики, появились силы, требовавшие экономической самостоятельности, а когда им в этом было отказано, усилились настроения в пользу полной независимости.

Соединенные Штаты, как и большинство стран Запада, никогда не признавали законность включения Эстонии, Латвии и Литвы в состав Советского Союза. Поэтому лидеры США пытались убедить Горбачева найти путь восстановления независимости прибалтийских государств. Однако руководство США не стремилось к тому, чтобы из состава Советского Союза вышли остальные двенадцать республик. Оно поддерживало усилия

Горбачева по выработке Союзного договора, который стал бы демократической основой федеративного государства.

К концу ноября 1989 года американское разведывательное сообщество выпустило документ «Согласованная разведывательная оценка», озаглавленный «Советская система в состоянии кризиса: перспектива на ближайшие два года»¹¹. Доклад содержал следующий суммарный прогноз:

- Независимо от проводимой режимом политики, внутренний кризис в Советском Союзе будет длиться дольше двух лет, охватываемых настоящей «Оценкой». Режим еще многие годы будет сосредоточен на внутренних проблемах, он будет стремиться максимально снизить напряженность в отношениях с Соединенными Штатами и, вероятно, будет стремиться к договорешностям, которые позволили бы уменьшить соперничество в военной области и облегчить переключение ресурсов на гражданские цели.
- Несмотря на стоящие перед ним огромные проблемы, положение Горбачева в руководстве представляется относительно прочным, у него теперь больше власти и политических возможностей, чтобы справиться с кризисом.
- Будут прилагаться более активные усилия по определению пределов политических изменений, проявится более жесткий подход к национальным проблемам и к средствам массовой информации, но процесс политической либерализации будет расширяться, будут увеличиваться права и возможности законодательных органов и независимых политических организаций за счет прав и возможностей партии.
- Режим сосредоточит свои усилия на стабилизации экономики и, притормозив одни реформы, даст ход другим, направленным на повышение роли рынка и частного предпринимательства.
- Несмотря на эти усилия, мы не ожидаем существенного улучшения в состоянии экономики, более того — возможен экономический спад и дальнейший рост брожения внутри страны.
 - Аналитики разведки считают наиболее вероятным, что режим будет продолжать нынешний курс, наращивая реформы, но время от времени идя на отступление.
 - По менее вероятному сценарию, который все аналитики, тем не менее, считают возможным, политический кризис и экономический спад выйдут из-под контроля и приведут к принятию репрессивных мер, что будет означать конец всем серьезным реформам.

С особым мнением (что бываст крайне редко) выступил заместитель директора ЦРУ по разведке, который не согласился ни с тем, ни с другим сценарием. Он высказал следующий альтернативный взгляд:

Если Горбачев удержит власть и не пойдет на репрессии, в предстоящие два года, вероятно, произойдет значительное продвижение к плюралистической, хотя и хаотичной, демократической системе, которое будет сопровождаться высокой степенью политической нестабильности, социальными потрясениями и конфликтами на национальной почве, причем с большей остротой, чем считают авторы «Оценки». Учитывая эти обстоятельства, мы считаем, что есть большая вероятность того, что Горбачев в течение рассматриваемого в «Оценке» периода будет постепенно утрачивать контроль над событиями. Сильные политические позиции, которые он смог себе обеспечить, вероятно, будут подрываться, и его политическое положение подвергнется суровому испытанию.

Суть кризиса в Советском Союзе состоит в том, что ни политическая система, которую Горбачев пытается изменить, ни складывающаяся при нем новая система, скорее всего, не смогут дать эффективного ответа на требования всколыхнувшихся масс и на углубляющийся экономический кризис.

Этот документ появился за два года до того, как Борис Ельцин, Леонид Кравчук и Станислав Шушкевич встретились в Беловежской пуще и приняли решение о роспуске Советского Союза и создании на его месте Содружества Независимых Государств. Однако это был не тот результат, к которому стремились Соединенные Штаты. Более того, начиная с декабря 1989 года политика США заключалась в максимальной поддержке реформаторских усилий Горбачева.

Для разработчиков американской политики трудность состояла в том, что события, казалось, стремительно выходили из-под контроля Горбачева, причем с такой скоростью, что ни одна иностранная держава и помыслить не могла о том, чтобы как-то сдержать их или хотя бы серьезно на них повлиять. В мае 1990 года я направил аналитическую записку государственному секретарю Джеймсу Бейкеру в порядке подготовки его предстоящей встречи с Шеварднадзе. Она была озаглавлена «Горбачев столкнулся с кризисом власти»¹². По формальным признакам казалось, что Горбачев на вершине власти: был учрежден пост Президента и создан Президентский совет, что освободило Горбачева от множества ограничений, которые могло наложить на него Политбюро. Тем не менее пока что эти новые институты оказались недостаточно сильны

перед лицом возложенных на них задач. Вот как я охарактеризовал тогдашнее положение:

- Горбачеву еще предстоит сформировать связную систему легитимной власти вокруг новых государственных институтов, которые должны прийти на смену старой сталинской системе, в которой господствовала партия и которую он в значительной мере демонтировал. В отсутствие сильного властного центра советское общество подверглось фрагментации по национальному признаку и оказалось поляризованным в политическом отношении. Сама партия, пока еще остающаяся доминирующим политическим институтом, ввергнута во фракционную борьбу и, видимо, обречена раскол либо на XXVIII съезде, который состоится в июле, либо вскоре после него.
- Успех усилий Горбачева по модернизации советского общества при одновременном сохранении федерации представляется все более проблематичным. Демократизация и рыночные реформы усугубляют напряженность на региональной, национальной и классовой почве, что осложняет достижение национального консенсуса, необходимого для дальнейшего продвижения реформ. Как это случилось и раньше, Горбачев, видимо, намерен прибегнуть к решительным мерам для преодоления нынешнего кризиса. Он сказал, что ближайшие год-полтора решат судьбу процесса реформ. Тем не менее может случиться так, что в его распоряжении больше не останется решительных шагов, которые позволили бы проводить реформы при одновременном сохранении федерации...
- Несмотря на эти проблемы, у Горбачева имеется достаточно хороший шанс удержаться у руля власти еще какое-то время. На него давят, но у него еще не все потеряно. Смелое, эффективное использование им полномочий президента может поддержать его падающую популярность и авторитет...

Этот документ был послан после провозглашения независимости Литвы, которое Горбачев отказался признать, но при этом не пытался устраним литовское руководство с помощью военной силы. В последующие месяцы этого года были уничтожены последние существенные остатки холодной войны: Германии дали возможность воссоединиться, Советский Союз согласился с появлением некоммунистических правительств в странах Восточной Европы, входивших в Варшавский Договор, был подписан договор об ограничении обычных вооружений в Европе и вместе с другими членами Совета Безопасности ООН Советский Союз проголосовал за то,

чтобы осудить вторжение Ирака в Кувейт. Президент Буш искренне хотел поддержать перестройку и по просьбе Горбачева прислал делегацию видных американских бизнесменов для обсуждения вопросов экономического сотрудничества. Все они были заинтересованы в том, чтобы найти области потенциального инвестирования, и их компании были способны вложить миллиарды долларов в перспективные иностранные предприятия.

Горбачев принял американскую делегацию весьма любезно, но после обнадеживающей беседы поручил дальнейший разговор председателю Госплана Юрию Маслюкову, который пообещал, что через несколько дней передаст им список потенциальных объектов для инвестиций. Американское посольство несколько раз спрашивалось, можно ли получить этот список, чтобы потом передать его американским инвесторам, но так ничего и не получило. Этот случай, как и многие другие, убедил посольство в том, что советская бюрократия просто бойкотирует политику, объявленную Горбачевым. Под давлением Горбачев тоже стал колебаться: сначала он и Борис Ельцин заявили о поддержке плана «500 дней», но потом, когда бюрократия стала противодействовать этому плану, Горбачев перестал его поддерживать и распорядился, чтобы в него были включены противоречащие ему элементы правительственного плана стабилизации экономики. Тем временем экономика шла под откос.

К ноябрю 1990 года прогнозы, содержащиеся в «Согласованной разведывательной оценке», стали более тревожными:

В СССР полным ходом идут исторические преобразования, которые грозят расколом страны. Старый коммунистический порядок переживает агонию. Но его закоренелые сторонники продолжают оставаться силой, препятствующей персмам, а новым политическим партиям и институтам еще предстоит доказать свою эффективность. Подрыв влияния центра в сочетании с утверждением суверенитета в республиках создаст вакуум власти. Горбачев формально сосредоточил в своих руках колоссальную власть, но его способность эффективно ею распорядиться поставлена под сомнение. Тем временем экономическое положение непрерывно ухудшается.

Американское разведывательное сообщество пришло к выводу, что незначительные шансы на преодоление этого кризиса будут зависеть от улучшения работы экономики и от сотрудничества между Горбачевым и Ельциным, однако и то, и другое представлялось маловероятным¹³.

У президента Буша и государственного секретаря Бейкера было больше, чем у их разведывательных служб, надежд на то, что Горбачев справит-

ся с ситуацией. Американское посольство в Москве, хотя и признавало наличие серьезных проблем, стоявших перед Горбачевым, все же надеялось, что он найдет пути дальнейшего продвижения перестройки. Зимой 1990 и 1991 года пополнились упорные слухи о возможной отставке Горбачева. Мое мнение, которое я несколько раз высказывал в своих донесениях в Вашингтон, состояло в том, что Горбачева невозможно отстранить от власти неконституционным путем, пока он пользуется полной поддержкой председателя КГБ, начальника кремлевской охраны и министра обороны. Тем не менее проблемы нарастали, и «поворот Горбачева вправо» в ноябре 1990 года, когда он заменил нескольких ключевых официальных лиц, драматическая отставка Шеварднадзе, последовавшая в декабре, и назначение ненадежных людей на посты вице-президента и премьер-министра заронили в умы многих сомнения в умении Горбачева разбираться в людях.

Казалось, что кризисы следуют один за другим. Для Вашингтона самым важным был шторм телебашни в Вильнюсе в январе 1991 года. Горбачев отрицал, что это было сделано по его приказу (и я верил ему), но если это делалось не по его указанию, то почему он сразу же не отреагировал и не отдал под суд тех, кто учинил это вопиющее беззаконие? То, что он не сумел сразу внести ясность в ситуацию, навело многих наблюдателей в Москве на мысль, что он или что-то скрывает, или утратил контроль над органами безопасности. Выступая в Минске в феврале, Горбачев обрушился с нападениями на «демократические» силы, как будто это его враги, способные совершить незаконный захват власти. Затем он приложил много политической энергии, чтобы провести не обязывающий референдум о судьбе союза, который в результате принес больше вреда, чем пользы, так как вопросы для референдума в разных республиках были сформулированы по-разному, а в некоторых из них референдум вообще не проводился. К тому же в РСФСР на референдум одновременно был вынесен вопрос об учреждении поста Президента России, что усилило позиции Ельцина, бросившего вызов власти Горбачева. Затем, в конце марта, Горбачев санкционировал ввод войск в Москву, чтобы воспрепятствовать демонстрации, которая все равно состоялась, причем практически без проявлений насилия.

У нас в посольстве и у большинства аналитиков из разведки сложилось впечатление, что для успеха перестройки Горбачев нуждается в «демократах». Может быть, с ними трудно иметь дело, а в своих радикальных предложениях они заходят слишком далеко. И все же, если Горбачев утратит их поддержку, поддавшись давлению «силовых министерств», то как тогда он сможет успешно осуществлять предложенные им реформы? Высказанная Горбачевым в Минске мысль, что «демократы» планируют незаконный захват власти, казалась нам нелпой. Всем было известно,

что органы безопасности, большинство офицерского корпуса и основная масса партийных аппаратчиков — против демократов. У демократов не было реальной возможности осуществить насильственный захват власти, даже если допустить, что они ставили себе такую цель. Но насколько мы в посольстве могли судить, такой цели у них не было. Посольство могло лишь предполагать, что Горбачева ввели в заблуждение его собственные спецслужбы, у которых, видимо, были свои собственные цели. Ввод войск в Москву в марте для контроля над демонстрацией казался зловещей репетицией захвата власти органами безопасности.

В вихре этих событий аналитический отдел ЦРУ, занимавшийся Советским Союзом, 25 апреля 1991 года выпустил доклад под названием «Кипящий советский котел», в котором содержались следующие суммарные выводы¹⁴:

1. Экономический кризис, стремление к независимости и антикоммунистические силы рушат советскую империю и систему правления.
2. В этом хаосе Горбачев из страстного реформатора превратился в консолидатора. [...] Горбачев выбрал этот курс, руководствуясь как собственными политическими убеждениями, так и потому, что к этому его вынуждали другие традиционалисты, которые хотели бы, чтобы он использовал гораздо более жесткие репрессивные меры.
3. В своем стремлении освободить СССР от несостоятельной, окостеневшей старой системы Горбачев оказался в ситуации, когда имеющийся у него выбор вариантов поистине незавиден. Его маневрирование пока что позволило ему сохранить власть в своих руках и необратимо изменить систему, но одновременно затянуло и осложнило агонию перехода к новой системе и создало патовую политическую ситуацию в общем уравнении власти.
4. В такой ситуации увеличивающегося хаоса все более возрастает вероятность взрывного развития событий.
5. ...Заранее спланированная, организованная попытка восстановления полномасштабной диктатуры привела бы к полной катастрофе, ибо стремление отобрать недавно обретенные свободы привело бы к дестабилизирующим долговременным последствиям. К сожалению, подготовка к диктаторскому правлению началась и идет по двум направлениям:
 - а) возможно, Горбачев не хочет такого поворота событий, но он увеличил его вероятность произведенными им кадровыми назначениями, отчуждением от реформаторов и как результат — опорой на традиционалистов, чьи позиции он таким

- образом усиливает, а также попытками управлять страной с помощью указов, которые неэффективны, но создают соблазн диктатуры, которая бы обеспечила их эффективность;
- б) еще более зловещим предзнаменованием является то, что руководители вооруженных сил, МВД и КГБ начали приготовления к широкому использованию силы в политическом процессе;
 - в) в последнее время проводится кампания по выводу в отставку или, по крайней мере, отстранению с ключевых постов демократически настроенных военных.
6. Если реакция пойдет на решительные действия, будь то вместе с Горбачевым или без него, ее первой мишенью на этот раз станет Борис Ельцин и российские демократы.
 7. Любая попытка восстановления полномасштабной диктатуры начнется в Москве с ареста или убийства Ельцина и других лидеров-демократов. [...] Будет создан комитет национального спасения — возможно, под менее дискредитировавшим себя названием, — который провозгласит лозунг спасения отечества с помощью суровых, по временным мер...
 - Долгосрочные перспективы такой затеи плохи, и даже временный успех ей далеко не гарантирован.
 - Численность войск, на которые можно было бы полагаться при осуществлении репрессивного сценария, ограничена.

Далее в докладе следуют рассуждения о том, какие последствия может вызвать попытка путча для нерусских республик (это приведет к еще более активным требованиям независимости), и наконец высказывается суждение, что «с Горбачевым или без него, с путчем или без путча, вероятнее всего, что в конце десятилетия, а то и раньше, произойдет преобразование Советского Союза, в результате которого возникнут несколько независимых государств и конфедерация оставшихся республик, в которую войдет Россия».

В Вашингтоне на политическом уровне продолжали надеяться, что Горбачев сумеет избежать распада Союза. То, что в апреле он возобновил Ново-Огаревский процесс переговоров с руководителями союзных республик, внушало надежду, в то же время разработка выполнимого плана экономической реформы никак не давалась ему. Он не сумел заручиться значительной экономической поддержкой Запада на апрельской встрече «Большой семерки», которая проходила в Лондоне, и дело было не в равнодушии или враждебности руководителей Запада. Все они рады были бы помочь, если бы это было возможно. Но внушающего доверия плана раз-

ворота экономики не было, и иностранные лидеры пришли к выводу, что финансовая помощь просто ушла бы в песок. Они, может быть, и хотели бы помочь запустить механизм, но механизма не было.

В июне, когда мы получили сведения, что высшие руководители, в том числе председатель КГБ Крючков, премьер-министр Павлов и министр обороны Язов планируют осуществить захват власти, мы попытались предупредить Горбачева. Однако он отнесся к предупреждению без должной серьезности, может быть потому, что мы не назвали заговорщиков поименно, а ограничились предостережением общего характера. Тем не менее попытка предупредить его ясно показала, что правительству США не хотелось бы, чтобы в Москве произошла смена руководства. Более того, когда в конце июля президент Буш приехал в СССР с государственным визитом, он попытался убедить нерусские союзные республики подписать Союзный договор, согласованный Горбачевым. Первого августа Буш посетил Киев и выступил в украинском парламенте с речью, которая была, по существу, обращением ко всем нерусским союзным республикам за исключением Прибалтики. Указав на то, что свобода и независимость не являются синонимами, он рекомендовал республикам избрать свободу, пойдя на подписание горбачевского Союзного договора и создание на его основе федерации.

В тот момент казалось, что несколько республик, хотя и не все, готовы подписать договор. Однако планы подписания были отложены в сторону, когда в ночь с 18 на 19 августа была совершена попытка государственного переворота. И хотя путч провалился, он настолько подорвал власть Горбачева, что он не смог сохранить даже добровольную федерацию. Американское правительство было недовольно таким поворотом событий, но теперь уже не могло ничего сделать, чтобы помешать распаду СССР.

На мой взгляд, было бы неверно считать распад Советского Союза провалом перестройки. Будучи Генеральным секретарем ЦК КПСС и президентом, Горбачев часто заявлял, что перестройка есть объективный процесс, не зависящий от воли одного человека. Этот процесс продолжился во многих бывших советских республиках после того, как они обрели независимость. Он продолжается и по сей день, терпя поражения на одних участках и продвигаясь вперед на других. Перестройка оказалась более длительным и более трудным процессом, чем вначале думали ее авторы. Но ее основные идеи сохранили свою значимость, причем не только в России и в других государствах — преемниках Советского Союза, но и в более широком плане. Политические лидеры, которые сумеют провести эти идеи в жизнь, поведут вперед общество с большим успехом, чем те, кто откажется от этих идей или проигнорирует их.

¹ The New CPSU Program: Charting the Soviet Future [SOV-86-10022], выпущено ЦРУ 1 апреля 1986 года.

² The Debate over 'Openness' in Soviet Propaganda and Culture, выпущено ЦРУ 1 августа 1986 года.

³ Gorbachev's Policy Toward the United States, 1986-88, выпущено 1 сентября 1986 г.

⁴ Я писал о встрече в Рейкьявике и ее последствиях. См.: Matlock J.F. Reagan and Gorbachev: How the Cold War Ended, New York: Random House, 2004, pp. 215-250.

⁵ The January Plenum: Gorbachev Draws the Battlelines, выпущено 11 марта 1987 года.

⁶ The June Plenum and Supreme Soviet Session: Building Support for Economic Change, выпущено в сентябре 1987 года.

⁷ Whither Gorbachev: Soviet Policy and Politics in the 1990s [NIE 11-18-87], выпущено в ноябре 1987 года.

⁸ NIE 11-23-88 of December 1988, published in: Benjamin B. Fischer (ed.). At Cold War's End: U.S. Intelligence on the Soviet Union and Eastern Europe, 1989-1991, Washington: Government Reprints Press, 2001, pp. 1-26.

⁹ 89 Moscow 02962; 89 Moscow 03850; 89 Moscow 04648. Это были секретные документы, позднее секретность с них была снята, и с ними можно ознакомиться в Историческом отделе Государственного департамента.

¹⁰ NIE 11-4-89, Soviet Policy Toward the West: The Gorbachev Challenge, published in: Benjamin B. Fischer, editor. At Cold War's End, pp. 227-254.

¹¹ NIE 11-18-89, published in: Benjamin B. Fischer, editor. At Cold War's End, pp. 49-81.

¹² 90 Moscow 15714, с этого документа была снята секретность, и его можно получить в электронном виде в электронном читальном зале Государственного департамента.

¹³ NIE 11-18-90, The Deepening Crisis in the USSR: Prospects for the Next Year, published in: Benjamin B. Fischer, editor. At Cold War's End, pp. 83-110.

¹⁴ Published in: Benjamin B. Fischer, editor. At Cold War's End, pp. 111-119.

ЧАСТЬ II.

О времени и о себе

Легко ли поймать черную кошку в темной комнате,
даже если она там есть? *Александр Некипелов*

Исторический перелом: раздумья очевидца. *Олег Богомолов*

Кровь — это не обязательно. *Николай Шмелев*

...Эти лучшие три года. *Анатолий Адамишин*

Горбачев и перестройка: парадоксы ретроспективного взгляда.
Родрик Брейтвейт

Продолжение должно последовать. *Вадим Загладин*

Новос мышление: вчера и на будущее. *Анатолий Черняев*

Что за словом? *Павел Палажченко*

Доспорить с историей. *Андрей Грачев*

Новое начало, казалось бы, неподъемного дела
(субъективные заметки о перестройке). *Георгий Остроумов*

Перестройка, как она видится сегодня. *Вадим Межуев*

Перестройка глазами московского гуманитария.
Дмитрий Фурман

Не возводите хулу на перестройку! *Александр Цитко*

Двадцать лет спустя... *Лилия Шевцова*

Легко ли поймать черную кошку в темной комнате, даже если она там есть?

Александр Некипелов

Многочисленные опросы показывают, что подавляющее большинство граждан, в том числе и пострадавших в материальном отношении в ходе преобразований последних двух десятилетий, не хотят возврата в прошлое. Казалось бы: чем не доказательство того, что перестройка удалась?

Однако, такая аргументация не встречает широкой поддержки. Перестройка продолжает рассматриваться значительной частью населения и элиты как один из крупных провалов («катастрофка») в истории страны. И это парадоксальным образом уживается с сегодняшним убеждением основной части интеллектуалов и политиков, да и населения в целом, в том, что сколько-нибудь серьезной альтернативы переходу на рельсы демократического общества и рыночной капиталистической экономики у страны не было.

Я не психоаналитик, но думаю, что причина столь необычных, с точки зрения формальной логики, умонастроений состоит в несоответствии нынешней реальности тем надеждам, которые разбудила перестройка. Мы предпочитаем нынешнее общество тому, «реально социалистическому» (все таки свобода — великая вещь!) и одновременно считаем его «и в подметки не годящимся» смутной мечте об «обновленном обществе», которая очаровала страну в начале второй половины 80-х годов.

Некипелов Александр Дмитриевич — академик, вице-президент Российской академии наук; в начале перестройки — заведующий сектором, заместитель директора, директор Института мировых экономических и политических исследований (ИМЭПИ) АН СССР.

В течение прошедших двух десятилетий в нашей жизни произошли кардинальные изменения. Важные шаги сделаны в переходе от тоталитарной системы политического устройства к демократической. Были демонтированы механизмы директивного управления экономикой и проведена значительная либерализация хозяйственной деятельности; сложились основные институты рыночной экономики (частная собственность, базовая инфраструктура товарных и факторных рынков). С окончанием холодной войны исчезла угроза вовлечения страны в глобальный конфликт, появилась реальная возможность концентрации ресурсов на решении насущных проблем внутреннего развития.

Вместе с тем истекший период стал источником драматических вызовов для нашего государства. Процесс социально-экономической и политической трансформации сопровождался распадом Советского Союза и появлением дезинтеграционных тенденций на территории России, глубоким падением и примитивизацией производства, накоплением серьезнейших социальных проблем. Значительная часть российского населения оказалась за чертой бедности. Подорваны гарантии на труд и жилье, бесплатное образование и медицинское обслуживание. Небывало возрос уровень преступности и детской беспризорности, резко сократилась продолжительность жизни. На фоне общего падения жизненного уровня произошло глубокое расслоение российского общества по величине получаемых доходов.

Стоит ли удивляться, что инициатор перемен М.С.Горбачев — человек, стоящий в интеллектуальном и нравственном отношении на голову выше Б.Н.Ельцина, — все еще остается в глазах многих соотечественников «главным отрицательным героем» всего периода трансформации нашего общества. Он «виноват» во всем: и в том, что не стал решительно на сторону Б.Н.Ельцина, и в том, что окончательно не удалил его из политики; и в том, что был чрезмерно мягок и демократичен, и в том, что не пошел на поводу у межрегиональной группы; и в том, что не слушал ничьих советов, и в том, что окружал себя «не теми» советчиками. Он даже виноват в том, что «выпустил нас на свободу», не имея четкого представления о том, как мы ею воспользуемся. В сущности, на нем сконцентрировалась вся наша досада на самих себя за бестолково использованный исторический шанс.

Конечно, никто не может освободить политического лидера от ответственности за последствия инициированных им реформ. Но сама эта ответственность, в идеале, должна тщательно соизмеряться с объективными условиями исторического времени, в котором были предприняты соответствующие преобразования. Причем, и мне хотелось бы это особо подчеркнуть, к объективным условиям нужно относить и комплекс знаний, которым располагало в тот момент общество. Легко быть умным «задним

числом», но не следует упускать из виду, что людям, принимающим решения, приходится действовать в режиме реального времени. Нельзя также забывать, что сегодняшние взгляды большинства из нас очень серьезно отличаются от наших же взглядов того времени. И дело здесь, конечно, не в предательстве идеалов: просто история существенно расширила наш кругозор, а возможно, и привела на смену старым предрассудкам новые.

Человек, видимо, так устроен, что труднее всего ему признавать серьезную эволюцию своих взглядов. Каждому из нас кажется, что уж он-то всегда стоял на одной — правильной, разумеется — позиции, а «ничем не объяснимое» нежелание соотечественников прислушаться к его советам и привело страну к катастрофе. Но, как бы ни было сложно, мы должны научиться подвергать честному, я бы даже сказал, беспощадному анализу свои собственные взгляды и поступки. Только в этом случае мы сможем, действительно, что-то понять в происходивших и происходящих событиях.

Возьмем, к примеру, ситуацию в экономической науке накануне и в начале перестройки. Заезженным штампом стало утверждение, что научное противоборство в этой сфере шло между «догматиками-цаголовцами» и «прогрессивными» экономистами, выступавшими за развитие рыночных (или, как тогда принято было говорить, товарно-денежных) отношений. Как и любой штамп, эта оценка представляется крайне упрощенной.

Для «цаголовской школы», воспитанником которой я являюсь, было, действительно, свойственно отношение к «товарно-денежным отношениям» при социализме как к чему-то второстепенному. Конечно, мало кто из нас солидаризировался с крайней позицией проф. Н.В.Хессина, в соответствии с которой социализм и товарные отношения несовместимы в принципе. Господствовала более умеренная точка зрения: товарные отношения носят в рамках данной формы организации экономики подчиненный характер, развиваясь как бы «в порах планомерности». Сама необходимость «планомерного использования закона стоимости» рассматривалась как свидетельство недостаточного уровня развития производительных сил (реального «обобществления производства») для тотального господства планомерной формы. Соответственно, хозрасчет социалистических предприятий трактовался как важный на данном этапе развития общества, элемент хозяйственного механизма, призванный обеспечить эффективный синтез «планомерности и товарности» при обязательном господстве планомерности.

Критиковать сегодня этот подход просто, но важно, как мне кажется, иметь в виду и то здоровое зерно, которое он содержал и которое, к сожалению, было упущено в ходе преобразований, начавшихся с перестройки. Речь идет о понимании целостного характера экономической системы во-

обще и планового социалистического хозяйства (командной экономики — в нашем нынешнем понимании), в частности. Именно поэтому, не отрицая возможности и даже целесообразности имплантации в действовавшую хозяйственную систему элементов рынка, «цаголовцы» внимательно следили за тем, чтобы «количество не перешло в качество», то есть, чтобы не была подорвана сама система планового управления экономикой.

С методологической точки зрения, сторонники данного направления советской экономической науки были близки к неоклассикам на Западе: оба течения придавали (а неоклассики придают и сегодня) огромное значение господствующим типу собственности и форме хозяйственных связей. Знаки, разумеется, прямо противоположные: для «цаголовцев» идеалом являлись общественная собственность и планомерность, а для неоклассиков — частная собственность и рынок. Кстати говоря, на это обстоятельство обратил внимание еще в доперестроечный период мой коллега по Институту экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) АН СССР О.А.Дзыза.

«Товарники», несомненно, верно определили общий вектор развития советской экономики — движение в сторону децентрализации, усиления воздействия рыночных механизмов, повышение гибкости хозяйственной системы. Они чувствовали бесперспективность попыток улучшить положение дел в экономике без ухода от системы командно-административного централизованного управления. При этом плановый характер социалистического хозяйства под сомнение не ставился: речь шла лишь об изменении его характера (от командно-административного к «экономическому»). Соответственно, «товарники» не принимали фактического противопоставления планомерности и товарности, свойственного «цаголовцам». Расширение хозяйственных прав предприятий вкупе с внедрением методов нормативного планирования и совершенствованием ценообразования должно было, с их точки зрения, обеспечить качественный рост эффективности социалистического производства. Вопрос собственности для «советских товарников» не имел особого значения, поэтому они и не предлагали отказываться от господства общественной собственности. Эта позиция роднила их со сторонниками идей конвергенции на Западе.

Но вот что очень важно. С позиций сегодняшнего дня мы должны признать, что и «цаголовцы», и «товарники» находились в плену общего ошибочного представления о природе рыночной экономики. Им казалось, что стоит ликвидировать Госплан, а с ним и господство вертикальных связей в хозяйственной системе, передать право принятия основных экономических решений предприятиям, и рыночный механизм («закон стоимости») заработает в полную силу. И не важно, что они очень по-разному относи-

лись к самой этой перспективе. Ключевые вопросы, касающиеся формирования у хозяйственных субъектов подлинно рыночной мотивации, создания институтов рыночной экономики, обеспечивающих переток факторов производства в наиболее прибыльные области, в сущности, оставались вне поля зрения советской экономической науки. Книга выдающегося венгерского ученого Я.Корнаи «Дефицит», обобщавшая опыт венгерских реформ, не была, в сущности, понята. А ведь в ней речь как раз и шла о том, что децентрализация управления — необходимое, но недостаточное условие формирования рынка.

Любопытно проследить, каким образом такое положение в советской экономической науке сказывалось на динамике перестроечного процесса.

Начну с бесспорного: к середине 80-х годов очень многие люди в стране в большей или меньшей мере осознавали, что больше «так жить нельзя». Было ясно, что общество сталкивается с серьезными проблемами в самых разных сферах. Нас беспокоили не только стагнирующая экономика, но и достигшее критического уровня несоответствие между словом и делом, уровнем образованности общества и архаичными ритуалами, заполнявшими заметную часть жизни. Причем, обсуждение этих проблем начинало еще до начала перестройки выходить за пределы «кухонь». Сошлюсь на частный, но, с моей точки зрения, очень показательный пример. То ли осенью 1984, то ли в самом начале 1985 года на партсобрании дипломатического состава советского посольства в Румынии, где я тогда работал как представитель ИЭМСС АН СССР, «по инициативе снизу» с большой озабоченностью обсуждался вопрос о принявшем в СССР опасные размеры «двойном мышлении». Из посольства, надо сказать, и ранее отправлялось в центр немало документов «двойного назначения», высмеивавших фарисейский характер псевдо-демократических институтов в Румынии времен Н.Чаушеску. Но одно дело — опирающиеся на опыт «братского государства» аллюзии, а другое — открытое обсуждение соответствующих вопросов применительно к собственной стране.

Однако от констатации недомогания до верного диагноза — дистанция огромного размера. Убежден, что в самом начале перестройки подавляющее большинство научной и политической элиты СССР искренне считали, что коль скоро мы, наконец, оказались в состоянии взглянуть на мир открытыми глазами, его рациональное преобразование является, так сказать, «делом техники». Тем более, что «заминки» в общественном развитии страны мы тогда связывали не с пороками общей конструкции, а с имеющимися субъективные основания деформациями здорового в своей основе социального устройства.

Отсюда — особое внимание, которое уделяется на начальном этапе перестройки отличиям сложившейся модели советского общественного устройства от той идеальной модели, которая была в самых общих чертах сформулирована в работах классиков марксизма. Задача преодоления «деформаций» выходит на первый план, лозунгом целого этапа перестройки становится «Больше социализма!». Гласность рассматривается как мощное оружие в борьбе за «возврат к основам». В экономической сфере ключевой считается задача «ускорения», включающая в себя проведение крупномасштабного структурного маневра с целью модернизации народного хозяйства.

Важно подчеркнуть, что эти настроения носили практически всеобщий характер. Сошлюсь на пару примеров из собственного опыта. В мае 1985 г. в Бухарест в командировку приехал сотрудник нашего Института профессор М.А.Мунтян. Хорошо помню, как рассказывая в личной беседе о происходящих в стране событиях, он не жалел самых ярких эпитетов. Особенно запомнилось: «Горбачев — это Ленин нашего времени». По возвращении в Москву из Румынии получаю летом 1985 г. предложение от академика О.Т.Богомолова, одного из самых прогрессивных советских экономистов, возглавить в ИЭМСС АН СССР сектор, который занимался бы вопросами структурно-инвестиционного маневра в сотрудничестве стран СЭВ. Олег Тимофеевич был немало удивлен настойчивой просьбе возложить на меня руководство сектором, ведавшим проблематикой механизма экономической интеграции в рамках СЭВ. Очень многим достойным людям казалось в тот начальный период перестройки, что не в экономической системе дело...

Постепенно ограниченность действий с позиций «очищения социализма» становится все более очевидной. Обозначается новый вектор преобразований — в экономике это движение к рынку. Однако четкая «картинка», по крайней мере с точки зрения наших сегодняшних представлений, никак не складывается. Практические действия носят поэтому спорадический, несистемный характер. Здесь и меры, направленные на изменение пропорций цен, и эксперименты в поиске чудодейственных экономических показателей, и шаги по «раскрепощению» социалистических госпредприятий, и ставка на аренду и кооперативы.

На этом этапе резко обостряется идейная борьба вокруг выбора пути общественного развития в целом и экономического, в частности. В экономической науке она ведется между адептами модернизации системы централизованно управляемой социалистической экономики и сторонниками перехода к той или иной разновидности «рыночного социализма». Последние постепенно побеждают, но успехи даются непросто. Достаточно

сказать, что само понятие «рынок» получает права гражданства первоначально в отношении сферы взаимоотношений стран СЭВ, когда в 1986 г. официально формулируется задача формирования «объединенного социалистического рынка».

На этой истории есть смысл остановиться подробнее. В советской экономической науке, по сути с момента образования СЭВ, признавалось существование «мирового социалистического рынка» с присущими ему атрибутами — ценами взаимной торговли, валютными и кредитными отношениями. При этом, разумеется, подчеркивалось, что это особый, планомерно регулируемый рынок.

В середине 70-х годов автор этих строк попытался поставить эту позицию под сомнение. Я утверждал, что возмездный характер обмена в условиях, когда практически все его параметры согласуются заранее в плановом порядке на государственном уровне, не может рассматриваться как признак наличия рынка, и что весь обслуживающий этот обмен «товарно-денежный инструментарий» лишь по форме напоминает рыночный оригинал.

Постановка вопроса в 1986 г. качественно отличалась от прежних стерильных рассуждений о мировом социалистическом рынке тем, что речь здесь шла о широком развитии отношений на микроуровне («прямые связи»). Уже тогда было ясно, что реально надеяться на формирование интеграционного рынка до того, как в социалистических странах будут сформированы полнокровные внутренние рынки, не приходится. Но именно в этом и состоял позитивный заряд данной идеи: она подталкивала к признанию необходимости подлинно рыночных реформ.

Однако нельзя не признать, что победа рыночной идеологии (победа «условных товарников» над «условными цаголовцами») сопровождалась нарастанием экономических проблем, разбалансированием всего народного хозяйства. И дело здесь не в ошибочности ставки на рынок или, тем более, в нерешительности власти. Проблема в том, что осознав необходимость рынка, мы все еще очень поверхностно представляли себе его суть, а потому наши действия носили отрывочный, некомплексный характер и зачастую осуществлялись не в той последовательности. Результатом стало попадание страны в своеобразное «межсистемье» — уже не плановая социалистическая экономика, но еще и не рыночная.

Постепенно формируется понимание значимости соответствующим образом мотивированных хозяйственных субъектов для нормального функционирования рыночных механизмов. К этому подводит и ставшая явной негативная практика фактического растаскивания руководителями «раскрепощенных предприятий» доходов от имущества, формально

остающегося в общественной собственности. В результате под занавес перестройки разрабатывается закон о приватизации, который направлен на акционирование основной части госсектора. Появляется перспектива возникновения органичной рыночной среды в условиях реального многообразия форм собственности. По сути, уже тогда страна начала прощаться с надеждой на воплощение модели рыночного социализма в чистом виде.

Конечно, идейная борьба не прекращается, в том числе в лагере «рыночников». Я и тогда был сторонником подхода, лежавшего в основе программы Рыжкова-Абалкина, остаюсь им и сегодня. Убежден, что реализация программы «500 дней», ориентированной на немедленное снятие всех ограничений на пути действия рыночных сил, была сопряжена с колоссальным структурным шоком и вытекающим из него шлейфом острейших социальных проблем. В сущности, все это подтвердилось с началом гайдаровских реформ. Поэтому для меня «нерешительная» позиция, занятая М.С.Горбачевым в этом споре, когда он находился под беспрецедентным давлением «демократической оппозиции», является свидетельством его хорошей экономической интуиции и сильно развитого политического здравого смысла.

Как бы то ни было, политический кризис разразился раньше, чем удалось добиться стабилизации экономического развития на базе находившейся в процессе формирования новой хозяйственной системы. Путч похоронил надежду на гармоничное обновление Советского Союза, в том числе в экономической сфере.

Позволю себе здесь реминисценции о собственной идейной эволюции, поскольку, как мне кажется, это дает представление о том пути, который прошли многие российские экономисты в этот период.

Как воспитанник «цаголовской школы» я полностью воспринял теоретическое положение, в соответствии с которым собственность является определяющим фактором любой экономической системы. Соответственно, социализм для меня отождествлялся с моделью непосредственно общественного производства, находящегося в силу достигнутого уровня развития производительных сил на недостаточно зрелой стадии. Проявлением незрелости непосредственно общественных отношений я считал необходимость дополнения планомерной формы связи производителей товарной.

Работа после окончания экономического факультета МГУ в одном институте с такими учеными, как О.Т.Богомолов, Е.А.Амбарцумов, А.П.Бутенко, О.Р.Лацис, Г.С.Лисичкин, В.М.Шаститко, Ю.С.Ширяев, Н.П.Шмелев, А.С.Ципко и др. не могла не оказывать влияния на мои взгляды. Но «поддавался» идеологии «товарников» я, если можно так выра-

зиться, количественно, а не качественно. Да, признавал я, степень свободы социалистических предприятий нужно повысить, сферу товарных отношений расширить, но «внутри планомерной организации общественного производства».

Перестройка дала мощный толчок переосмыслению теоретических воззрений. Я «вдруг» обратил внимание на то, что сложившаяся в стране модель «реального социализма» качественно отличалась от проекта классиков марксизма. Иерархическое построение хозяйственной системы, которое раньше представлялось малозначимой, «с политэкономической точки зрения», особенностью планового управления, оказалось принципиальной, содержательной характеристикой системы. Именно она определяла ее реальных экономических субъектов и подлинный характер производственных отношений, центральным нервом которых оказывалась борьба за максимизацию получаемых сверху ресурсов и минимизацию спускаемых оттуда же плановых заданий. Я перевернул формулу: не форма собственности определяет всю совокупность производственных отношений, а последняя раскрывает существо собственности. Я понял, что простые количественные перераспределения прав между уровнями иерархии не в состоянии изменить систему, неэффективность которой была уже очевидной для всех. Мне, наконец, стало ясно, что речь должна идти о комплексной рыночной трансформации народного хозяйства.

Став «товарником», я не перестал скептически относиться к попыткам реформирования системы по частям, причем произвольным. Нет, я не был противником кооперативов, но считал что это не более, чем паллиатив, причем могущий стать опасным в случае, если не удастся предотвратить паразитирования этого нового хозяйственного организма на теле государственного сектора. Я не вполне разделяю мнение тех коллег, которые считают серьезной ошибкой в период перестройки недооценку «малых» шагов, направленных на развитие у советских людей инстинктов частного ведения хозяйства, задавленных прежней системой. Убежден, что создание условий для развития малого бизнеса должно было органично увязываться с ходом реформирования всей экономики. Точно так же, вряд ли для нас был применим китайский путь, если под ним понимать начало преобразований с изолированной реформы сельского хозяйства. Для страны с преобладающей тяжелой промышленной структурой такой алгоритм действий обрекал экономику на очень серьезные деформации.

Довольно быстро я пришел к выводу, что ключ к успеху преобразований состоит в формировании подлинно рыночной мотивации у предприятий государственного сектора, а также в создании адекватных новым хозяйственным условиям институтов, обеспечивающих необходимое пе-

ремещение труда и капитала между различными видами производства. В быструю и соответствующую принципам социальной справедливости приватизацию всего и вся я не верил (точнее говоря, знал, что она невозможна), поэтому упорно вел поиск путей перевода госсектора в рыночный режим функционирования. Постепенно вырисовывался госкапиталистический вариант, основанный на акционировании госпредприятий при передаче акций в управление специальным государственным холдинговым компаниям (или даже одной такой компании).

И наконец, чем дальше тем больше меня волновал вопрос о том, как смягчить структурный шок при переходе к рыночному хозяйству. Было ясно, что производственная структура, сложившаяся в условиях планового ведения хозяйства, начнет трещать по швам, как только по-настоящему заработает рынок. И в конце-концов я понял, что институциональные преобразования, связанные с формированием мотивации производителей, соответствующей новым условиям, а также созданием рынков труда и капитала, следовало проводить по возможности быстро, а вот либерализацию многих сторон хозяйственной деятельности — постепенно, как бы дозируя действие рыночных сил.

Эволюция моих представлений в отношении оптимальных способов преобразования советской экономики, как, видимо, и эволюция взглядов других ученых, происходила не изолированно от реального хода событий, а под его самым прямым воздействием. Приходится признать, что хотя мы очень быстро учились новому в ходе перестройки, но, к сожалению, так и не смогли поспеть за событиями, развивавшимися с калейдоскопической быстротой.

В новом политическом контексте, возникшем после путча, а затем и развала СССР, «шоковая терапия» Е.Гайдара ознаменовала парадоксальный реванш «цаголовской школы», причем в ее крайнем, «хессинском» варианте. Только с противоположным знаком. Мы вновь услышали знакомые речи о том, что форма собственности (в данном случае — частная) имеет решающее значение, что форма связи производителей (в данном случае — рыночная) не должна «омрачаться» чуждыми ей добавками (в данном случае — коррективами, вносимыми промышленной политикой). И наконец, в неявном виде, — цель оправдывает средства.

Цель бравых реформаторов, действительно, достигнута: мы живем в другой стране. В России, а не в СССР. Не в супердержаве, а в государстве, изо всех сил старающемся не скатиться окончательно в третий мир. Не в мощной научно-технической державе, а почти-что в топливно-сырьевой периферии мирового хозяйства. Да и экономика не командно-административная, а настоящая рыночно-капиталистическая, в полной мере соответствующая образцам конца XIX века.

Нас еще долго будет преследовать вопрос: а могло ли быть по-другому? Была ли в этой темной комнате искомая черная кошка и могли ли мы ее найти? Ответить на него непросто, особенно если не разобраться в том, какую кошку мы искали.

В свое время очень бурную негативную реакцию у сторонников перестройки вызвало ее сравнение писателем Ю.Бондаревым с самолетом, который поднялся в воздух, не имея установленного места приземления. Сегодня ясно, что в этом писатель был прав: в момент начала перестройки ясны были только самые общие очертания желаемого будущего. Этот образ в дальнейшем постоянно уточнялся, но, в конечном счете, «посадка» произошла явно не там, где бы хотелось. Издержки перехода к демократии и рынку оказались невероятно большими. Они включают развал государства, огромное количество безвременно ушедших и неродившихся сограждан, обнищание значительной части населения, потерю существенной доли научно-технического потенциала и прочее, и прочее.

Но значит ли это, как намекал писатель, что и «взлетать» не следовало? Даже сейчас, зная о невзгодах, постигших за прошедшие годы страну, я с такой постановкой согласиться никак не могу.

Во-первых, шансы на успех перестройки, если под этим понимать формирование цивилизованного, социально-ориентированного, основанного на демократии и рыночной экономике общества были. История не терпит сослагательного наклонения, но ясно, что точек бифуркации, где она могла пойти разными путями, было немало. Стоит только представить себе что было бы, если бы российское руководство выступало не оппонентом союзного центра, а его союзником.

Шансы эти, увы, использовать не удалось. И дело здесь, конечно, не в пресловутой нерешительности ее инициатора. Мне кажется, что чем явственнее становился тот факт, что перестройка не может ограничиться благостно-поверхностными начинаниями, что за общим (или почти общим) согласием, что «надо что-то менять, чтобы стало лучше жить», лежали очень разные представления в отношении как сути, так и способов реализации этих перемен, тем больше крепло убеждение М.С.Горбачева, что успех зависит от того, удастся ли переплавить правду каждого — условно говоря, и «отъявленного цаголовца», и бескомпромиссного рыночника — в некоторое новое, целостное представление об искомом общественном устройстве. Но мы уже вошли во вкус, и нам было не до кропотливого поиска истины и консенсуса. Самолет перестройки попал в бурю не потому, что взлетел, не зная точного места назначения, а потому, что его команда и пассажиры вместо совместного определения курса просто-напросто передрались на борту.

Во-вторых, разве было бы лучше, если бы перестройка не начиналась до тех пор, пока не составлен детальный план ее проведения? Когда бы она тогда началась, если началась бы вообще?

Раздумывая над этим вопросом, я вспомнил случай, произошедший поздней осенью 1992 г. Тогда мне пришлось участвовать в большой конференции, проводившейся в городе Светлогорске Калининградской области. Воспоминания остались не от самой конференции, а от банкета. Вскоре после его начала выяснилось, что мои соседи по столу не только ведущие бизнесмены города, но в прошлом — руководители его партийных и советских органов. Подвыпив, они начали почему-то ругать М.С.Горбачева. «Чем же вам Михаил Сергеевич не угодил?», — задал я наивный вопрос. «Ну как же? — последовал возмущенный ответ. — Сказал бы сразу, что надо капитализм строить, так мы бы дружно взялись за работу и все давно бы уже сделали. А то морочил голову, какими-то сказками, чуть было власть в городе не потеряли!»

И вот я думаю: не началась ли перестройка весной 1985 г., мы бы с друзьями-экономистами под руководством таких «ребят» до сих пор бы спорили, на какие слова следует делать ударение в выражении «плановмерно организованные социалистические товарно-денежные отношения»? Страна все безнадежнее отставала бы от развитых государств. А риски, связанные с возможной перестройкой, все возрастали бы и возрастали...

Исторический перелом: раздумья очевидца

Олег Богомолов

Два десятилетия в нашей стране совершаются драматические преобразования, исход которых остается предметом дискуссий, оптимистических и пессимистических прогнозов. Ученые, политики, публицисты пытаются разобраться в том, что произошло в мире с началом перестройки в Советском Союзе и как это отразилось на судьбе людей и народов, охваченных переменами.

Чем дальше от нас время перестройки, тем отчетливее проявляется исторический масштаб перемен тех лет, зачинателем которых был Михаил Сергеевич Горбачев. Но остается без ясного ответа вопрос, почему российский путь общественного переустройства оказался столь болезненным. Центральная и Восточная Европа проделала его значительно быстрее и успешнее. Еще более впечатляющий контраст представляют экономические достижения Китая.

Начавшись осторожно, как бы исподволь, перестройка в Советском Союзе повлекла за собой тектонический сдвиг в развитии современного мира. Принято считать началом переходной полосы нашей истории 1985 год – год избрания М.С. Горбачева на пост Генерального секретаря КПСС. Однако лишь с 1987 года стало вполне очевидно наступление серьезных перемен и понятие «перестройка» прочно вошло в обиход. До этого лишь накапливались предпосылки изменения сознания и политики. Сдвинуть с места, а тем более повернуть в иную сторону такую глыбу, как советская система, было делом почти неподъемным, требовавшим искусства и политического

Богомолов Олег Тимофеевич — академик РАН, почетный директор Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН, советник РАН; в годы перестройки — директор Института экономики мировой социалистической системы АН СССР; в 1989–1991 гг. — народный депутат СССР.

мужества. Обновление приходило медленно, глотками свежего воздуха, обнадеживающая оттепель временами сменялась заморозками.

Придя к власти, М.С. Горбачев попытался административными методами модернизировать экономику и ускорить ее рост, но вскоре убедился в необходимости других решений. По его представлениям, необходимо было пробудить энергию масс, сделать их активными участниками преобразований. Поэтому он пошел на расширение гласности, политических свобод, допущение плюрализма мнений, стал выступать за демократический выбор пути развития и социального устройства.

С расстояния перестройка видится иначе, чем многие воспринимали ее тогда. В декабре 1997 года М.С. Горбачев изложил в одном из своих зарубежных интервью ее суть следующим образом:

- Отказ от монополии коммунистической партии и ее безраздельной власти над общественной и духовной жизнью.
- Ликвидация монополии государственной собственности и поворот экономики к интересам народа.
- Раскрепощение экономической инициативы и признание частной собственности.
- Реальные политические свободы.
- Закладка основ парламентаризма, плюрализм мнений и партий, свобода слова и вероисповедания, право выезда за границу.
- Публичные дискуссии и демократический выбор пути развития и социального устройства.
- Внешняя политика, основанная на здравом смысле, а не на идеологическом соперничестве.

К этому на излете перестройки, в ходе мучительного Ново-Огаревского процесса добавилась еще одна исключительно важная ее сторона — демократическая реформа федерального устройства страны.

На первых порах М.С. Горбачев не придавал ей большого значения, а взялся за нее со всей энергией лишь тогда, когда государство начало медленно расползаться на части и силовые приемы сохранения его целостности не сработали.

Перестройка означала революционный поворот как в общественной мысли, так и в практике; поворот, который сопровождался острейшей идейной и политической борьбой. Шло размежевание между консерваторами разной степени заскорузлости взглядов и готовности к переменам и реформаторами многих оттенков — от крайних радикалов до умеренных демократов. Сопrotивление партийного и государственного аппарата, инерция административной системы ощущались весьма сильно. Для

обозначения противодействующих перестройке сил использовался тогда эвфемизм «механизм торможения». И этот механизм судорожно работал. Тем же менее М.С. Горбачеву удавалось некоторое время отвоевывать у консерваторов одну позицию за другой, прокладывая дорогу вперед.

Мы, да и мир в целом многим обязаны горбачевской перестройке. Среди ее достижений и последствий — окончание холодной войны, появление условий для «бархатных» демократических революций в странах Центральной и Восточной Европы, воссоединения Германии. Не менее важным было раскрепощение сознания людей, утверждение в большей или меньшей степени в России и других постсоветских странах демократических институтов, гласности, свободы слова, элементов гражданского общества, правового государства и социально ориентированного рынка. Нельзя не упомянуть и восстановление исторической правды, вовлечение в активную политическую жизнь значительных масс населения. Эти завоевания до сих пор остаются с нами, хотя и предпринимаются попытки свернуть и выхолостить демократию, ограничить свободу слова, вернуться ко лжи в политике, подчинить рыночные реформы и правовую практику интересам обогащения бюрократии, нового класса буржуазии и криминальных элементов.

Атакуемый справа, со стороны твердокаменных коммунистов и сталинистов, и слева, со стороны нетерпеливых, нередко склонных к экстремизму «демократов», М.С. Горбачев вынужден был маневрировать, чтобы избежать драматического обострения ситуации. Но события обретали собственную инерцию и становились все менее управляемыми.

Пожалуй, поворотным моментом явились выборы Съезда народных депутатов, на которых многие партийные бонзы, выдвинутые с одобрения ЦК КПСС, были провалены. Мне пришлось выдержать тяжелую избирательную кампанию в Севастопольском округе Москвы, в котором моим соперником был первый секретарь РК КПСС. На многочисленных митингах и собраниях легко было почувствовать преобладающие настроения избирателей. Они возлагали надежды на демократическое обновление, приход во власть свежих сил и демонстрировали недоверие к старой партийной номенклатуре.

Съезд народных депутатов открылся в конце мая 1989 года, собрав в Кремле две с лишним тысячи депутатов. В своей массе это были люди, воспитанные в традициях советской политической системы, привыкшие к единодушному, без раздумья одобрению того, что предлагали сверху. Они с нескрываемой враждебностью относились к тем, кто позволял себе иметь собственное мнение и не соглашаться с позицией большинства. Несогласных в основном представляла сравнительно малочисленная, в несколько десятков человек, группа депутатов, получившая название «межрегиональной». Она возникла спонтанно из людей, хотя и с различными оттен-

ками демократических убеждений, но объединяемых неприятием командно-административной системы и всевластия партийной номенклатуры. Речи и предложения этих депутатов, выступавших за более глубокую и последовательную демократизацию общества, вызвали явное неодобрение зала, что и дало повод Ю.Н. Афанасьеву назвать это большинство «агрессивно-послушным». Но именно такой управляемый съезд хотело иметь партийное руководство.

Помимо занявших много времени организационных и процедурных вопросов, повестка дня съезда включала обсуждение по докладу М.С. Горбачева насущных проблем внутренней и внешней политики. Собственно, эта дискуссия стала центральным событием в работе съезда. Речи депутатов по большей части затрагивали вопросы политического устройства, характера власти, дальнейшей демократизации, национальной политики. На общую атмосферу съезда повлияло внесенное в самом его начале предложение А.Д. Сахарова принять декрет о власти, передающий ее полностью Съезду народных депутатов. Де-юре съезд такой властью вроде бы обладал, но де-факто монополия на нее принадлежала партии. Против этой монополии и был направлен проект декрета. Естественно, он не был поддержан, а оратора затем не раз парочитыми аплодисментами или отключением микрофона стогнали с трибуны.

Экономике, несмотря на нарастающие трудности, было уделено, пожалуй, меньше внимания, чем она того заслуживала. Многие выступали в привычной манере, называя тревожащие их проблемы и призывая правительство помочь в их решении. Свежим и вместе с тем концептуальным взглядом на положение дел в народном хозяйстве отличалась речь Н.П. Шмелева, награжденная дружными аплодисментами. Она отчасти развивала мысли его взбудоражившей общественное мнение статьи в журнале «Новый мир» под названием «Авансы и долги».

Съезд пробудил надежды на дальнейшую демократизацию общественной жизни и ускорение экономической реформы. В его решениях говорилось о переходе к новой экономической модели, изменениях отношений собственности, полноценном социалистическом рынке. Вскоре была образована правительственная комиссия по проведению экономической реформы, которую возглавил Л.И. Абалкин. Словом, возникло ощущение, что лед наконец сдвинулся с места и появился шанс наверстать упущенное в деле стабилизации и реформирования экономики.

Как в обществе, так и на съезде обозначились водоразделы. Одни были искренне убеждены в необходимости знать полную правду о прошлом и настоящем, требовали окончательного разрыва со сталинизмом во всех его проявлениях. Они считали необходимым проведение реформы отношений

собственности, введенье настоящего народовластия, добивались торжества социальной справедливости и национальных прав. По мнению других, допустимы и даже предпочтительны были полумеры, частичные либерализация и гласность. Им казалось, что лучше не ворошить прошлого, не поднимать вопроса об ответственности за длительный застой и подавление десятилетиями живой мысли, за преступления той поры. Были и такие, кто готов оправдать применение грубой военной силы против тех, кто отстаивает иные политические лозунги, выходит на митинги и демонстрации.

Эта поляризация общества в последующем еще более усилилась под влиянием чудовищного имущественного расслоения населения. Впрочем, не только российское общество оказалось расколотым. Крутая ломка привычного порядка вещей и во многих других странах породила водораздел в общественном сознании и поведении. Между тем не нужно доказывать, насколько такое состояние препятствует устойчивому социально-экономическому прогрессу. Поэтому призывы к консолидации не сходят с уст политиков. Весь вопрос в том, как достичь этого.

В современном обществе спкой, тем более военной, несогласных не обратит в свою веру. На мой взгляд, путь к консолидации ведет через разрешение глубоких противоречий общественного бытия, которые столь поразному воспринимает массовое сознание. Монолит, которым всегда считалось советское общество, дал трещину и даже не одну. Общество на рубеже 80-90-х годов все очевиднее раскалывалось, ожесточалось, и это стопорило назревшие преобразования. Выход из грозившего клинча мог быть двойным: либо одна из противостоящих сторон возьмет верх и силой навяжет свою волю, либо удастся прийти к приемлемым компромиссам, необходимой степени согласия относительно того, что и как надо делать.

Появление на съезде оппозиции в лице малочисленной и аморфной группы депутатов партийные лидеры терпели с нескрываемым раздражением. В их глазах это были некие смутьяны, будоражащие и взвизгивающие общественное мнение, провоцирующие экстремизм. Они не считали нужным прислушаться к их доводам. Справедливости ради следует признать, что у отдельных членов упомянутой группы, как в последующем стало вполне очевидно, превалировало честолюбивое желание оказаться у власти на волне демократических настроений масс. Популизм был для них средством достижения своих целей. Но разве результаты выборов на съезд не доказали наличие в самом обществе широкой демократической оппозиции, с которой надо было считаться, более того анализировать объективные причины ее возникновения? К сожалению, этот факт не получал должного признания. А если и получал, то из него делались неправильные выводы. Вместо устранения причин, раскалывающих общество, и поиска

путей к согласию пытались дать отпор критикам, отодвинуть их в сторону, не допустить к участию в принятии решений. Обвинялись и средства массовой информации в разжигании страстей.

Да и до сей поры живучи представления о диалектике общественного развития как единстве и борьбе противоположностей, заканчивающейся отрицанием отрицания. Бескомпромиссность борьбы, видимо, крепко засела в сознании бывших партийных функционеров. Если появляются силы, противостоящие политике властей, то задача последних – разгромить их как можно скорее. Удобная сталинская диалектика. А между тем в сегодняшнем мире достаточно примеров синтеза, взаимооплодотворения различающихся начал, достигаемого в результате компромиссов, или, как теперь часто говорят, – конвергенции, а не отрицания одного другим. Можно называть это решением противоречий политическими средствами, или сознательным добровольным согласием, или как-нибудь по-другому, важно, что прогресс сегодня становится возможным именно на такой основе.

Думаю, что формирование на съезде оппозиции способствовало демократизации общества, становлению парламентаризма, продвижению вперед экономической реформы. Не без ее участия произошла отмена прецедентной 6-й статьи Конституции, закреплявшей господствующую роль Коммунистической партии. Но если Межрегиональная группа и представляла в нарождающейся советской парламентской системе оппозицию, то еще очень незрелую и недостаточно ответственную. В ее предложениях порой проглядывал радикализм, импонирующий настроениям части общества, но не учитывавший сложности и огромных рисков перемен.

Перед лицом нарастающей напряженности в экономике и обществе напрашивалась известная параллель с польскими событиями августа 1980 года – массовыми забастовками, ввергнувшими эту страну в затянувшийся на целое десятилетие социально-экономический кризис, из которого тогда еще не видно было выхода. Экономика там не достигла уровня предкризисного года. Перестановки в правительстве и партии, призывы доверять руководству, заверения в том, что партия знает, как спасти страну, введение, наконец, военного положения не вывели польское общество из кризисного состояния. В результате Польская объединенная рабочая партия потерпела на парламентских выборах провал, что отразило разочарование значительной, а может быть, и преобладающей, части населения в социалистических порядках. Только тогда пришло понимание необходимости сотрудничества, конструктивного диалога с оппозицией. Неудача ПОРП объяснялась, не в последнюю очередь, именно неспособностью разглядеть корни противоречий, разделяющих общество, учесть волю подавляющей части населения страны. Слишком поздно она согласилась сесть со сво-

ими оппонентами за круглый стол, который, в конечном счете, и открыл перспективу возрождения.

Польский опыт должен был служить предостережением, заставляя задуматься над необходимостью достижения национального согласия, учета мнения народа. Он свидетельствовал о важности свободного обсуждения назревших проблем и свободного народного волеизъявления, подводил к пониманию очевидного факта, что подавление иных точек зрения, попытки осчастливливания народа «сверху» на основе обветшалых идеологических доктрин, вопреки здравому смыслу, вопреки самому сознанию народа, опасны и бесперспективны. Усмирить силой можно, но пробудить творческий подъем, энтузиазм народа нельзя. Мне думалось, что эта истина не требует особой аргументации.

После первого Съезда народных депутатов в правительстве развернулась работа над программой экономической реформы и одновременно над планом на 1990 год. Она поглощала огромную энергию правительства и соответствующих центральных ведомств. Но именно с оздоровлением и реформированием экономики связывались главные надежды на выход из кризисного состояния общества. Рассматривалось три возможных подхода к реформированию: во-первых, эволюционный, продолжающий неторопливый ход преобразований, другими словами, «медленным шагом, робким зигзагом», не сильно меняя привычные формы хозяйствования. Во-вторых, умеренно радикальный, предусматривавший ускорение перехода на рыночные отношения при сохранении государственного контроля над ценами, доходами и некоторыми другими сторонами хозяйственной жизни. И наконец, радикальный – в духе всем знакомой теперь «шоковой терапии» с единовременной либерализацией цен и торговли, уходом государства из экономики. Проверка последнего варианта на экономико-математических моделях показывала его губительность (что через два года Гайдар блестяще подтвердил на практике), поэтому он был отвергнут, как, впрочем, и первый вариант. Выбор был сделан правительством в пользу умеренно радикального подхода. Но принятие практических мер затягивалось.

Правительство и Госплан явно пытались смягчить впечатление о нарастающих трудностях, уклонялись от объективного анализа ситуации. Последнее подтверждалось плановыми проектировками на 1990 год. Избыток денег, или, как потом стало модно говорить, «денежный навес», достиг таких размеров, что деньги переставали быть деньгами, то есть выполнять необходимые функции средств обращения, платежа и накопления. Падало доверие к государству, которое повсюду является гарантом поддержания ценности национальной валюты. Происходило опасное разрушение системы кровообращения в экономике, натурализация обмена.

Из такой весьма серьезной реальности следовало исходить, определяя неотложные меры по реформированию экономики. Понятно было, что наличие продуманной программы рыночного перехода – дело нужное и хорошее, и тем непростительнее выглядела почти двухгодичная (со времени июньского 1987 года Пленума ЦК) затяжка с ее окончательным формулированием. Однако перед угрозой надвигающегося обвала нужно было, не дожидаясь последних уточнений, действовать решительно и прагматически, руководствуясь здравым смыслом. Важно было добиться улучшения хотя бы в одной, наиболее тревожащей, сфере – состоянии денежного обращения и потребительского рынка, чтобы затем двинуться дальше в соответствии с общей стратегией.

Среди мер по удержанию инфляции, которые тогда обсуждались, фигурировали не только повышение цен и палогов, но и займы под обязательство погашения их дефицитными товарами длительного пользования, импорт значительных количеств продовольствия и других потребительских товаров, повышение процентов по сберегательным вкладам. Многие из этого было вполне разумно. Однако упор следовало делать на расширение предложения товаров, вовлекая внутренние резервы производства. При этом, конечно, возникал порочный круг: для увеличения производства и предложения товаров на рынке необходимы действенные стимулы, но их появление невозможно без дополнительных поставок товаров на рынок. Выход виделся, прежде всего, в том, чтобы расширить предложение товаров за счет включения в рыночный оборот части государственного имущества и во введении полноценной валюты наподобие «червонца» 20-х годов. Затем можно было бы шаг за шагом переводить на рыночные условия работы сельское хозяйство, легкую и пищевую промышленность, поощрять создание и развитие мелкой строительной, перерабатывающей и другой промышленности на селе, ремесленной и кооперативной производственной деятельности в городах и поселках. Но подобный путь рыночного перехода не находил поддержки в правительстве.

Последнее мыслило постепенное и комплексное проведение рыночной реформы *сразу* во всем народном хозяйстве, соответственно, постепенно ослабляя административное регулирование. Между тем в Китае с успехом допустили рыночные свободы сначала только в избранных сферах экономики, там, где они обещали скорую отдачу, не пытаясь переделать сразу все остальное. Сначала эмансипировали крестьян от полукрепостнической зависимости, перевели на рыночную основу отношения между производителями сельскохозяйственных продуктов и остальной экономикой, т.е. государством, и лишь потом, убедившись в успехе, стали расширять рыночный сектор, включая в него промышленность. Пойти на это у нас явно не

хотели, сохраняя самый жесткий административный контроль в аграрной сфере. Зарождавшееся фермерство чахло в его тисках. Государство оставалось монопольным покупателем урожая по фиксированным, далеко не рыночным ценам, да еще душило село налогами и поборами, отказывало в кредитной поддержке.

На втором Съезде народных депутатов в конце декабря 1989 года Н.И. Рыжков представил программу экономической реформы. Она встретила суровую критику со стороны многих депутатов. Докладчик, видимо, не ожидавший такой реакции, выглядел растерянно, а в конце даже походил на обиженного ребенка, готового расплакаться. Тем не менее большинством в три четверти голосов было принято по его докладу постановление «О мерах по оздоровлению экономики, этапных экономической реформы и принципиальных подходах к разработке тринадцатого пятилетнего плана». Как и можно было ожидать, постановление оказалось очередной декларацией, очень быстро перечеркнутой жизнью.

Вскоре после завершения этого съезда драматизм экономической ситуации стал проявляться со все большей очевидностью. Обнаруживалась совершенная недостаточность одобренных съездом мер. М.С. Горбачев, как он пишет в своих мемуарах, воспринял программу Рыжкова как отход от решений июньского Пленума ЦК 1987 года назад, к командно-административной системе. Внутри верхних эшелонов партийной и государственной власти началось судорожное перетягивание каната между умеренными реформаторами-технократами и реформаторами более радикальной рыночной ориентации. Между тем экономический обвал неотвратимо приближался, грозя фатальными для перестройки политическими последствиями.

Нарастали сепаратистские устремления республик, потребительский рынок разваливался. Переломным моментом стал август 1991 года – неудавшийся путч части партийно-государственного руководства, ускоривший распад Советского Союза и отставку его первого президента – М.С. Горбачева.

Сегодня еще нет определенного ответа на вопрос, почему перестройка захлебнулась, оказалась насильственно прерванной. История, безусловно, вынесет свое суждение, и не стоит ее торопить с выводами. На мой взгляд, роковую роль сыграло несколько политических просчетов.

Во-первых, имела место недооценка важности и запоздалая подготовка демократической реформы федеративного устройства Советского Союза.

Во-вторых, не удалось обеспечить управляемость процессом преобразований, т.е. провести своевременное реформирование Коммунистической партии, сплотить реформаторскую ее часть.

В-третьих, не были должным образом учтены инерция общественного сознания, большевистский менталитет значительной части общества с ее склонностью к радикальным и революционным переменам, тогда как требовались осторожность и постепенность.

В-четвертых, игнорирование собственного исторического опыта реформ, в частности НЭПа, денежной реформы 20-х годов, а также возможности длительного сосуществования рыночного и нерыночного (управляемого плано-административными методами) секторов экономики.

Не стоит объяснять неудачи тяжелым экономическим наследием прошлого или неподготовленностью сознания основной массы населения к крутым изменениям. И то, и другое, несомненно, имело место, однако корень наших бед, как мне видится, состоит прежде всего в несостоятельности политической элиты. И старой, догматически-конформистской, которая преобладала, и новой, демократически-реформаторской, поскольку и та, и другая выросли в административно-командной среде. Политическая элита никак не отвечала вызову исторических перемен — ни с точки зрения ее нравственного уровня, ни с точки зрения критериев политической зрелости, элементарной честности и совестливости, ни с точки зрения понимания ответственности перед страной и ее народом. Она оказалась не в состоянии возглавить процесс обновления, повести за собой преобладающую массу людей и направить общественную энергию в верную сторону.

Разумеется, в новом трудном деле коренных общественных преобразований невозможно избежать ошибок и просчетов. Их допускали и М.С. Горбачев, и те, кто на него в годы перестройки нападал слева и справа.

Медленные и чрезмерно осторожные экономические реформы порождали в массе населения недовольство, поскольку экономическое положение на глазах ухудшалось и нужно было что-то делать. Общественное мнение ожидало решительных и немедленных шагов по реформированию экономики. Если к этому добавить победную эйфорию демократических сил после разгрома путчистов и иллюзии относительно быстрого успеха радикальных рыночных реформ, то становится понятным, почему выбор был сделан в пользу «шоковой терапии». Крутые, насильственные меры как нельзя лучше отвечали также большевистской закваске Ельцина и его окружения. К тому же на его выбор повлияли и рекомендации Запада, где либерализм стал господствующей идеологией, причем российские радикал-демократы легко уверовали в ее целебные свойства.

Быстрое разочарование части политической элиты и населения в принятом в спешке курсе экономической политики, вызвавшем галопирующую инфляцию, резкое обнищание большинства людей, спад производства и беспрецедентную социальную дифференциацию, привело к уг-

люблению раскола в обществе, противостоянию парламента и президента. Оно завершилось осенью 1993 года расстрелом из танков парламента и его роспуском, припятием на референдуме скроенной под авторитарного правителя конституции и изменением характера власти. Был взят курс не на модернизацию существующего общества и исправление его изъянов, а на полное отторжение советского наследства, реставрацию капитализма в его примитивных формах.

Силовые и радикальные способы проведения политики, принесение в жертву интересов простых людей, игнорирование элементарных моральных норм, постоянная ложь и замазывание неблагоприятных поступков и даже преступлений власть имущих – все это противоречило представлениям о зрелой демократии и социально ориентированной рыночной экономике. Это был окончательный отход от концепции горбачевской перестройки.

К сожалению, и после окончания эры Ельцина Россия по-прежнему на распутье: какой дорогой двигаться дальше. Остается много неопределенности относительно перспектив демократии, да и причины провала экономических реформ не поняты до конца.

Кровь — это не обязательно

Николай Шмелев

Двадцать лет назад с приходом в марте 1985 года к руководству страной М.С. Горбачева началась очередная русская революция, и продолжается она вплоть до сегодняшнего дня. Главное ее отличие от всех предыдущих — это революция бескровная, или, вернее, почти бескровная, если, конечно, судить по тем потокам крови, что всегда лились в России на крутых поворотах ее истории. У меня лично объяснение этому одно: российский человек в массе своей — что наверху, что внизу — наглотался столько ее, крови, особенно за жизнь предыдущих трех — четырех поколений, что поднять его на масштабное смертоубийство уже не сможет теперь никто, никакие силы, какими бы идеями, целями и мотивами эти силы ни руководствовались. Исторический лимит в России на кровь, похоже, исчерпан на всю видимую перспективу (если, конечно, не возникнет какой-нибудь новой губительной угрозы извне). И вечная заслуга М.С. Горбачева перед страной и перед всем миром не только в том, что он столкнул гигантский лежалый камень с горы, который надо было столкнуть еще десятилетия назад, но и в том, что этот камень покатился по бескровному руслу, погребая под собой многое, и мертвое, и живое — многое, но не человеческие жизни.

За годы, прошедшие после начала «перестройки», успело уже вырасти и вот-вот выйдет в активную, деятельную жизнь совершенно новое поколение, для которого боли, надежды и разочарования XX века по сути столь же далеки, как и все, что наполняло жизнь наших предков столетия назад. Татаро-монгольское иго, Смутное время, крепостное право, революции, Первая и Вторая мировые войны, большевистский террор, «холодная» война — да какая разница! Для них, сегодняшних, как говорил когда-то И.В. Гете, «прошло» и «не было» равны между собою». Ни изматывающих

Шмелев Николай Петрович — академик РАН, директор Института Европы РАН, профессор, доктор экономических наук; в 1985–1991 гг. — заведующий Отделом Института США и Канады АН СССР, в 1989 г. — народный депутат СССР, в 1991 г. — член Верховного Совета СССР.

душу дефицитов, ни унижительных очередей, ни полной подконтрольности любой частной жизни каким-то видимым и невидимым репрессивным структурам, ни лживой, оглушительной пропагандистской трескотни со всех сторон, ни ощущения запертости в «осажденной крепости», выход за пределы которой разрешен лишь изредка и лишь избранным — ничего этого они не знают и знать не хотят. И в этом их счастье, что новые условия жизни в стране они принимают как должное, естественное, природой данное, то, что не нужно даже замечать, как не замечает человек воздух, которым он дышит.

И все же никогда жизнь новых поколений не будет прочной, надежной, если они не будут знать и понимать наше прошлое, особенно недавнее прошлое, корни и щупальца которого все еще пронизывают всю толщу нашей жизни сегодня и окончательно отомрут, конечно, не завтра и, наверное, даже не послезавтра. Правда, давно утверждается, что история никогда и ничему никого не учит, и никаких законов и закономерностей в ней нет: дескать, «вся эта дрянь, что на земле живет, нужна лишь Богу на игрушки». Но если быть объективным и если мерить жизнь не днями, не годами и даже не десятилетиями, а чередой поколений, нельзя будет не признать, что она, история, все же учит, и многому учит, иначе мир давно бы уж провалился в тартарары.

И даже нас, россиян — самых скверных, наверное, из ее учеников — она, положа руку на сердце, тоже в конце концов учит, хотя и по невероятной, немислимо дорогой цене. Горько, конечно, сознавать, что на освоение каждого, даже простейшего, урока истории нам всегда требуются многие миллионы (а то и десятки миллионов) человеческих жертв и загубленная жизнь целых поколений. Но другого пути для России у Провидения, видимо, не было предусмотрено. Не было, но, может быть, теперь будет?

Даже уже первый, «горбачевский» этап нашей нынешней революции подвел ясную черту под вековыми российскими бреднями о каком-то нашем «мессианском» всемирном предназначении, под ставшей чуть ли не национальной идеей о спасении человека и человечества путем насильственного навязывания всем и вся некоей тотальной умозрительной конструкции, выдуманной либо в монашеской келье, либо в кабинете какого-нибудь шибко умного теоретика. Никого и никогда мы не спасем — самим бы не дать пропасть. Думаю, теперь это уже стало очевидной истиной как для тех, кто составляет так называемую «элику» российского общества, так и для нашего «человека с улицы» в его многомиллионном исчислении. За исключением, разумеется, самых крайних маргиналов, которые всегда были, есть и будут в любой стране и при любом общественном устройстве.

Нельзя, не надо ничего «внедрять» силой ни сверху, ни снизу за полной исторической бесполезностью этого занятия. Все равно, как учит опыт поколений, искусственно выстроенный таким образом домик рано или поздно рухнет сам по себе, под собственной тяжестью и даже без всякого толчка извне. Все «великие» идеи русской истории так или иначе провалились: и сверхдержавность (она же «Третий Рим»), и «крест на Святой Софии», и счастье всего человечества под знаменем марксизма-ленинизма, и поиски какой-то неведомой никому «высшей духовности», ради которой можно пренебречь всем, чем обычные люди жили и живут во всем мире.

Надо, наконец, перестать жить химерами, а жить тем, что есть, т.е. реальными, понятными всем и каждому задачами: надо построить дом и разбить сад, замостить дорогу, построить больницу, школу, приют для увечных и престарелых, вырастить детей и дать им образование, поддерживать науку, культуру, церковь, укреплять оборону, обустроить города, возрождать дышащую уже почти на ладан российскую деревню, освоить до сих пор так толком и не освоенное, что досталось нам от Бога — Сибирь и Дальний Восток, и т.д. — одним словом, обустроить наконец нашу огромную страну. Эти задачи стоят перед нами сейчас, и этого нам с лихвой хватит на поколения и на века вперед. Не уверен, конечно, что даже и теперь все и со всем согласятся со мной, но в том, что сегодня главная национальная идея — это строительство, созидание, сохранение народа страны и всяческое его благополучие, с этим, думаю, согласятся все.

Именно этот сдвиг в национальной психологии — всенародный отказ от насилия, крови, и всякого рода тоталитарных химер — стал тем самым существенным в жизни современной России, чем должно в первую очередь измерять исторический эффект «горбачевской перестройки». Но не только в такого рода сдвиге в национальном мироощущении заключался ее эффект. Как при внезапной вспышке света в темноте, обществу стало вдруг ясно, что Россией правят отнюдь не «небожители», не люди какого-то высшего порядка, обладающие высоким умом и проникновением в суть вещей, а самый что ни на есть рядовой, «пошлый» народ со всеми его пороками и страстями, включая невежество, алчность и чудовищную близорукость, а попросту говоря, обыкновенную человеческую глупость. Правда, покойный генерал А.Лебедь, помнится, утверждал, что «глупость — это не глупость, это такой ум». Может быть, и так, может быть, и действительно ум, но такой, который дальше сиюминутной выгоды и собственного носа не видит впереди ничего. Убежден: новая русская революция случилась не по злой воле кучки своих или забугорных заговорщиков, а ее подготовили по собственной глупости окончательно утратившие инстинкт самосохранения наши тогдашние руководители,

ожиревшие до полной потери всякой дееспособности и понимания, где они и что происходит вокруг них.

Не я один — многие и сегодня не верят в нежизнеспособность социализма. Но не «советского», а демократического, рыночного социализма, т.е. социализма «с человеческим лицом», опирающегося на естественные человеческие устремления и проверенные всем многовековым опытом человечества законы экономики. Не только во многих западноевропейских государствах уже многие десятилетия строился и строится вполне жизнеспособный и экономически эффективный социализм, основанный на принципах социальной солидарности общества и ведущей роли частной инициативы и частной собственности в экономике. Даже перепутанный по рукам и ногам узами «блоковой дисциплины» социализм Я.Кадара в Венгрии убедительно доказал свою жизнеспособность — и доказал в самые, казалось бы, нелегкие времена. И столь же бесспорно жизнеспособным показал себя тогда «самоуправленческий социализм» И.Броз.Тито в Югославии, рухнувший впоследствии отнюдь не по социально-экономическим причинам, а только лишь из-за иррациональных этнических конфликтов, разодравших страну, да еще следует добавить, при очевидном провокаторском подзуживании извне.

Но, скажите, какая претендующая на длительную жизнеспособность система могла выдержать все те, не подберу другого слова, измышательства, которые с самоедским упорством устраивали над ней большевики? Не хочу даже вспоминать людоедские эксперименты И.Сталина или всем еще памятные чудачества Н. Хрущева, превратившего, среди прочего, огромную плодородную страну в хронического импортера хлеба. Все это теперь, конечно, сотрясения воздуха задним числом. Но может ли все же кто-нибудь хотя бы сегодня внятно объяснить мне, почему была задушена на корню даже робкая, половинчатая реформа А.Косыгина, хотя ничего, кроме слабенького стимула для уже начавшей технически резко отставать советской промышленности (стимула в виде свободного распоряжения предприятиями своей сверхплановой прибылью), она фактически и не предусматривала?

И далее: на что страна потратила весь тот буквально «золотой дождь», который обрушился на нее после первого взлета мировых цен на нефть в 1973 году? В сумме это было порядка 250 млрд. долл. — хватило бы, наверное, чтобы, к примеру, покрыть хорошими дорогами от края и до края всю страну. Известно, на что потратила: на вмешательство в Анголе, Эфиопии, Мозамбике и прочих экзотических местах; на поддержку Кубы; на развертывание «СС-20», всполошившее всю Европу; на форсирование гонки вооружений по всем направлениям, и не только в производстве ракет

и ядерных зарядов, но и 60 тысяч или даже больше танков, оказавшихся очень скоро вполне бесполезными; на ежегодные закупки 30 млн., а другой год и более тонн зерна по всему миру; на безумные проекты поворота северных рек; и т.д. и т.п. И как апофеоз всему — вторжение в Афганистан, оказавшееся в результате для Советского Союза истинным началом его исторического конца. А подписали, между прочим, это решение поначалу трое — Ю.Андропов, А.Громыко и Д.Устинов — кого и сегодня еще вроде бы принято «держат за умных».

Так что нынешним ультралевым некого винить в том, что произошло, кроме самих себя: здание это не могло не рухнуть под грузом подобных безрассудных решений, абсолютно бессмысленных, абсолютно неподъемных для страны расходов и в силу ставшей уже клинической недееспособности тогдашних властей. Если не в марте 1985 года, то, уверен, в самые ближайшие последующие годы М.С.Горбачев (или кто-то, призванный сыграть ту же роль) должен был, не мог не появиться. Пределы падения советской системы были достигнуты, вопрос уже стоял о национальном спасении, и нет никаких оснований думать, что (в отличие от самых верхних властных этажей) инстинкты самосохранения в народе, в обществе, да и в значительной части советской «элиты» были к тому времени полностью отшиблены. На фигуру калибра М.С.Горбачева рассчитывали, ее ждали, и он появился, как говорится, в нужный момент и в нужном месте.

Но и с его приходом к руководству все на деле оказалось не так просто. Конечно, любому серьезному повороту в политике, а тем более столь радикальному повороту, каким явилась «перестройка», нужно время, чтобы вызреть в головах и его инициаторов, и тех, кто их окружает. Начался этот поворот, следует признать, из рук вон плохо, в полном соответствии с той манерой, которая уже накрепко въелась в плоть и кровь всей нашей власти, включая даже самых лучших, самых способных ее представителей. Начался он с крупнейшей ошибки, которая сразу насторожила мыслящих людей в стране — с пресловутой антиалкогольной кампании. В основе этой кампании (проводившейся, конечно, с самыми добрыми намерениями) лежало элементарное невежество. Соединенные Штаты в 20-х годах, введя «сухой закон», полностью уже выполнили за нас этот эксперимент и получили однозначно отрицательный эффект: потребление спиртного в стране за 12 лет действия закона на деле не только не сократилось, а, наоборот, выросло за счет подпольного производства и всякого рода контрабанды, а не зная никогда до того серьезной организованной преступности Америка получила ее в полную меру на десятилетия вперед. У нас же к тем же самым последствиям добавилось еще одно, весьма специфическое — полностью подорванный государственный

бюджет. И всего-то нужно было просто оглянуться назад, чтобы этой разрушительной ошибкой избежать!

Многое на начальном этапе «перестройки» говорило о том, что у ее инициаторов было лишь желание что-то резко изменить, переделать в стране, вывести ее из исторического тупика, но плана, как это сделать, не было. Начались судорожные (хотя, может быть, и понятные в конкретных наших условиях) метания из стороны в сторону. То Е.Лигачев начнет воистину безумную кампанию против так называемых «нетрудовых» (т.е. любых частных) доходов, и над Краснодарским краем, к примеру, закружат вертолеты, каждый с чугунной бабой на цепи, чтобы по приказу начальства крушить сверху стеклянные теплицы на огородах его жителей. То выбросят лозунг, чем-то похожий на ременный кнут вдоль спины спотыкающейся клячи: «даешь ускорение!» А что ускорять, как ускорять — один Ты, Господи, веши. А то вдруг найдут магический ключ ко всему научно-техническому прогрессу — «госприемку продукции», а то, что от любых форм контроля качества зависит во всем мире не более 1% этого самого качества, о том, дескать, не только можно, но и нужно забыть.

И все же к началу — середине 1987 года, пробиваясь сквозь дебри и завалы прошлого, сквозь традиционный менталитет, столь долго господствовавший в стране, контуры какого-то нового общества, к которому мы идем, начали уже вырисовываться вполне отчетливо. Демократия, закон, истинно выборная власть, права человека, свобода слова («гласность»), собраний и демонстраций, свобода совести, рыночная экономика при регулирующей роли государства, выход страны из международной изоляции и прекращение «холодной войны» — все эти новые ориентиры означали, что Советский Союз, Россия, оставаясь великой державой, совершает новый крутой поворот в своей истории и переходит на нормальный, человеческий, «европейский» путь развития. Боязливо, недоверчиво, не сразу, но страна все же поверила в искренность нового курса, а очень скоро стала и торопить, и подталкивать М.С.Горбачева на этом пути, сетуя на медленность прогресса и на то, что «перестройку» все никак не удастся осуществить к ближайшему понедельнику. И так же медленно, недоверчиво, не сразу, но и враждебный Запад поверил новому советскому лидеру и, надо сказать, с тех пор уже этой веры не терял никогда вплоть до сегодняшнего дня.

Человеку свойственно, оглядываясь назад, не только понимать, как оно все тогда было, но и сокрушаться о том, как славно все могло бы быть, если бы вот то-то и то-то было сделано не так, а совсем по-другому. Наверное, чисто умозрительно можно сегодня сказать, что усилия М.С.Горбачева были бы гораздо более успешными, если бы он в конце концов пошел на открытый разрыв с ультраконсервативным крылом компартии, если бы он открыто

объявил себя сторонником социал-демократии и еще тогда возглавил новое социал-демократическое движение, если бы он не сторонился так называемых «истинных демократов», а, наоборот, опирался на них и поддерживающие их силы улицы и т.д.

Но, думаю, всяческого рода маневрирование и отказ от преждевременного разрыва с компартией и ее разветвленным аппаратом, контролировавшим все властные структуры в стране, включая армию и репрессивные органы, были в то смутное время проявлением не столько слабости, сколько мудрости. Именно это в первую очередь спасло нас от настоящего массового кровопролития и ограничило весь насильственный потенциал «горбачевской» революции опереточным путчем августа 1991 г. Конечно, честь и слава покойному члену Президентского Совета С.Шаталину, который на всех перекрестках твердил тогда: «Я социал-демократ! Будущее за социал-демократией». Но как в стране, где три поколения подряд людей приучали (и приучили-таки) к тому, что большевик — это человек свой, твердокаменный, а социал-демократ — это хлюпик в очках, предатель, обманщик, да еще, к тому же, какой-то подозрительной национальности, можно было создать, фактически на пустом месте и в кратчайшие сроки, мощное социал-демократическое движение с прицелом на его ведущую роль в обществе? И как можно было в той конкретной обстановке поставить все на демократов и регулярно выводимую ими на улицу толпу, если любой думающий человек видел то, что видели все предшествующие революции и у нас в стране, и за ее пределами, а именно: как всегда, «в белом венчике из роз впереди Иисус Христос», а за ним алчная свора беспринципных политиканов, мечтающих любыми путями, но лишь бы поскорее дорваться до власти и до собственности? Что они потом блестяще и доказали с развалом Советского Союза и началом ультралиберальных реформ.

Но для меня, экономиста, естественно думать, что основные просчеты «перестройки» были сделаны все же не столько в политической, сколько в социально-экономической сфере. И, как наблюдатель и даже довольно активный участник тех событий, считаю, что эти просчеты тоже были в первую очередь следствием отсутствия продуманного стратегического плана реформ. Причем не в смысле их цели — цель-то как раз была более или менее понятной, хотя и туманной (некий российский вариант «социального рыночного хозяйства»). Но пути и этапы движения к цели, их приоритетность и очередность в должной мере, убежден, не ясны были никому.

И первый по значению просчет лидеров «перестройки» заключался, на мой взгляд, в их каком-то даже не умственном, а каком-то «спинномозговом» пренебрежении к такой важнейшей, но трудноформализуемой и еще более труднопросчитываемой задаче, как необходимость возродить

в стране творческую предприимчивость широких масс, их предпринимательские инстинкты, их возможности, иначе говоря, ту самую стихийную «энергию травы», которая взламывает любой асфальт. Семьдесят лет до того эта энергия всячески вытаптывалась, а государство смотрело на любого самостоятельного предпринимателя как на врага — будь то крестьянин, или ремесленник, или торговец, или врач. И все десятилетия советской власти страна думала лишь об одном: как построить очередной промышленный гигант, нисколько не заботясь о том, что во всем мире основным мотором экономики и научно-технического прогресса, основным агентом рынка и работодателем давно уже стал малый и средний предприниматель. «Малое — прекрасно», — утверждал мир. «Нет, прекрасно только большое», — упорно твердили большевики.

Не случайно мудрые китайцы начали свои реформы после 1978 года именно с малого и среднего сектора, быстро оживив полумертвую экономику и создав в стране полнокровный рынок. На это они потратили 20 лет, а теперь лет 15-20 будут реформировать крупную промышленность, акционируя ее, модернизируя, избавляясь от безнадежно убыточных предприятий и т.д. Наши же попытки разбудить энергию населения ограничились в конце 80-х гг. лишь робким оживлением кооперативного сектора. Да и то, испугавшись его стремительного роста, быстро дали задний ход, вновь придушив кооператоров непосильными налогами и искусственно вздутыми ценами на все поставки, в которых они нуждались. К сожалению, подобное воистину самоедское отношение к малому и среднему сектору остается характерным для нас вплоть до сегодняшнего дня. Более того, оно стало еще хуже: если в конце 80-х годов, к примеру, для открытия своего дела требовалось в России в среднем три месяца, то сейчас — год.

Другой серьезнейший просчет того времени — недооценка опасности несбалансированного внутреннего рынка, расширявшейся пропасти между денежным спросом и товарным предложением, искусственного обострения дефицитности и без того уже крайне дефицитной экономики. На профессиональном жаргоне это называлось «денежный навес» — растущее превышение количества денег в стране над их товарным покрытием. Выходов из этого положения тогда было только два: либо тем или иным способом конфисковать свободные деньги у населения и предприятий, либо, одновременно попридержав печатный станок, «выкупить» их по приемлемой для государства цене.

Некоторые наши экономисты (включая и меня) предлагали правительству не рисковать, не злить без нужды и так уже наэлектризованное всяческими дефицитами население, не плодить по всей стране все новых и новых подпольных миллионеров, прячущих товар под прилавком и на

складских полках в ожидании дальнейшего взлета цен, а «выкупить» лишние деньги путем, во-первых, массивной продажи имеющихся неликвидов, сверхнормативных запасов, автомобилей, другой техники, жилья, зданий, земельных участков, и пр., а во-вторых, путем тоже массивного импорта высокорентабельных товаров потребительского спроса (имея в виду, что в то время на 1 рубль потребительского импорта государство получало 9-10 рублей прибыли).

Конечно, тут же вставал вопрос: а где взять на это деньги? Ответ мог быть тогда только один: занять за рубежом, под соответствующую государственную программу. Но простая эта мысль никак не могла получить поддержку нашего руководства, хотя платежная репутация страны тогда была еще достаточно высока. Вспоминается в этой связи разговор в 1989 году с тогдашним президентом Центрального банка ФРГ г-ном Херхаузен (всего за два-три месяца до того, как его взорвали террористы).

—Хорошо, говорил покойный банкир. — Если я вас правильно понимаю, то г-н Горбачев приходит ко мне и говорит: «Г-н Херхаузен, мне нужно занять у вас 15-20 млрд. долларов...»

—Нет-нет, — перебиваю я его. — Как раз наоборот. Вы, г-н Херхаузен, приходите к г-ну Горбачеву и говорите: «Г-н Горбачев, вам нужно занять у меня 15–20 млрд. долларов...»

В конце-концов руководство страны, кажется, решилось все же на этот план. Но было уже поздно. Весной 1991 года Г.Явлинский был послан в Америку обсуждать схожий по смыслу проект, но ничего дельного из этого так и не получилось. А в июле того же года «Большая семерка» в Лондоне напрямую отказала М.С.Горбачеву в реальной финансовой поддержке, чем, среди прочего, уверен, вольно или невольно подтолкнула и августовский путч. Ну, а дальше, уже на «ельцинско-гайдаровском» этапе, был, как известно, избран один и единственный метод: никакого «выкупа» и никакой индексации сбережений, прямой грабеж всех, и населения, и предприятий. Что либерал-демократам страна так и не простила и не простит, вероятно, никогда.

Наконец, тогда уже становилось ясно, что без радикальных перемен в денежно-финансовой и ценовой сфере преодолеть нарастающий кризис невозможно. Необходимо было восстанавливать бюджет, вернув, в частности, реальную государственную монополию на спиртное и другие подакцизные товары. Необходимо было постепенно начинать отпускать цены на основную массу обращающихся на рынке товаров, сдерживая, однако, административным путем цены на предметы самой-самой первой необходимости. Необходимо было начать акционирование, подготавливать приватизацию государственных активов, но не «задаром», как случилось в

первой половине 90-х годов, а за реальные деньги. И отнюдь не торопиться с этим делом, памятуя, что М.Тэтчер, например, потратила на успешную приватизацию всего десятка ведущих британских государственных компаний в 80-х годах не менее 10 лет.

Убежден, тогда еще оставалась последняя возможность осуществить переход страны к рынку более или менее безболезненным, щадящим путем. Именно таким, в частности, был нашумевший тогда план Г.Явлинского — С.Шаталина, известный под названием «500 дней». Название, конечно, было несерьезное, рекламное, и каждому было ясно, что план потребует отнюдь не 500 дней, а в лучшем случае 500 недель, а то и месяцев. Но по идеологии своей, по мыслям, заложенным в нем, этот план, убежден, был достаточно реалистичен. Но, как всегда, вмешалась политика, вмешались людские страсти, амбиции, «траншейные интересы» (английское выражение), и план был в конце концов положен под сукно.

Помню, меня тогда назначили на какое-то время своего рода модератором между авторами его и командой его (преимущественно правительственных) противников: а вдруг удастся все же выработать что-то среднее, устраивающее всех? Помню ночное заседание в Архангельском в августе 1990 г.: слева команда «500 дней», справа команда правительства, в торце стола — я. И помню это тягостное, почти раздавившее меня тогда ощущение: Бог ты мой, о чем они спорят? Какая там экономика?! Одни напирают: «Отдай власть, отдай власть...» Другие столь же яростно: «Не отдам, не отдам, ни за что не отдам...»

Нередко (особенно сегодня, когда многое из того, что было в те времена, уже стало терять свою остроту) в памяти у меня всплывает старинная максима: «Наши недостатки есть продолжение наших достоинств». Наверное, и сегодня наше общество не знает однозначного ответа на вопрос: как так получилось, что развалился Советский Союз? Как мог Кремль это допустить? У меня лично два объяснения: одно, так сказать, политэкономическое, другое — чисто психологическое, привязанное в основном к М.С.Горбачеву, а вернее, к тому, как я эту воистину выдающуюся личность понимал и понимаю. Политэкономическое объяснение, уверен, бесспорно и понятно всем: огромная страна не могла уже дальше не только развиваться, но и просто нормально существовать, когда Москва аккумулировала до 95% доходов госбюджета, а в прямом распоряжении (т.е. без санкции Кремля) у республик, краев, областей, районов и прочих уровней администрации оставалось лишь 5%. В конце концов лидеры перестройки поняли это, но опять оказалось, что слишком поздно.

Другое же, чисто психологическое объяснение — искреннее, глубокое отращение М.С.Горбачева к крови. Если бы в традиционной российской

манере в 1988 году в Сумгаите повесили на фонарях десяток-другой зачинщиков резни (а это, убежден, была первая серьезная проверка горбачевского режима на прочность со стороны деструктивных сил), если бы вовремя сумели нейтрализовать абсолютно сумасшедшего З.Гамсахурдиа и его окружение, если бы выбросили в декабре 1991 г. одну единственную десантную дивизию (а то и полк) в Беловежской пуще и арестовали всю эту троицу провинциальных честолюбцев, потерявших всякое чувство ответственности перед страной... Но ничего этого М.С.Горбачев сделать на смог, и не только, думаю, из-за боязни кровавой памяти о себе в истории, а прежде всего из-за своего понимания этой самой истории — нашей российской истории: пусть плохо, долго, через пень-колоду, с проклятьями и разочарованиями, но пусть хоть на этот раз все обойдется без крови. И тогда, может быть, у России появится шанс вырваться наконец из этого векового заколдованного круга, когда кровь и насилие порождают лишь кровь и насилие, которые, в свою очередь, порождают новую кровь и новое насилие, и так без конца.

Столь же сложным и далеко не однозначным представляется сегодня многим и коренной поворот во внешней политике Советского Союза, совершенный М.С.Горбачевым. С одной стороны, нельзя не восхищаться той решимостью, с которой он принялся ломать устоявшиеся десятилетиями доктрины и стереотипы, деление мира на два довооружавшихся уже до безумия враждебных лагеря, присущую и нам, и Западу стойкую психологию «холодной» войны, которая потому только не сорвалась в «горячую», что обе стороны создали возможность «взаимного гарантированного уничтожения», а попросту говоря, возможность уничтожения всякой жизни на Земле. «Новое мышление» действительно было совершенно новым: переход от противостояния к партнерству с нашими бывшими противниками, перспектива реального взаимно контролируемого разоружения, отказ от всяких имперских поползновений, включая и так называемую «мировую систему социализма», пересмотр итогов Второй мировой войны, в том числе согласие на воссоединение Германии, постепенный выход Советского Союза из многолетней международной изоляции и открытие его границ, наконец, вывод войск из Афганистана — кто бы мог подумать о чем-либо подобном даже еще в первой половине 80-х годов, не говоря уже о более отдаленных временах?

Но и критики «горбачевского поворота» тоже имеют свои резоны. Как можно было, скажем, уйти из Европы и как можно было дать согласие на воссоединение Германии задаром, «за просто так», в виде лишь широко благородного жеста? А где же прагматический национальный интерес? Даже много-многомиллиардное советское имущество в этих странах было

оставлено фактически без всякой компенсации, не говоря уже о том, что любое подобное политическое решение уже само по себе должно иметь свою самостоятельную цену. А хоть какая-то компенсация за сорок лет снабжения стран СЭВ жизненно важными энергоресурсами и сырьем за 30% их мировой цены и, наоборот, встречные закупки их сомнительного качества продукции на деле по 200% этой самой цены? Ничего подобного, никакой компенсации — напротив, бывшие европейские страны СЭВ предъявляют нам сегодня претензии по поводу примерно 10 млрд. долл. еще советской задолженности им, а Германия является сейчас, пожалуй, самым жестким из наших кредиторов по советским долгам. И с идеей второго «Плана Маршалла», т.е. массивной внешней помощи новой российской (на этот раз демократической и рыночной) революции, так ничего и не получилось — благородство в новой международной ситуации оказалось вполне определенно односторонним. И с нерасширением НАТО на Восток нас, попросту говоря, надули, пользуясь нашей наивностью: непонятно, почему нельзя было с самого начала зафиксировать эту договоренность на бумаге. Ну, и так далее, и тому подобное.

И все-таки признать эту критику справедливой можно, мне кажется, лишь в том случае, если оценивать политику, а тем более внешнюю политику, только на бухгалтерских счетах. Во-первых, как говорится, «снявши голову по волосам не плачут». Не пойдя на все эти уступки (или это отступление, дело не в словах), мы не только наших главных партнеров на Западе, но — что, может быть, еще важнее — самих себя бы не убедили в том, что страна действительно прощается с прошлым. Именно экспансионистская внешняя политика превратила Россию с первых лет советской власти в пугало для всего мира. И именно полный, безоглядный отказ от всего этого непосильного имперского бремени, которое ничего, кроме надрыва и разорения, нам не принесло, означал, что страна действительно вступает в новую эпоху и приобретает новый облик.

Конечно, можно было бы, наверное, произвести этот поворот и с меньшими убытками. Но и на русский размах и широту тоже приходится делать поправку. Мы, к сожалению, действительно народ крайностей, и дай Бог нам когда-нибудь воспитать в себе психологию «золотой середины». И то, что распахнув во всю ширь объятья, мы в ответ получили такие уроки, как отказ от договора по ПРО, расширение НАТО на Восток, интриги наших западных партнеров на Кавказе и в Средней Азии, попытки вбить клин между Россией и Украиной, и многое другое — тоже, уверен, пойдет нам со временем на пользу. А, вернее, уже, кажется, пошло.

«Перестройка», думается, имела и еще один важный результат. Вновь, после многих десятилетий разгула всяческого произвола и абсолютной

безнравственности («цель оправдывает средства»), в политическую жизнь страны стали постепенно, шаг за шагом возвращаться уже, казалось бы, напрочь забытые морально-нравственные критерии, уважение к человеческой личности и ее правам. Не следует, конечно, преувеличивать действительную силу этих первых проявлений правосознания и человечности, и не следует забывать, что и тогда отдельные локальные всплески насилия, вроде тбилисских или вильнюсских событий, имели место. Но одно нельзя было не заметить: три поколения советских людей всячески приучали забыть, вычеркнуть из своей обыденной жизни такие основные понятия современной цивилизации, как совесть, честность, благородство, милосердие, права личности, личная безопасность, уважение к собственности, безусловное верховенство закона, и многое другое. Сегодня это может показаться кому-то и не столь уж значительным, но надо было иметь за плечами семьдесят лет советской власти и жить в то время, чтобы понять, насколько это было важно для морального климата в стране, для самосознания и самоуважения каждого человека, когда вдруг выпустили из принудительной ссылки А.Сахарова или вернули советское гражданство многим известным политическим изгнанникам.

К сожалению, после развала Советского Союза и начала ультралиберальных реформ хрупкое состояние определенной моральной устойчивости, возникшей было в стране, вновь зашаталось. Наглая конфискация сбережений населения в 1992 и 1998 гг., «дармовая» приватизация, тотальные невыплаты зарплаты, обнищание огромной части населения, невиданный разрыв между богатством, созданным, а вернее, «схваченным» в одночасье, и массовой бедностью, засилье криминала и коррупции — все это и многое иное вновь резко ухудшило обстановку в стране. Мне уже приходилось неоднократно писать об этом, и я снова настаиваю на безусловной справедливости простого тезиса: «плохая мораль — плохая экономика». Провалы и неудачи ультралиберальных реформ и их невероятная болезненность для населения имеют в своей основе не столько объективные причины, вроде устарелости и неповоротливости промышленной структуры страны, сколько чисто моральные, человеческие факторы: «необольшевистское» презрение к человеку, к этому «быдлу», которое наполняет собой города и села и которое должно, обязано вытерпеть все, даже самое безжалостное, что сочтет для него необходимым власть.

Опасная политика! Особенно в России. И мне кажется, что верховная наша власть уже начинает это понимать, хотя еще и далеко не полностью. Предпринятые в последнее время попытки государства, пусть и достаточно неуклюжие, изменить уникальную (то есть несуществующую больше нигде в мире) формулу деления доходов и сверхдоходов между российски-

ми нефтяными и прочими сырьевыми магнатами, с одной стороны, и обществом, с другой, позволяет надеяться, что более чем десятилетняя эпоха абсолютно аморального, социально безответственного бизнеса в стране, возможно, заканчивается.

Но многое пока еще побуждает и сомневаться в такой перспективе. Пренебрежение российских властей к «человеку с улицы» все еще дает о себе знать на каждом шагу. И вряд ли эти сомнения скоро исчезнут. Особенно, принятые недавно так называемые социальные законы, в частности о «монетизации» социальных льгот, окажутся на деле не в пользу рядовых российских граждан, как утверждают то сами инициаторы законов, а, наоборот, будут действовать против интересов граждан, о чем сегодня предупреждают критики этого столь опасного поворота в социальной политике государства.

Но как бы там ни было, а революция, начатая М.С.Горбачевым, продолжается, поднимая все новые пласты российской жизни и открывая все новые возможности. Сегодня можно, наверное, почти с равной степенью убедительности предсказывать и ее, этой революции, возможный бесславный конец, и ее благотворную роль в грядущем возрождении и процветании России — молодой, энергичной, уверенной в себе, России, сохраняющей все наиболее ценное из своей вековой самобытности и в то же время усвоившей все лучшее из того, чем живет современный мир. Для моего поколения, которое видело и противоречивое прошлое своей страны, и видит ее столь же противоречивое настоящее, вопрос о будущем России — это только отчасти вопрос логики, еще в большей мере это вопрос веры. Не хотелось бы, естественно, чтобы эта вера ослабла когда-нибудь. И надеюсь, очень надеюсь, что в будущих наших поколениях этого все-таки тоже не произойдет.